

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
Сектор Южнотихоокеанских исследований
Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании

**РОССИЙСКАЯ ДИАСПОРА
В СТРАНАХ ВОСТОКА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Сборник статей по материалам
I – III ежегодных международных научных конференций
«Российская диаспора в странах Востока»
Москва, ИВ РАН, 2010-2012

Ответственный редактор: к.и.н. Николаев В.П.
Редактор-составитель: к.и.н. Пале С.Е.

Москва
2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	
<i>Николаев Валерий Павлович, ИВ РАН (Москва), vale- rinikol@yandex.ru</i>	
Об изучении российской диаспоры в странах Востока в Институте востоковедения РАН	
Исторические волны массовых миграций из России и особенности их изучения в странах Востока	
<i>Лапин Павел Андреевич, ИСАА МГУ (Москва), третий секретарь Посольства России в Китае, waijiao2000@mail.ru</i>	
«Русская рота» в Пекине: история албазинской диаспоры в Китае (XVII-XX вв.)	
<i>Наземцева Елена Николаевна, НИИ военной истории Военной ака- демии Генштаба ВС РФ (Москва), elenapazz@mail.ru</i>	
Русские эмигранты в Синьцзяне и интересы великих держав в пер- вой половине XX в.	
<i>Бармин Валерий Анатольевич, Алтайская государственная педаго- гическая академия (Барнаул), valbarmin@mail.ru</i>	
О поддержке российскими подданными в Синьцзяне белогвардей- ских войск адмирала А.В. Колчака в 1919-1920 гг.	
<i>Бакулина Анжелика Александровна, Дальневосточный Федераль- ный Университет (Владивосток), anzhelika-bakulina@yandex.ru</i>	
Факторы развития и упадка русской эмиграции в Маньчжурии (к. XIX – сер. XX в.)	
<i>Смирнов Сергей Викторович, Уральский государственный универ- ситет (Екатеринбург), smirnov_sergei@mail.ru</i>	
Заложники чести: русские офицеры Белых армий в Маньчжоу-го	
<i>Капран Инесса Константиновна, Дальневосточный Федеральный Университет (Владивосток), ikkapran@mail.ru</i>	
Здравоохранение в русском Харбине (первая половина XX в.)	
<i>Егорова Надежда Алексеевна, Зав. справочно-библиографическим отделом Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва), egorova@bfrz.ru</i>	

- «Путевку многим в жизнь он дал» (о фотодокументальной выставке к 90-летию Харбинского политехнического института в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына)
- Черникова Лариса Петровна, Башкирский государственный университет (Уфа), larisa-che@mail.ru*
 Этнический состав эмигрантов из России в Шанхае в первой половине XX в.
- Скоробогатых Наталья Сергеевна, ИВ РАН (Москва)*
 Русские старообрядцы: через Маньчжурию в Австралию
- Отец Михаил Протопопов – один из лидеров православия в Австралии (тезисы)*
- Массов Александр Яковлевич, Санкт-Петербургский морской технический университет (Санкт-Петербург), amassov@gmail.com*
 Эволюция восприятия России и русских белыми жителями Австралии во второй половине XIX – начале XX вв. (тезисы).....
- Антошин Алексей Валерьевич, Уральский государственный университет (Екатеринбург), alex_antoshin@mail.ru*
 НТС в Австралии в 1950-е гг. (по материалам Отдела специальных коллекций Библиотеки Джорджтаунского университета, США).....
- Каневская Галина Ивановна, Дальневосточный Федеральный Университет (Владивосток), gkanevskaya@mail.primorye.ru*
 Культурная жизнь русской диаспоры в Австралии и ее роль в сохранении этнической идентичности
- Прудкогляд Светлана Анатольевна, Дальневосточный Федеральный Университет (Владивосток), markizar@list.ru*
 Благотворительная помощь русских австралийцев России (XX в.)
- Солодовник Инга Владимировна, Дальневосточный Федеральный Университет (Владивосток), solodovnikinga@gmail.com*
 История русскоязычного радиовещания в Австралии.....
- Рудникова Елена Викторовна, Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН (Владивосток), elena.rudnikova@mail.ru*

- Русские религиозные беженцы – старообрядцы в Новой Зеландии (XX в.).....
- Соколов Юрий Михайлович, Чрезвычайный и полномочный посол РФ в Новой Зеландии (1987-1992), y.sokolov2013@yandex.ru*
Из истории российской эмиграции в Новую Зеландию в 1990-е гг.
- Пале София Евгеньевна, ИВ РАН (Москва), sophiapale@yandex.ru*
Русский дух в Океании
- Иванова Людмила Алексеевна, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва), l.ivanova@list.ru*
Русский след в Вануату: содействие Н.Н. Мишутушкина в развитии российско-вануатских связей во второй половине XX в.
- Погадаев Виктор Александрович, Universiti Malaya (Куала-Лумпур), povial@yahoo.com*
Образ Советской и современной России в произведениях индонезийских и малазийских писателей (тезисы)
- Загородникова Татьяна Николаевна, ИВ РАН (Москва), tnzag@mail.ru*
Русская община на Цейлоне в 1898-1914 гг.
- Писаревская Дина Борисовна, (ИВ РАН), dinabpr@gmail.com*
Интернет-сообщество как фактор формирования русскоговорящих общин в Юго-Восточной Азии в 2000-е гг.
- Кириченко Алексей Алексеевич, ИВ РАН (Москва)*
Особенности российской эмиграции в Японию (XX в.).....
- Подалко Петр Эдуардович, Университет Аояма Гакуин (Япония), pprodalko@hotmail.com*
Основные этапы складывания российской диаспоры в Японии в XX – начале XXI вв.
- Краткий очерк деятельности Всеяпонской ассоциации по изучению восточной ветви русского зарубежья
- Михалёв Алексей Викторович, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ), mihalew80@mail.ru*
Русский вопрос в Монголии в 1966-2000-е гг.

<i>Кадырбаев Александр Шайдатович, ИВ РАН (Москва), kadyr_50@mail.ru</i>	Русские в Казахстане: история и современность (тезисы)
<i>Беляков Владимир Владимирович, ИВ РАН (Москва), beliakov2007@yandex.ru</i>	Исторические волны российской эмиграции в Египте
	Русская православная церковь в Египте в XX в.
<i>Сарабьев Алексей Викторович, ИВ РАН (Москва), alsaraby@ya.ru</i>	История российской диаспоры в Ливане
<i>Сухов Николай Вадимович, Начальник отдела стран Азии, Африки и Ближнего Востока, Россотрудничество (Москва), soukhov@yandex.ru</i>	Проблема сохранения и институционализации русского языка на примере русской диаспоры в Марокко.....
	О Россотрудничестве
<i>Толорая Георгий Давидович, Руководитель управления региональ- ных программ Фонда «Русский мир» (Москва), rusmirasaf@ya.ru</i>	О деятельности Фонда «Русский мир» по распространению русско- го языка, русской культуры и поддержанию связей с зарубежными соотечественниками

Введение

С 2010 г. по 2012 г. в Институте востоковедения РАН состоялись три международных научных конференции «Российская диаспора в странах Востока», организованные Сектором Южнотихоокеанских исследований Центра по изучению Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании.

В работе конференций приняли участие ученые из Института востоковедения РАН (Москва), Дальневосточного Федерального Университета (Владивосток), Уральского государственного университета (Екатеринбург), Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН (Владивосток), Санкт-Петербургского Государственного Морского Технического университета, ИСАА МГУ (Москва), НИИ военной истории Военной академии Генштаба ВС РФ (Москва), Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул), Бурятского государственного университета (Улан-Удэ), Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань), Башкирского государственного университета (Уфа), Иркутского государственного университета, Института этнологии и антропологии РАН (Москва), РГГУ (Москва), ГУ Высшей школы экономики (Москва).

Отрадно было видеть среди участников конференций специалистов из Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) (Москва), Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва), Фонда «Русский мир» (Москва), а также представителей посольских и прочих государственных служб в России и за рубежом.

Зарубежные ученые представляли Всеяпонскую ассоциацию по изучению восточной ветви российской диаспоры, Университет Аояма (Токио, Япония); Университет Малайи (Куала-Лумпур, Малайзия); Австралийский национальный университет (Канберра, Австралия); Оклендский технический университет (Окленд, Новая Зеландия).

Доклады на конференциях охватывают широкий круг проблем, связанных с настоящим и прошлым российской эмиграции и жизнью русских диаспор на Востоке: в Маньчжурии, Монголии,

Казахстане, Китае; Японии, Австралии, Новой Зеландии, Океании; Шри-Ланке (Цейлоне), Вьетнаме, Малайзии и ряде других стран ЮВА; Египте, Турции, Ливане, Иране, Марокко.

Организаторы искренне благодарят всех участников конференций и надеются на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Об изучении российской диаспоры в странах Востока в Институте востоковедения РАН

Николаев В.П.

Одним из приоритетных направлений научно-исследовательской работы Института востоковедения РАН является «Россия и Восток». Среди проблем, изучаемых в рамках данного направления, первостепенное внимание уделяется исследованию истории и современному состоянию взаимоотношений России со странами Азии, Северной Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона в экономической, политической и культурной сферах. Было опубликовано значительное количество статей, коллективных и индивидуальных монографий, защищены кандидатские и докторские диссертации на тему двусторонних отношений нашей страны с восточными государствами в разные исторические периоды.

Второй важной составляющей направления «Россия – Восток» является цикл исследований по российской эмиграции и российской диаспоре в странах Востока. По идеологическим и политическим мотивам полноценное изучение общин зарубежных россиян в советское время не поощрялось. Так, например, советские ученые-австраловеды уделяли внимание революционной эмиграции в Австралию и деятельности там социал-демократов. При этом практически не было работ, посвященных значительной части российской диаспоры в Австралии, состоявшей из белоэмигрантов и беженцев из коммунистических режимов.

Отмена цензурных ограничений и открытие архивов в начале 1990-х гг. стимулировали возрождение интереса к истории и современной жизни наших зарубежных соотечественников. В Инсти-

туте востоковедения РАН начались исследования русских диаспор на Востоке, изучение вклада зарубежных россиян в политику, экономику, науку и культуру стран, их принявших.

Задача конференций «Российская диаспора в странах Востока» состоит в том, чтобы объединить специалистов по этой тематике, дать определенный импульс для продолжения исследований. Материалы конференций могут стать основой для написания коллективной монографии «Восточное российское зарубежье».

Важными для изучения представляются следующие темы:

- Причины и характерные особенности массовых и индивидуальных эмиграций из России и СССР на разных исторических этапах, включая современную эмиграцию из Российской Федерации;

- Российские общины в восточных странах и деятельность эмигрантских организаций;

- Вклад россиян в политическую, экономическую, научную и культурную жизнь принявших их стран;

- Проблемы сохранения и распространения русского языка и «русскости»;

- Роль и значение православия в эмигрантской среде и миссионерская деятельность русской церкви на Востоке;

Естественно, приведенный список не исчерпывает всех исследовательских тем и может быть продолжен.

Научные исследования, проводимые в Институте востоковедения РАН по изучению российской диаспоры в странах Востока, имеют важное научно-теоретическое и научно-практическое значение. В этом плане, надо надеяться, материалы конференции будут интересны для специалистов, осуществляющих практическую деятельность. В частности, конференции послужат укреплению взаимодействия с различными организациями, успешно осуществляющими деятельность по распространению русского языка в странах зарубежья, сбережению русских культурных ценностей, сохранению и развитию связей соотечественников с Россией.

Исторические волны массовых миграций из России и особенности их изучения в странах Востока

Николаев В.П.

Вероятно, наиболее известным среди первых эмигрантов из России следует признать князя Андрея Михайловича Курбского. 30 апреля 1564 г. он бежал в лифляндский г. Вольмар, после того как узнал о готовящейся над ним расправе по повелению царя Ивана IV. В письме, направленном царю, он обвинял Ивана Грозного в жестокости и неоправданных казнях.

Но это были лишь отдельные случаи. А первая крупная миграция российского населения произошла в XVII в. вследствие гонений на старообрядцев по религиозным мотивам. Раскол в Русской Православной Церкви возник в результате реформы Патриарха Никона (1652-1666), которую поддержал царь Алексей Михайлович. Раскольники подвергались жестоким преследованиям, и в 1685 г. по указу царевны Софьи были объявлены вне закона. Спасаясь от репрессий, старообрядцы первоначально селились в пустынных местах на побережье Белого моря, в Олонецком крае (современная Карелия), на речке Керженец в Нижегородских землях. Бежали старообрядцы в Сибирь через Дон и за пределы России. Лишь в конце XVIII – начале XIX вв. гонения перестали быть массовыми и приняли более цивилизованный вид.

Среди специалистов существуют разные взгляды на количество массовых миграционных волн из России. Так, не принимая во внимание значение переселений старообрядцев, обычно называют пять основных волн эмиграций.

Первая продолжалась от отмены крепостного права в 1861 г. до начала гражданской войны в 1917 г. Побудительными мотивами к выезду являлись, в основном, экономические причины, а также стремление жить в более демократических обществах стран Европы и Америки с их более широкими правами и свободами личности. В этот период Россию покинуло по оценкам около 4,3 млн. чел.

Вторая волна (которую, по мнению отдельных исследователей, как раз следует считать первой) датируется периодом с 1917 по 1938 гг. Тогда из страны бежали или были высланы солдаты и офи-

церы белой армии, научные работники, деятели культуры, – всего около 4 млн. чел.

Наиболее массовая третья волна пришлась на годы Второй мировой войны и состояла из «перемещенных лиц»: военнопленных, работников, вывезенных в Германию, и пособников оккупантам. Потери СССР от эмиграции в те годы оцениваются в 8-10 млн. чел.

Четвертая волна продолжалась в 1950-1990-е гг. Она была вызвана в первую очередь политическими и национальными мотивами. В эмиграцию уезжали деятели науки и искусства, а также этнические меньшинства – евреи, поволжские немцы, армяне, греки. Новым явлением стала эмиграция женщин, вышедших замуж за иностранцев. Всего уехавших в те годы насчитывалось около 1,5 млн. чел.

Пятая волна началась с момента распада СССР в 1991 г. и была обусловлена главным обстоятельством – экономическими причинами в сочетании с открытием границ и облегчением выезда в другие страны. К концу 2000-х гг. страну покинули более 10 млн. человек.

В связи с массовым исходом жителей из бывшего СССР в 1990-х гг. феноменом русской эмиграции всерьез заинтересовались в западных странах. Исторически сложилось так, что на Западе научному анализу подвергаются все новые явления, и поэтому исследование вопроса российской эмиграции проводилось западными специалистами на достаточно высоком уровне.

В отличие от западных стран, в подавляющем большинстве государств Востока научных направлений, изучающих миграционные феномены, не сложилось порой до сих пор. Исследованием жизни российских диаспор занимались лишь изредка и неспециализированно, - эти работы носили скорее прикладной, нежели узконаправленный характер.

В обширном регионе АТР, где сегодня существуют не только хорошо институционализованные русские диаспоры (в Австралии, Новой Зеландии), но и идет активное формирование русских общин в местах, привлекательных для туризма (страны ЮВА), совсем мало или вообще нет ученых, интересы которых были бы

устремлены непосредственно в область исследования русской эмиграции.

Еще менее изученным представляется вопрос присутствия россиян в Океании – самом дальнем уголке мира.

В этой связи стала очевидной необходимость уделить восточному направлению русской эмиграции, не охваченному научным знанием, самое непосредственное внимание, на которое были способны специалисты, разместившие результаты своих исследований в предлагаемом сборнике.

Авторы статей изучают проблемы восточных миграций русскоязычного населения в исторической перспективе и выявляют особенности современного проживания российских диаспор и общин на новых землях. Исследования, посвященные историческим аспектам, в подавляющем большинстве основаны на уникальных архивных источниках, и это придает работам предельно высокую научную значимость. Не менее ценными представляются статьи, базирующиеся исключительно на эмпирических исследованиях. Объединяя в себе проблематику прошлого и настоящего российских миграций в страны Востока, предлагаемый сборник претендует на определенную уникальность в области диаспорологии.

**«Русская рота» в Пекине:
история албазинской диаспоры в Китае (XVII-XX вв.)**

Латин П.А.

С середины XVII в. Россия начала проводить активную политику по освоению дальневосточных рубежей. К 1680-м гг. верховья Амура стали владением России, где среди располагавшихся по берегам реки деревень главным населенным пунктом стал острог Албазин. В 1684 г. в Москве принимается решение создать Албазинское воеводство: острог получил герб (орел с распростертыми крыльями, с луком в левой лапе и стрелой – в правой) и подкрепление в виде полка казаков. Достаточно быстро албазинский район превратился в одну из наиболее экономически развитых российских

дальневосточных земель, обеспечивая хлебом не только себя, но и соседние территории.

Албазинский конфликт и первый в истории российско-китайский договор

Усиление чужеземцев на пограничных с Китаем территориях заставило китайские власти обратить на Приамурье особое внимание. Подавив очаги минского сопротивления внутри империи, они активизировали политику по выдворению россиян с приграничных районов. В Пекине довольно быстро была сформулирована и донесена до российских властей позиция о неприемлемом нахождении россиян на якобы «исконно китайско-маньчжурских территориях». В приграничных районах были проведены масштабные военно-стратегические мероприятия, давшие возможность расквартированным там войскам в любой момент по приказу вступить в бой. Предварительные переговоры ни к чему не привели, и стороны начали готовиться к военному столкновению. К лету 1685 г. маньчжурские войска вплотную подошли к Албазину. После недолгой осады острог был сдан, а его защитникам цинское командование разрешило уйти в соседний Нерчинск.

История Албазина, однако, на этом не закончилась: вскоре после отвода цинских войск от Албазина казаки вернулись в острог и отстроили его и свои дома заново. В 1686 г. последовал новый указ китайского императора разорить Алабзин и изгнать россиян [19, с. 103]. Что и было сделано: по условиям договора 1689 г., заключенного между Россией и Китаем в Нерчинске, Албазинский острог был полностью разрушен и вместе с амурскими землями передан Китаю.

Подписание Нерчинского договора стало поистине эпохальным событием: ведь это был первый в истории российско-китайский договор, который положил начало развитию дальнейших российско-китайских отношений. Учитывая важность этого события, в Пекине с особой тщательностью готовились к предстоящим переговорам на границе. Аналитический остов посольства пред-

ставляли глава Лифаньюаня¹ и, надо думать, самый опытный дипломат, разведчик и специалист по делам с Россией фудутун Мала. Накануне отправки посольства из его состава был выведен и оставлен в Пекине будущий глава Лифаньюаня и создатель Школы русского языка, будущий начальник «русской роты» в Пекине, придворный советник маньчжур Маци. Переводчиками посольства были назначены иезуиты – португалец Т. Перейра и француз Ф. Жербильон. Посольство сопровождал эскорт, насчитывавший более 500 человек.

Появление «русской роты» в Пекине

Албазинский конфликт стал важным историческим событием еще и потому, что в связи с ним начался многовековой процесс формирования русской диаспоры албазинцев в Пекине.

Неоднократные столкновения российских казаков с цинскими войсками на границе, начавшиеся еще в 1650-х гг., нередко заканчивались взятием россиян в плен и их последующей отправкой в Пекин для несения там военной службы.

Зачисление российских солдат на военную службу в Китае не было чем-то новым для китайской военной истории. Известно, что еще в XIV в. монгольские ханы в Пекине сформировали из россиян полк, получивший название «охранный полк из русских, прославлявший верноподданство». На этот раз русский полк численностью 2,7 тыс. человек был расквартирован на севере от Пекина на территории в «130 больших китайских десятин», был передан в непосредственное подчинение Военному совету и наделен «земледельческими орудиями для возделывания земли», дабы кормить себя самим.

Анализ русских и китайских материалов показывает, что первый россиянин, попавший в Пекин в 1651 г., был Ананий (Онашко) Урусланов, в китайских источниках известный под именем

¹ Лифаньюань – служба в империи Цин, созданная в XVII в. и ведавшая зависимыми территориями («Палата внешних сношений»). Палата также ведала взаимоотношениями империи с Россией, контролировавшимися Нерчинскими и Кяхтинским договорами. Комплектовалась исключительно из представителей маньчжурской военной аристократии.

Улангэли, будущий командир «русской роты» в Пекине [26, с. 37]. Это был перебежчик, о чем свидетельствуют источники: «Улангэли подлинно назывался Урусланов, и был татарин новокрещеной, именем Ананья» [12, с. 1]. То же самое указано в записях российского посла Н.Г. Спафария, отмечавшего: «А один из них из всех Онашка, родом татарин, живет в чести который прежде всех в Китай побежал» [11, с. 417].

Урусланов находился в Пекине не один, а вместе с неким Пахомом Пуциным, «который ушел из Даур в прошлых годах» и числился на военной службе у цинских властей.

О первых двух россиянах, загадочным образом попавших в Пекин и там оставшихся, нерчинский десятник Игнатий Милованов писал так: «И те де изменники Анашко и Пахомка в Китайском государстве поженились и держат веру их китайскую и от Богдокана идет им корм и живут они своими дворами» [11, с. 287].

Оба российских перебежчика помогали отливать пушки для цинской армии и принимали активное участие в подготовке военной кампании против российских владений в Приамурье [26, с. 76].

Впоследствии в Пекин неоднократно доставляли россиян в качестве пленных. Так, в 1653 г. цинский караульный отряд в Нингуте пленил и отправил в Пекин 11 россиян [18, с. 10]. В 1658 г. во время стычки казаков с цинскими силами в месте слияния рек Сунгари и Муданьцзян в плен были взяты 47 россиян, дальнейшая судьба которых осталась неизвестной [13, с. 97–98]. В 1668 г. в Пекин был доставлен русский Ифань (Иван) и другие [22, цз. 9, с. 295]. В 1676 г., по утверждениям Н.Г. Спафария, «в китайском государстве русских людей есть человек с 13, и только 2 человека, что поиманы на Амуре» [11, с. 416-417]. В 1683 г. под Айхуном был взят окружение отряд Григория Мыльника численностью около 70 человек. Мыльник со старшими казаками и еще частью сдавшихся россиян были «отведены в Пекин, где жили без всякого мучительства» [3, с. 319].

Наибольшее количество россиян появилось в Пекине после двух осад Албазина цинскими войсками. По оценкам западных исследователей, после осады Албазина в 1685 г. на сторону цинских сил перешло от 25 до 45 казаков. По данным же китайских источ-

ников, «в 22 году Канси (1683) в столицу были доставлены 33 россиянина, в 23 и 24 годах Канси (1684–1685) – 72 россиянина» [22, цз. 9, с. 295].

Лишь после завершения военной кампании в Приамурье количество пленных россиян, доставляемых в столицу, стало стремительно убавляться.

Практически все казаки, попавшие в Пекин в качестве пленных, были зачислены на военную службу в цинскую армию, в так называемую «русскую роту» (*элосы цзолин*). О формировании этой роты источники сообщают следующее: «В 5 году Шуньчжи (1648) был взят Улангэли (Ананий Урусланов), в 7 году Канси (1668) – Ифань (Иван) и другие». Из русских сделали отдельную полуроту, а Улангэли был назначен ротным.

Позже еще два раза были привезены в Пекин по 70 россиян. Из них сформировали полную роту. «Русскую роту» определили семнадцатой ротой в четвертый полк маньчжурского «желтого знамени с каймой» [17, с. 44], что «было совершенно наравне с манджурами» [8, с. 8]. Так россияне стали важной составной частью маньчжурской «восьмизнаменной» армии¹.

Россиян расселили в подведомственных «желтому знамени с каймой» построениях в районе Дунчжимэнь (в настоящее время – территория Посольства России в Китае). Новоприбывших зачисляли на довольствие в Ведомство финансов, от которого они ежемесячно получали жалование зерном и деньгами. На Новый год по лунному календарю всем полагался месячный оклад в качестве премии [20, с. 57].

О составе «русской роты» в ранние годы ее существования нам известно немного. Ее первым командиром, как уже говорилось выше, стал Ананий Урусланов (Улангэли). Сначала он числился офицером шестого ранга, позже был повышен в звании до четверто-

¹ Маньчжурская армия состояла из восьми маньчжурских знамен, различавшихся по расцветке (первые четыре — желтое, белое, красное, синее и созданные позже — желтое с каймой, белое с каймой, красной с каймой и синее с каймой). Каждые 300 человек образовывали одну роту, пять рот составляли один полк, пять полков — одно «знамя».

го ранга первой степени «желтого знамени с каймой». Его заместитель Иван имел шестой ранг первой степени, еще нескольких россиян – седьмой ранг [23, с. 43].

После смерти Улангэли в 1683 г. командование «русской ротой» было передано его сыну по имени Лодохунь. Ни в китайских, ни в русских источниках не содержится каких-либо подробных сведений о Лодохуне: его ранг, время кончины, иная информация о его жизни не известны. Известно лишь то, что это был последний командир роты, который имел российские корни. Как свидетельствуют китайские источники, после смерти Лодохуня управление ротой было поручено известному «специалисту по российским делам» в цинской администрации – маньчжур Маци (в течение незначительного периода, когда Маци по подозрению в заговоре был отстранен от дел). Далее на протяжении всего XVIII в. ротой командовали различные маньчжурские и китайские чиновники, последний из которых, Фэншэнцилунь, внучатый племянник Маци и внук императора Цяньлуна, командовал ротой вплоть до своей смерти в 1807 г. [28, с. 21].

Бытие «русской роты» на китайской земле

После урегулирования пограничного конфликта с Россией и снятия напряженности на китайской границе «русская рота» была переквалифицирована и стала заниматься несением гарнизонной службы в Пекине [25, с. 137]. Однако со стороны цинских властей прослеживалось определенное недоверие к россиянам: «Несмотря на то, что [русские солдаты] были причислены к высшим трем «знаменам», доверия к ним не было, и они не принимали участия в настоящих боевых действиях», – отмечает китайский исследователь У Ян [16, с. 84]. Тем не менее, столичные власти высоко ценили военную выучку россиян, нередко доверяя им обучение своих солдат: «И ныне [солдаты «русской роты»] у богдыхана учат китайских людей стрелять из пищали с коня и пешим» [11, с. 417].

Кроме обучения китайских солдат, россияне вместе с иезуитами привлекались для изготовления гранат, которое «зело хвалил» сам император [9, с. 205].

Несение военной службы в Пекине некоторые россияне совмещали с переводческой и преподавательской деятельностью.

«А тот ныне и в толмачи взят в Посольской приказ (Лифаньюань. – П.Л.), – говорится в документах об одном российском пленном в Пекине, – потому что рускую грамоту умеет, да и китайской учился ж, и всякое руское письмо он переводит» [11, с. 417].

В 1708 г. в Пекине при Дворцовой канцелярии и Лифаньюане открывается Школа русского языка, первыми преподавателями которой стали трое из «русской роты». Работа россиян в Пекине в качестве переводчиков и преподавателей была, правда, весьма непродолжительной. Совсем скоро потомки наших соотечественников ассимилировались в Китае, забыли русский язык и отделились от русской культуры и православия.

В поздний период цинской истории, в связи с общим кризисом Цинской империи, который поразил и «восьмизнаменную» систему, албазинцы (так в дальнейшем стали называть военнотружеников «русской роты» и членов их семей) постепенно начали осваивать гражданские занятия. Они оказывали помощь российским купцам во время их пребывания в Пекине, «руководили ими при знакомстве с китайскими купцами и при обоюдном мене товаров» [2, с. 46]. Однако справедливости ради надо сказать, что порой албазинцы, общаясь с прибывавшими в Пекин россиянами, действовали не в интересах последних: «При русских китайцы ставили шпионов <...>. Один из этих шпионов, потомок русских, открыл это священнику Лаврентию. Другой албазинец, Евфимий Гусев, за свое посредство в продаже товаров требовал 5% куртажу» [2, с. 128]. Некоторые албазинцы были уличными торговцами, держателями лавок и мелких харчевен, кто-то занимался мыловарением и ткацким делом [16, с. 84].

Количество «знаменных» в Пекине было значительным, ввиду чего в управлении ротой прослеживалось желание цинских властей не увеличивать ее численность.

Несмотря на окончание военной кампании в Приамурье, в течение которой в Пекин регулярно доставлялись российские пленники, присылка наших соотечественников в китайскую столицу с границы не прекращалась. По данным китайских источников, лишь за период с 1690 по 1717 гг. документами было зафиксировано 70 случаев незаконного перехода российско-китайской границы, из

которых 24 случая имели отношение к переходу россиян из России в Китай [15, с. 99]. По некоторым российским документам, лишь в период с 1758 по 1771 гг. в Пекин был доставлен 61 российский перебежчик и пленный из России. При этом в большинстве случаев россияне преднамеренно переходили границу в поисках лучшей жизни и при наличии согласия и расторопности цинских властей на границе и в столице порой были готовы обеспечить приход еще большего количества своих соотечественников. Так, пойманные в 1779 г. беглецы Нерчинского завода Петр Смолин с товарищами Семеном и Сидором говорили о готовности «утти к вашему величеству с женами и семьями. И всех людей наряжаты человек 50 или 100 или более» [2, с. 273].

Хотя, впрочем, вопросы зачисления в роту могли решаться положительно с помощью простых взяток. «Кто из русской роты умрет, – читаем в русских документах, – то сына его не вдруг принимают в сотню солдатом; но должно добиваться и издерживаться, чтобы быть помещенным на отцовое место <...> бошкоу (*маньчжурск. яз.* – военное звание, примерно соответствующее званию урядника – *П.Л.*) нужно просить и дарить, дабы они желающего определили на упалое место» [8, с. 11]. Служившие в роте были, как и все «знаменные», ограничены в праве распоряжаться предоставленной им недвижимостью и, несмотря на то, что им «были определены дома, слуги, и через три года какого когда надобно платья», полноправными обладателями этих «домов и платьев» они так и не стали. Выводить имущество за рамки роты строго запрещалось, поэтому «когда остается жена вдовою от своего мужа и хочет паки вытти за другого мужа, не принадлежащего к роте, то оставшиися по умершим дворы и пашни покупают у вдовы жители русской сотни, дабы оным никто сторонний, кроме сотенных, не владел» [8, с. 41].

Деятельность Российских духовных миссий в Пекине в XVIII-XIX вв.

С появления в Пекине в 1715 г. Первой Российской духовной миссии «русская рота» и албазинская община стали важным объектом влияния российских властей, так как из-за отсутствия дипломатических отношений между обоими государствами служители

миссии до 1864 г. являлись неофициальными представителями российского правительства в Китае.

Девятая духовная миссия (1808-1820 гг.) оказалась одной из самых успешных. Для поддержания отношений с потомками россиян в Пекине членам миссии в 1819 г. было поручено «содержать при миссии нескольких мальчиков албазинского рода и обучать их на всем российском иждивении <...>. Иеромонахи и дьяконы должны обучать их русской грамоте и Закону Божьему, а вы [глава миссии] будете стараться об образовании их нравственности» [4, с. 633]. Это имелось в виду делать по той причине, что «природные албазинцы не токмо христианскую веру, но и российский язык давно забыли» [2, с. 328].

Так, усилиями российских властей на территории Северного русского подворья летом 1822 г. было открыто «училище для албазинских детей». Здесь ученикам преподавали «китайский язык и начальные основы христианства», а также церковный язык, катехизис и церковное пение [1, ф. СПб. ГА, I-5, 1842 г., д. 1, п. 13, л. 3, 4] (Рис.1).

В 1822 г. в училище было «поступлено на первый раз семь учеников» [1, ф. СПб. ГА, I-5, 1842 г., д. 1, п. 13, л. 1 об.]. В дальнейшем количество учащихся менялось, так как «иные, отдавая [детей], как будто пробуют, и все же обратно берут, иные выключаются (отчисляются. – П.Л.), а иные – умирают» [5, с. 14]. Однако в 1824 г. училище посещали уже 14 детей [1, ф. СПб. ГА, I-5, 1842 г., д. 1, п. 13, л. 6].

Российские власти, открывая училище, оказывали тем самым большую помощь семьям албазинцев, так как «они, образовавшись <...>, могут предпочтительно употребляемы в учителях в Албазинском училище; будут способны руководить миссионерами в изучении китайского и маньчжурского языков» [5, с. 14]. Иными словами, это учебное заведение могло не только обеспечить обучение детей и подростков из числа албазинцев основам православного вероучения, но и было способно готовить квалифицированных переводчиков для государственных учреждений Цинской империи. Содержание училища имело также важные долговременные политические и стратегические цели: «Сими средствами могут размно-

жены быть приверженцы к россиянам, чрез них откроются нужные, с нужными людьми полезные знакомства. Можно, когда нужно будет, под разными видами посылать во внешние даже владения, в свитах казенных посольств, например под видом прислужника, письмоводца и пр.» [5, с. 15]. Фактически налицо была попытка российских властей наладить в миссии подготовку людей, из которых позже можно было бы сформировать дипломатическую агентуру, способную работать в интересах российской стороны.

Албазинцы вначале высоко ценили старания российских властей: «Нынче к счастью нашему <...> прибыли сюда священнослужители <...> с прочими, врач и студенты, – писали албазинцы в благодарность членам Одиннадцатой миссии арх. Вениамина (Морачевича), добавляя, что, – члены миссии, обратив на нас человеколюбивое сострадание, паки подняли нас, отпавших от святой веры, и всемерно образовали, <...> делая хорошими людьми» [7, с. 415].

Однако обеспечить нормальную работу училища не удалось. В своих записках члены Духовной миссии часто говорили о сложностях, возникавших у них в общении с албазинцами, а особенно с детьми и подростками, посещавшими это учебное заведение. «Открыли было училище, – указывал архимандрит Гурий, – учеников <...> учили русскому; но так как русские требовали прилежания, то училище осталось пустым <...> хотели было поучить их хоть китайскому-то языку; та же история: миссия кроме неприятностей, а правительство – убытков ничего не получили» [6, с. 658]. Были моменты, когда руководителям миссии на довольно длительный срок удавалось достигнуть взаимопонимания с общиной албазинцев, но вновь в какой-то момент их надежды рушились. «В два года мальчики привыкли читать и петь в церкви, мне удалось им растолковать и они поняли и разбирали партитуру, – продолжает свое повествование арх. Гурий, – но как-то нужно было их наказать <...> и я лишил их обыкновенной праздничной награды, а они постарались вознаградить себя и <...> обокрали церковь. С этих пор <...> училище закрыто и кажется надолго, если не навсегда» [6, с. 658].

Стоит сказать, что больших успехов в организации преподавания русского языка и богословия для местных жителей российские власти в Пекине добились несколько позже. В октябре 1859 г.

усилиями членов Российской духовной миссии в китайской столице открылось православное училище для девочек. Это учебное заведение, по мнению организаторов, должно было послужить «самым лучшим и надежным средством как для сближения с китайцами, так и для распространения православной веры между язычниками» [1, ф. Китайский стол, оп. 491, 1861, д. 153, л. 45]. Ученицы посещали училище ежедневно и находились там в течение дня; им преподавали «священную историю, Ветхий и Новый завет, катехизис и китайскую грамматику – это классы дообеденные. После обеда их занимают рукоделием». В 1862 г. учебное заведение посещали 18 девочек от 8 до 17 лет. Ученицам выплачивалась стипендия, им также предоставлялись помещения для проживания и питание, а чтобы заинтересовать их родителей, решивших отдать своих детей в иностранное учебное заведение, духовная миссия выплачивала им по «2 рубля серебра в месяц на стол» [1, ф. Китайский стол, оп. 491, 1862, д. 153, л. 18]. В ранние годы своего существования училище финансировалось за счет Российской духовной миссии, в августе 1861 г. по докладу графа Н.П. Игнатьева, посетившего Китай, от императора Александра II и императрицы Марии Александровны на поддержание учебного заведения лично было выделено 2 тыс. рублей серебром. На эти средства училище содержалось до октября 1864 г., после чего из российской казны на нужды учебного заведения было ассигновано еще 500 рублей. В дальнейшем училище финансировалось за счет Синода (сумма ассигнований составляла 2 тыс. рублей серебром в год) [1, ф. Китайский стол, оп. 491, 1865, д. 153, л. 43 об.]. В отличие от училища для мальчиков-албазинцев, училище для девочек с самого начала демонстрировало немалые успехи: «До сих пор все мы занимающиеся с девочками, – указывала супруга министра-резидента России в Пекине А.А. Баллюзек, – не можем не похвалить их за охоту к учению, прилежание, внимательность и хорошее поведение» [1, ф. Китайский стол, оп. 491, 1862, д. 153, л. 18 об.]. Весьма продуманная политика по популяризации православной школы в Пекине и простое доброе отношение к воспитанницам способствовали повышению интереса к учебному заведению со стороны местных жителей, которые «смотревшие сначала с недоумением и недоверием на это нововведение начина-

ют теперь сознавать пользу его и охотою просят о помещении дочерей их в училище» [1, ф. Китайский стол, оп. 491, 1862, д. 153, л. 19].

Нередко конфликтные ситуации возникали у членов миссий и с родителями детей. Некоторые из них считали, что уже за само решение отдать детей в миссионерское училище им полагаются «благодарности», не получив которые, они «на всяком шагу выражали неудобовыносимые, неудобовыразимые, самые невежественные досады» [5, с. 14].

Достаточно напряженной была ситуация и в среде самих албазинцев, морально-этические и духовные качества которых весьма низко оценивались российскими священнослужителями. Сложности, переживаемые албазинской общиной, традиционно связывают с отходом от христианских ценностей: «Русские оказались не очень стойкими приверженцами православной веры, – заключает исследователь-эмигрант В.П. Петров, – видимо, сильным было влияние огромного китайского человеческого моря, что, несмотря на все усилия о. Максима, албазинцы стали постепенно “окитаиваться”» [10, с. 14–15].

Стремительный процесс ассимиляции албазинцев в китайской среде подмечали и наши священнослужители, в тот момент находившиеся в Пекине. «Китайская пища, одежда, помещение, служба, связи, знакомства, – все это раскрыло албазинцем иной мир, влило в них чуждый дух и постепенно вытеснило в потомстве родное наследие», – указывал священник и историк иеромонах Николай Адоратский [2, с. 29]. Основную причину превращения албазинцев в «христианских отступников» Адоратский видел во влиянии их китайских жен («даны были им жены из разбойничьего приказа, а некоторых женили и на лучших»). Именно эти «языческие жены, хотя и крещеные, внесли в дома своих мужей суеверия и китайских истуканов, перед которыми совершали преклонения. И в ближайшем их потомстве явилось открытое равнодушие к вере отцов» [2, с. 29].

По мнению китайских исследователей, влияние маньчжуро-китайской культуры на албазинскую общину проявлялось в следующем. Во-первых, в ношении причесок в соответствии с требова-

ниями маньчжурской традиции, когда волосы на голове с четырех сторон выстригались, и оставлялись лишь волосы на макушке, со временем выраставшие в косу (именно с такой прической был о. Максим, когда отправился в поход против монголов). Во-вторых, в ношении китайской одежды и обуви. В-третьих, в изменении фамилий в соответствии с китайской традицией: считалось, что обладатели фамилии Романов изменили ее на типичную китайскую фамилию Ло, Хабаров – на Хэ, Яковлев – на Тао, Дубинин – на Ду, Холостов – на Цзя [14, с. 370–371; 20, с. 57].

Вышесказанное, однако, не означало, что вся албазинская община была равнодушна к христианской культуре и своим историческим корням, – некоторые албазинцы охотно шли на контакт с российскими священнослужителями и Духовной миссией. «Через все годы, – говорил об одном албазинце по имени Демьян о. Петр (Каменский), – не пропускал ни одной службы и всегда, лишь в колокол, он с сыном своим в церкви». Однако таким расположением к российским миссионерам и православной церкви он «иных из соседей удивил, а от других навлек себе презрение» [5, с. 14].

Сказалась на моральном облике албазинской общины и «неограниченная свобода, даруемая албазинцам на три года от хана Канси (императора Канси. – *П.Л.*)», за время действия которой дошли они до «самой высшей степени распутства, что было уже начали резать и убивать китайцев» [8, с. 9]. Эта «свобода» окончательным образом подорвала внутренний уклад общины и моральный дух ее членов, так как «прошло трехлетнее время, перестали давать им из казны платья, стали ограничивать их действия <...> Увидев для себя такую перемену, зверовщики (албазинцы. – *П.Л.*) через пьянство и мотовство сделались голыми, а взять негде, то одни от голоду, а другие от пьянства и побоев померли» [8, с. 9].

Несмотря на трудности, которые испытывала албазинская община, она продолжала существовать и в более поздние периоды.

Роль албазинцев в истории российско-китайских отношений

«Русская рота» и община албазинцев оказали существенное влияние на развитие российско-китайских отношений. «Албазинцы, – справедливо отмечает китайский исследователь Ян Юйлин, – имели отношение ко всем значимым событиям, имевшим место в

китайско-российских отношениях раннего периода, своим особым статусом и уникальной судьбой оказывали влияние на развитие двусторонних контактов» [23, с. 46]. Их появление в Пекине подготовило почву для учреждения в столице империи Российской духовной миссии, что позволило вывести российско-китайские отношения на качественно новый уровень.

Важен вклад русской общины в Пекине и в развитие двусторонних гуманитарных связей. Наши соотечественники, преподававшие в Школе русского языка, знакомили китайских подданных с русским языком и культурой, закладывая основы китайской русистики. А их работа в качестве придворных переводчиков существенно укрепляла основы цинской внешней политики на российском направлении, делала работу китайских дипломатов менее обременительной.

Революционные события в Китае 1911–1912 гг., в результате которых цинская «знаменная» система была упразднена, заставили албазинцев изменить привычный образ жизни. В результате «некоторые из них стали полицейскими, офицерами китайской армии, служащими в Русско-Азиатском банке» [27, с. 12] или «работали в типографии при Российской духовной миссии» [25, с. 138].

В настоящее время в Китае численность потомков албазинцев составляет примерно 250 человек. Большая их часть проживает в Пекине, Тяньцзине, Внутренней Монголии, меньше – в провинции Хэйлуцзян и Шанхае. Они все еще осознают себя особой этнической группой, но тенденция китайской ассимиляции сильна. Ответственных объединений или представительств в политических органах Китая албазинцы не имеют. Живут они во многом обособленно от российских соотечественников.

После гонений в годы «Культурной революции» в Китае (1965-1976) большинство албазинцев сменили национальность с «русских» на «китайцев» или «маньчжуров».

Сегодня мало кто из них владеет русским языком (в основном, это представители старшего поколения), но многие из них по-прежнему сохраняют православную веру и испытывают теплые чувства к своему историческому Отечеству, посещают Россию, в том числе, в религиозных целях (*Рис.2*).

Примечания

1. Архив внешней политики Российской империи, фонды: Санкт-Петербургский Главный Архив, Китайский стол
2. Адоратский (*Николай*). История Пекинской Духовной миссии во второй период ее деятельности (1745–1808). Вып. II. Казань, 1887
3. Бартнев Ю. Герои Албазина и даурской земли. – Русский архив. Кн. I. М., 1899, № 2
4. Вагин В.Н. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. Т. II. СПб., 1872
5. Каменский (*Петр*). Записка архимандрита Петра об албазинцах, 9 января 1831 года в Пекине. Пекин, 1906
6. Карпов (*Гурий*). Русская и греко-российская церковь в Китае в XVII–XIX вв. – Русская старина. СПб., 1884, №9
7. Можаровский А.К. К истории нашей духовной миссии в Китае. – Русский архив. СПб., 1866, № 7
8. Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине (составитель Н.И. Веселовский). СПб., 1905
9. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980
10. Петров В.П. Албазинцы в Китае. Вашингтон, 1956
11. Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. I (1608–1683). М., 1969
12. Тертицкий К.М. Примечания к переводу работы Юй Чжэнсе «Элосы цзолин као» (Разыскания о «русской роте»). В рукописи. М., 2004
13. 1689 нянь дэ чжун-э Нибуучу тяюэ (Китайско-российский Нерчинский договор 1689 года). Пекин, 1977.
14. Лю Сяомин. Гуаньюй Циндай Бэйцзин дэ элосыжэнь – ба ци маньчжоу элосы цзолин лиши сюньцзун (О россиянах в цинском Пекине – исторические изыскания о «восьмизнаменной» маньчжурской «русской роте»). – Цинши луньцун. Вып. 2007 г.
15. Сунь Чжэ, Ван Цзян. Дуй 1689–1727 нянь чжун-э вайцзяо гуаньси дэ каоча (Исследования китайско-российских дипломатических отношений в 1689–1727 гг.). – Чжунго бяньцзян шиди яньцзю. 2006, № 3
16. У Ян. Циндай «элосы цзолин» каолюэ (Разыскания о «русской роте» в период династии Цин). – Лиши яньцзю. 1987, № 5
17. Циньдин ба ци тунчжи («Высочайше утвержденное» всеобщее описание «восьми знамен»). Чанчунь, 2002
18. Циндай чжун-э гуаньси даньбань шилиао сюаньбянь (Сборник архивных материалов по китайско-российским отношениям во время династии Цин). Первое издание. Т. I. Пекин, 1981
19. Цин шилу чжун дэ Хэйлунцзян шаошу миньцзу шилиао хуэйбянь (Сборник исторических материалов из Хроник правления династии Цин о национальных меньшинствах, [проживавших на территории] Хэйлунцзян). Научный редактор Фан Янь. Харбин, 1992

20. Чжан Сюэфэн. Цинчао чуци Элосы цзолин жунжу чжунхуа вэньхуа цзиньчэн као (Исследования процесса интеграции «русской роты» в китайскую культуру в раннецинский период). – Сиболия яньцзю. 2007, №4
21. Чжун-э гуаньси ши цзыляо сюаньцзи (Сборник материалов по истории китайско-русских отношений). Нинся, 1980
22. Юй Чжэнсе. Гуйсы лэйгао (Различные записи, [собранные] в год *гуйсы*). Т. II. Шэньян, 2001
23. Ян Юйлинь. Аэрбацзинь жэнь юй цзаоци чжун-э гуаньси («Албазинцы» и китайско-русские отношения в ранний период). – Лунцзян шиюань. 1984, № 1
24. Clubb O.E. China and Russia. The “Great Game”. New York and London, 1971
25. Pang T.A. The «Russian company» in the Manchu Banner Organization. – Central Asiatic Journal. № 43. Part 1. 1999
26. Riajansky A.A. The First Russian Settlers in Peking. – The China Journal. Vol. XXVI. 1937, № 2
27. Serebrennikov J.J. The Albazinians. – The China Journal. Vol. XVII. 1932, № 1
28. Widmer E. The Russian Ecclesiastical Mission in Peking during the Eighteenth Century. London, 1976

Русские эмигранты в Синьцзяне и интересы великих держав в первой половине XX в.

Наземцева Е.Н.

Одним из главных центров русской эмиграции в первой половине XX в. стал Китай. Основная масса переселившихся в Китай русских обосновалась на востоке страны – в Маньчжурии и прибрежных провинциях. В то же время, на северо-западе Китая – в крупнейшей провинции Синьцзян (исторический топоним – Восточный Туркестан, где сегодня проживают 47 национальностей) в 1920-е гг. начал формироваться еще один центр русской эмиграции.

История русской эмиграции в Синьцзяне имела свои отличительные особенности. Во-первых, северо-запад Китая был особый в геополитическом отношении регион, где переплетались интересы России, Великобритании, Германии, США и Японии. Во-вторых, здесь остро стоял национальный вопрос. На протяжении десятилетий ситуация в Синьцзяне характеризовалась всплесками противостояния китайских властей и коренных

народов Восточного Туркестана, большая часть которых – представители неханьских народов, исповедующих ислам.

Русские оказались втянутыми во все тонкости сложного переплетения политических игр великих держав в регионе, а также особенностей национального противостояния в провинции и возникающих в связи с этим глубоких социальных противоречий и кризисов.

Социальный состав русской диаспоры в Синьцзяне отличался от того, который был представлен в других центрах российской эмиграции. Здесь оказались в основном оренбургские и семиреченские казаки.

Китайское руководство провинции было не в восторге от того, что несколько десятков тысяч вооруженных русских эмигрантов расположились на территории Синьцзяна. Это создавало дополнительные условия нестабильности в провинции, а также осложняло отношения с укрепившейся в соседней России советской властью.

Между тем, поток русских беженцев и их поведение не поддавались контролю. А общая численность местной армии не достигала и десяти тысяч человек, которые к тому же были плохо обучены, недисциплинированы, у многих отсутствовало необходимое обмундирование. Губернатор Ян Цзэнсинь неоднократно просил Пекин направить в Синьцзян оружие и боеприпасы, но эти просьбы не получили должного отклика. Таким образом, самостоятельно решить «русскую проблему» руководство провинции не могло. Синьцзян оказался перед лицом серьезного кризиса [18, с. 6].

В создавшихся условиях единственно возможным выходом стало обращение к властям Советской России с просьбой уничтожить русские вооруженные формирования.

Ввод советских войск на территорию другого государства серьезно усиливал политические позиции России и возвращал ей статус доминирующей в регионе силы. Это задевало интересы Великобритании, традиционно рассматривавшей Восточный Туркестан как сферу своего влияния. Уход России из Синьцзяна в связи с внутривнутриполитическими катастрофами 1917-1922 гг. был

бы, безусловно, выгоден иностранным государствам, начавшим проявлять геополитический интерес к провинции. «Возвращение» же России свидетельствовало о возможном сотрудничестве с китайским руководством, в частности, возобновлении тесного экономического сотрудничества, имевшего место до Октябрьской революции.

По вполне понятным причинам это не устраивало ни Великобританию, ни другие державы, обозначившие к тому времени свои экспансионистские цели в Синьцзяне. Одним из каналов, посредством которого можно было оказывать противодействие растущему советскому влиянию, стали русские эмигранты, не настроенные на примирение с советским режимом. Русские прекрасно знали регион: особенности географических и климатических условий, экономический потенциал, специфику межэтнических отношений. Большинство русских эмигрантов крепко обосновались в Синьцзяне, у многих здесь жили знакомые, родственники.

Тем не менее, в ходе ряда совместных советско-китайских военных операций, проведенных на территории Синьцзяна и Монголии, основные силы белогвардейцев были уничтожены.

Оставшиеся русские расселились в разных уголках Синьцзяна. В короткое время они наладили быт, преуспев в сельском хозяйстве, фабричной деятельности, ремеслах и военном деле. Всего русских в Синьцзяне насчитывалось около 13 500 человек [20, с. 127]. Корреспондент одной из эмигрантских газет в своем репортаже отмечал, что «Урумчи сейчас стал как бы полурусским городом. Везде слышна русская речь. <...> Всюду русские магазины, кондитерские и булочные, разные мастерские» [8, л. 17-а].

Часть русских эмигрантов состояла на службе у китайцев. Например, бывший консул А.А. Дьяков являлся советником дудзюна (губернатора провинции), драгоман (переводчик) российского консульства в Кульдже – С.В. Недачин был учителем у сына дудзюна. Но у них также были «особые задания»: например, советской разведкой было перехвачено одно из писем Дьякова дудзюну, в котором он сообщает сведения о сотрудничестве

между советскими представителями и некоторыми китайскими чиновниками [13, л. 74].

Таким образом, китайское руководство Синьцзяна учитывало антисоветские настроения русских эмигрантов и пыталось с их помощью противодействовать растущему политическому влиянию СССР, даже несмотря на наладившееся взаимовыгодное экономическое сотрудничество. В 1920-е гг. на долю СССР приходилось 80-85% внешней торговли провинции. Торговлю с китайской стороны вели несколько советских организаций, крупнейшими среди которых были Всероссийское акционерное общество «Шерсть» (ВАОШ), Всесоюзный текстильный синдикат, Нефтесиндикат и Сахаротрест. Кроме того, в Синьцзяне в те годы был открыт советский банк. Многие русские эмигранты работали на предприятиях, связанных с обслуживанием советско-китайских торговых операций [3, л. 11; 1, л. 3]. Таков был один из многочисленных парадоксов эмигрантского бытия в Восточном Туркестане. Некоторые эмигранты шли на сотрудничество с советской разведкой, надеясь впоследствии вернуться на Родину.

В 1920-е гг. в Синьцзяне также появляются и плодотворно работают ряд германских и американских торговых фирм и предприятий. Среди их сотрудников также было довольно много русских эмигрантов, в частности, бывших белогвардейских офицеров.

К началу 1930-х гг. позиции СССР в Синьцзяне заметно усилились; укрепились и торговые контакты. Более того, в ведомство советского Госторга постепенно переходили германские и американские предприятия и фирмы [14, л. 39]. Русские эмигранты, работавшие на этих предприятиях, перешедших в собственность советских организаций, были уволены. Это вызвало вполне обоснованное недовольство и способствовало активизации антисоветской деятельности подпольных эмигрантских организаций. Они проводили различного рода акции, направленные на дискредитацию советских властей; активно сотрудничали с английской и китайской разведками.

Наиболее сплоченной организацией считался «Офицерский союз» во главе с полковником П.П. Папенгутом. Его поддерживали командующий Илийским округом и католическая миссия в Суйдуне [1, л. 40].

Практически все антисоветские эмигрантские организации были связаны с английской внешней разведкой. Пытаясь вернуть свои позиции в Синьцзяне, Англия активно использовала белоэмигрантов в своих интересах [10, л. 67; 16, л. 337]. Русские не только получали помощь различного характера от английских консулов [7, л. 41-42; 3, л. 68-69; 2, л. 40], но и нередко сами обращались к английским представителям за помощью, предлагая взамен свои услуги [12, л. 39]. Кроме того, во всех крупных городах провинции была развернута разведывательная сеть, с точно установленными платными резидентами и с большим штатом осведомителей, преимущественно из русских эмигрантов. В их обязанности входило наблюдать за деятельностью советских представителей, проводить разного рода антисоветские мероприятия и в целом вести разведывательную работу.

В 1930-е гг. русские эмигранты продолжали оставаться важным фактором политической игры великих держав в Синьцзяне. Наиболее явно это проявилось во время мусульманского восстания 1931-1934 гг., в подавлении которого русские сыграли одну из ключевых ролей. Руководство провинции, рассчитывая на солидный военный опыт и профессионализм белогвардейцев, объявило широкую мобилизацию. Были сформированы 4 конных полка, пулеметная команда, конный артиллерийский полк и комендантская команда [17, л. 148].

С первых дней восстания целый ряд заинтересованных иностранных держав попытались использовать его в своих целях.

Общей целью всех западных стран было ослабить возросшее за последнее десятилетие советское влияние в регионе. А это, в свою очередь, наносило ущерб интересам гоминьдановского правительства Китая [5, с. 453].

Для достижения своей задачи английские представители в Синьцзяне традиционно использовали русских эмигрантов. По

данным советской разведки, английский вице-консул Ватте интересовался количеством и положением русских белогвардейцев в Илийском округе.

Япония, оккупировавшая провинции в северо-восточной части Китая, стремилась распространить свое влияние и на запад страны, в том числе, на Синьцзян. Преследуя эту цель, японцы планировали использовать сепаратистские настроения определенных кругов Синьцзяна, которые намеревались создать независимое мусульманское государство [6, с. 214]. Имелись сведения о том, что по инициативе бывших русских белогвардейцев японцы начали готовить съезд мусульман [17, л. 7].

И Япония, и Англия пытались превратить Синьцзян во враждебную Китаю исламскую «Республику Туркестан» и создать стратегическую зону, которая угрожала бы оборонительной линии СССР на востоке [5, с. 453]. В то же время, гоминдановское правительство рассматривало северо-запад как тыловую базу для долговременного сопротивления Японии [22, с. 109].

Не желая терять свои позиции в Синьцзяне, советское руководство приняло решение оказать помощь администрации провинции, несмотря на ее сотрудничество с бывшими белогвардейцами. С середины 1931 г. Советский Союз начал осуществлять поставки оружия, военной техники и отправлять в Синьцзян своих инструкторов. Необходимое вооружение и одежду получали и части бывших русских белогвардейцев [11, л. 168].

Таким образом, за три года мусульманского восстания сложилась весьма неординарная ситуация: части русских эмигрантов, вооруженные советскими винтовками, среди которых попадались и английские образцы, выступали на стороне китайцев, проводивших, в свою очередь политику, выгодную Советскому Союзу. Кроме того, в ходе операций против повстанцев советские и эмигрантские соединения действовали совместно, а иногда советские инструктора попадали под начальство бывших белогвардейцев.

После подавления восстания положение СССР в Синьцзяне вновь восстановилось. И русские эмигранты оказа-

лись «лишними»: сражаясь на стороне правительственных войск, они надеялись на улучшение своего политико-правового положения, однако об этом пришлось забыть. Армия провинции была реорганизована, русские полки, за исключением одного, распущены.

Подобная политика вызвала вполне закономерное недовольство в среде русских эмигрантов. В последующее десятилетие политические симпатии русских кардинально изменились. И с началом в 1944 г. нового восстания неханьских народов Синьцзяна русские без колебаний перешли на сторону повстанцев.

В событиях 1944-1945 гг., развернувшихся в Синьцзяне, до сих пор остается много спорных моментов, в том числе, и о роли русских эмигрантов. По мнению видного представителя Гоминьдана Шао Лицзы, «восстание могло случиться на фоне прекращения советско-китайских торговых связей и ухудшения в такой обстановке положения белых» [19, с. 177]. Итак, в развернувшемся восстании китайское руководство обвинило русских эмигрантов.

Сложившуюся в Синьцзяне ситуацию пыталась использовать в своих интересах Англия. В британских газетах появляются статьи, обвиняющие Советский Союз в навязывании Синьцзяну своей политической системы. Помимо легальных методов противодействия растущему советскому влиянию в провинции, Англия снова использует «эмигрантский ресурс». Английским представителям было необходимо иметь представление о ситуации на территории повстанцев и выявить степень вовлеченности Советского Союза в восстание. С этой целью в Илийский край был направлен английский консул в Урумчи В. Грэхэм. Он посетил Кульджу, где встретился с русскими эмигрантами. Беседы с ними дали В. Грэхэму много информации о событиях в крае [9].

Не отказываются от помощи русских эмигрантов и американские консулы в Синьцзяне. В апреле 1943 г. была открыта американская дипломатическая миссия в Урумчи. Один из ее сотрудников – полковник Д. Макирнан, пытаясь выявить и по

возможности ограничить распространение советского влияния в провинции, долгое время поддерживал весьма тесные контакты с русскими эмигрантами.

После окончания восстания в 1945 г. большая часть русских эмигрантов покинула Синьцзян. А те, кто остался, уже не играли сколько-нибудь заметной роли во внутривосточных событиях региона.

Таким образом, в 1920-1940-е гг. российская эмиграция оказалась заложницей сложной и неоднозначной политической игры СССР, Великобритании, Германии, США и Японии в Синьцзяне. Эмигранты служили иностранным государствам своеобразным средством для достижения целей; но ни один из участников не вышел из этой игры победителем.

Примечания

1. Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 10. Папка. 124. Д. 23
2. АВП РФ. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 12. Папка. 124. Д. 9
3. АВП РФ. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 9. П. 117. Д. 15
4. Бармин К.В. Политика Великих держав в Синьцзяне в 1918-1949 гг.: Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 Барнаул, 2005
5. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М. 2004. 600 с.
6. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М. 1999. 405 с.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 5873. Оп. 1. Д. 7
8. ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 9
9. Камалов А.К. «Британский дипломат о Восточно-Туркестанской Республике (1944-1949)» - http://ymyt.com/ru/3/68_1.shtml
10. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 62. Оп. 2. Д. 823
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15
12. РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 880
13. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 110. Оп. 7. Д. 45
14. РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 55. Л. 39
15. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 832
16. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 842
17. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 879
18. Синьцзян цзяньши (Краткая история Синьцзяна) Том 3. Народное издательство Синьцзяна. Урумчи. 1994

19. СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. М. 2010
20. Трескин Н.С. О Жизни и о себе // «Россияне в Азии». Литературно-исторический ежегодник // Бакич О. Центр по изучению России и Восточной Европы. Торонтский университет. 1998. № 5. Осень
21. Хакимбаев А.А. Национально-освободительное движение в Синьцзяне в 1931-1949 гг. В. 2-х ч. Ч. I // Институт востоковедения АН СССР. Специальный бюллетень. № 5 (156). - М., 1974
22. Шень Шечжун. О стратегии гоминьдановского правительства на северо-западе Китая в 30-е г. // Чжунго Сяндай ши (Фуинь баокань цзыляо) – Пекин. 2000. № 3 С. 32-35. 2000. 04.023. С. 109

О поддержке российскими подданными в Синьцзяне белогвардейских войск адмирала А.В. Колчака в 1919-1920 гг.

Бармин В.А.

Трагедия гражданской войны 1918-1922 гг. в России – это одна из тех исследовательских тем, которые сохраняют непреходящую актуальность. На протяжении десятилетий изучение многих аспектов этого события ограничивались в советской историографии жесткими рамками идеологических установок, а большая часть архивных источников была недоступна историкам. К числу малоизученных сюжетов гражданской войны можно с полным правом отнести вопросы, связанные с оказанием поддержки белогвардейским войскам адмирала Колчака в 1919-1920 гг. со стороны российских подданных, проживавших в крупнейшей китайской провинции Синьцзян.

В ноябре 1918 г. адмирал А. Колчак, военный министр Уфимской директории, совершил переворот и объявил себя Верховным правителем России. За короткий срок он, опираясь на материальную поддержку стран Антанты, распространил свою власть на огромную территорию бывшей Российской империи от Урала до Владивостока. Созданная Колчаком трехсоттысячная армия начала наступление на Москву, чтобы уничтожить советскую власть. Однако достаточно скоро войска Верховного правителя, несмотря на поддержку США, Англии и Франции, а также на то, что у адмирала

оказалось в руках почти половина золотого запаса России, стали испытывать серьезные проблемы в обеспечении продовольствием, обмундированием, медикаментами, лошадьми и пр.

В этих условиях усилия белогвардейского командования по обеспечению войск всем необходимым перестали ограничиваться деятельностью только на подконтрольной им территории России и стали распространяться на приграничные области сопредельных государств. Для Семиреченской армии атамана Анненкова и Оренбургской армии атамана Дутова такой территорией стала китайская провинция Синьцзян, которая граничила с районами боевых действий этих армий.

Синьцзян, колонизованный Китаем только во второй половине XIX в., оказался оторван от метрополии тысячами километров труднопреодолимого пространства. В то же время, он граничил со среднеазиатскими государствами и Россией, населенными этнически близкими народами, что обуславливало его сближение с соседями. Объективно сложившиеся выгодные условия торгово-экономических связей местного населения с Россией, лояльное отношение царских властей к участникам многочисленных антикитайских восстаний в провинции определили особое положение в ней русских подданных, которых к началу Первой мировой войны насчитывалось здесь несколько десятков тысяч. О степени экономического влияния России в этом регионе можно судить уже по тому факту, что 75% товарооборота провинции приходилось на Россию, а наибольшее хождение при торговых операциях имел российский рубль [1, с. 96-97].

После Октябрьской революции и начала гражданской войны экономические связи провинции и России резко сократились. Одновременно сюда начался нараставший приток беженцев из сопредельных русских территорий. Население бежало от голода, разрухи и военных действий. Власти Синьцзяна, заняв по отношению к противоборствующим сторонам позицию «нейтралитета», закрыли границу между Синьцзяном и среднеазиатскими областями России. Однако отношение губернатора провинции Ян Цзэньсиня к событиям в России было весьма своеобразным. С одной стороны, он отказался принять орден, который по поручению Колчака пытался вру-

чить ему эмиссар Омского правительства [2, л. 9]. С другой стороны, провел в столице Синьцзяна – Урумчи большое совещание с участием всех влиятельных феодалов, купцов и представителей мусульманского и буддийского духовенства. На нем он заявил, что волна революции может захлестнуть и Синьцзян. Запугивая участников совещания, губернатор убеждал слушателей в том, что «...их может постигнуть участь русских фабрикантов, купцов и помещиков». Он потребовал объединения усилий всех присутствующих, чтобы противостоять этой революционной войне [3, с. 94].

Надо полагать, что наряду с прочими обстоятельствами такой своеобразный «нейтралитет» сделал возможным довольно активные связи российских подданных, проживавших в провинции, с белым, а не красным движением на территории России. Положительным обстоятельством в вопросах налаживания выгодного сотрудничества белых армий с российским населением Синьцзяна являлось и то, что в провинции продолжали активно действовать бывшие царские консулы – Дьяков, Успенский, Люба и Долбежев. Они не признали советской власти и считали своим долгом предпринимать все возможные меры для ее скорейшего падения. После установления колчаковской диктатуры консулы выразили готовность сотрудничать с белогвардейцами и оказывать им помощь. Учитывая то, что в руках этих людей были сосредоточены весьма крупные денежные средства, их поддержка могла быть весьма существенной. Однако более важным обстоятельством являлось, то, что это были опытные дипломаты, проработавшие в провинции долгое время, хорошо знавшие экономические возможности не только самой провинции, но и работавших и живших в ней российских подданных.

Российский консул в городе Кульджа Люба писал в связи с этим атаману Анненкову: «Я очень рад, что Ваше Превосходительство имели случай убедиться в моей сердечной готовности работать – по мере сил и возможности – на пользу общего дела и, в частности, вверенной Вам дивизии» [4, л. 234].

Следует отметить, что в первый период деятельности Омского правительства Колчака, когда его армии успешно продвигались вперед, российские подданные в Синьцзяне довольно охотно

оказывали белогвардейцам материальную помощь через специальных эмиссаров, направленных в провинцию. Тот же Люба отмечал в письме к Анненкову: «... Все офицеры Ваши, во главе с полковником Сидоровым, сумели заслужить расположение и симпатии населения...» [4, л. 234]. Есть свидетельства того, что в это время в распоряжение Анненкова и Дутова от российских подданных в Синьцзяне поступали весьма крупные пожертвования, в том числе деньгами, продовольствием, лошадьми, упряжью т.д. Более того, в этот период они довольно активно и сами вступали в ряды белогвардейских войск.

Для подготовки более основательной информации относительно экономического состояния провинции, возможностей и перспектив сотрудничества с проживавшими здесь российскими подданными, разведотдел колчаковской ставки направил в августе 1919 г. в Синьцзян с разведывательной миссией «под видом чиновника Министерства снабжения» своего офицера, прапорщика Сидельникова Анатолия Николаевича [5, л. 119]. Интересным представляется то, что в распоряжении разведотдела оказались данные относительно довоенной российской резидентуры в провинции. По крайней мере, в инструкции Сидельникову предлагалось «Для целей осведомления... использовать русских торговцев г. Чугучака Павла Ефимовича Ботвина и Абдулжапары Сатарова. В г. Кульдже... войти в самую тесную связь с драгоманом [переводчиком] Российского консульства г-ном Недачиним, а также установить и поддерживать сношения с начальником и его штабом отряда, формируемого из беглых таранчей [дословно “земледельцы” - название уйгуров долины р. Или] Семиреченской области» [6, л. 120].

Текст инструкции еще раз подтверждает и тот факт, что «нейтралитет», объявленный губернатором Ян Цзэнсином, на самом деле был скорее формальным жестом, нежели реальным действием. Руководство предлагало своему разведчику внимательно следить и постоянно докладывать «... о всех мероприятиях китайских властей по оказанию нам помощи в борьбе с большевиками» [6, л. 120].

Еще одной важной задачей для Сидельникова являлось установление тесной связи с российскими консулами, работавшими в провинции. Инструкция требовала от него: «Находясь за грани-

цей, Вам необходимо работать в контакте с нашими консулами, неукоснительно выполняя их законные и справедливые требования [6, л. 120].

Однако уже со второй половины 1919 г., и особенно с начала 1920 г., отношение российских подданных к белогвардейцам радикально меняется. Не прекращавшиеся поборы, порою более похожие на грабежи, а главное – поражения на фронтах от Красной Армии лишили белогвардейцев былого авторитета и поддержки. Все чаще эмиссары белых войск стали получать отказы в ответ на свои просьбы. Это явление стало настолько общим, что в августе 1919 г. Анненков вынужден был выступить со специальным обращением «К русско-подданным, проживающим в Китайских пределах». В нем он, в частности, заявлял: «...Идя в Семиречье, мы надеялись, что и Вы поможете и поддержите нас, и не будете праздно смотреть на нашу кровавую борьбу. ...Но, увы, наши ожидания оказались напрасными. Не забывайте, что не далеко тот день, когда Вам придется жить с нами рука об руку и мы спросим у Вас, помогли ли Вы нам в борьбе? Имеете ли Вы нравственное право пользоваться благами жизни в краю, если Вы палец о палец не ударили для того, чтобы помочь общему делу» [7, л. 182].

Однако подобные призывы, да еще с элементами угрозы уже не приносили результата. Более того, ситуация только ухудшалась. Посланный Анненковым в январе 1920 г. для сбора средств среди российских подданных, проживавших в г. Урумчи, протоирей Шабашев встретил там более чем холодный прием. Он писал атаману: «...Все баи заявили, что они уже в Чугучаке сделали пожертвования в количестве 10.000.000 рублей, а так как это одни и те же фирмы, то нельзя ли освободить их от настоящего пожертвования» [8, л. 71]. К 1920 г. изменили свое отношение к деятельности белогвардейских эмиссаров и китайские власти провинции. Ставшее к этому времени очевидным военное поражение белого движения в России диктовало китайцам необходимость налаживания сотрудничества с правительством большевиков. Попустительство активной работе белогвардейцев в провинции теперь было не в их интересах. Ужесточение позиции провинциальных властей отмечал консул Люба, сообщавший, что «Придирчивость китайцев к нам за последнее

время переходит всякие границы» [4, л.234]. А Шабашев писал Анненкову: «На производство сбора необходимо разрешение местного генерал-губернатора и пекинского посланника. ...Мы обратились за разрешением лично к дущюну [губернатору провинции], но такого разрешения нам не дали» [8, л. 71].

Российским подданным, проживавшим на территории Синьцзяна, еще предстояло сыграть заметную роль в последующей судьбе белого движения России. Но к весне 1920 г. они отказали ему в поддержке, что, вне всякого сомнения, ускорило его поражение.

Примечания

1. Вихляев М.А. Торговля СССР с китайской провинцией Синьцзян 1917-1934 гг. // научные и культурные связи библиотеки академии наук СССР со странами зарубежного востока. Сборник докладов. - М.-Л., 1957
2. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0/100-в. Оп. 4. П. 102. Д. 5. Л. 9
3. Савицкий А.П. Синьцзян и гражданская война в Средней Азии // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В.И. Ленина. История стран Востока. Новая серия, выпуск ХСIV. Исторические науки, книга 14. Ташкент, 1957
4. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф, 39711. Оп. 1. Д. 2. Л. 234
5. Там же. Ф. 39504. Оп. 1. Д. 30. Л. 119
6. Там же Л. 120
7. Там же. Ф. 39711. Оп. 1. Д. 2. Л. 182
8. Там же. Д. 4. Л. 71

Факторы развития и упадка русской эмиграции в Маньчжурии (к. XIX – сер. XX в.)

Бакулина А.А.

Первые немногочисленные русские поселенцы в Китае начали появляться с XVII в., и связано это было с освоением Российской империей Дальнего Востока. Строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в конце XIX века (1898-1903) (Рис.3) стало мощным фактором, способствовавшим заселению рус-

скими Маньчжурии и постепенному формированию крупной российской диаспоры в Северо-Восточном Китае.

По окончании строительства КВЖД на службе дороги насчитывалось уже 39 071 чел., из них 18 123 русских и 20 948 китайцев [4, с. 64]. В ходе строительства дороги возник город Харбин, официальным днем рождения которого считается 23 апреля 1909 г. (6 мая по н.с.) [8, с. 116] (Рис.4). В 1912 г. русские эмигранты в Харбине составляли уже чуть более 60% населения (40 тыс. чел.). Город значительно пополнился беженцами после Октябрьской революции: в 1922 г. русских в Харбине насчитывалось уже 105 тыс. чел. [7, с. 286].

С 1932 г. начинается новый период в жизни русских в Маньчжурии, связанный с японской оккупацией и созданием марионеточного государства Маньчжоу-го. Дореволюционных российских эмигрантов тогда насчитывалось 30 044 чел., советских граждан – 26 663 чел., японцев – 2 538 чел. За последующее десятилетие численность российских эмигрантов изменилась незначительно, а количество советских подданных сократилось в 10 раз (до 2 590 чел., так как в СССР уехало около 21 тыс. чел.). Японцев в Харбине стало больше в шестнадцать раз, что было обусловлено миграционной политикой Японии по переселению своих граждан в Маньчжурию [5, с. 197].

Большая русская община вызывала беспокойство у японских властей, которые были склонны видеть в эмигрантах союзников в борьбе против СССР, но одновременно опасались, что среди них могут работать сотрудники советской внешней разведки. На самом деле, согласия внутри русского сообщества не было не только по идеологическим причинам, но и вследствие статусных различий: кто-то не имел никакого подданства, а кто-то принял китайское гражданство; кто-то был более состоятельным, а кто-то – менее и т.д.

Чтобы консолидировать и контролировать российскую диаспору, а также усилить деятельность антисоветских группировок, японские оккупационные власти создали 28 декабря 1934 г. указом правительства Маньчжоу-го Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), в функции которого

входило «руководство во всех отношениях общественной деятельностью различных эмигрантских организаций и отдельных эмигрантов, защита их правовых, экономических и культурных интересов, урегулирование вопросов, возникающих между отдельными лицами и различными организациями, ведение статистического учета эмигрантского населения» [2, с. 105]. Регистрации в БРЭМе подлежали все русские, проживающие в Маньчжурии, независимо от гражданства.

Во второй половине 1930-х гг. отделения и представительства БРЭМ работали уже во всех городах и населенных пунктах Маньчжурии, где проживали российские эмигранты [2, с. 105]. В целом, как отмечал один из самых активных сотрудников БРЭМа, создатель Российской фашистской партии К.В. Родзаевский, Бюро было «фактически русским отделом японской военной миссии» [1, с. 308]. Но это было не совсем так: с появлением БРЭМа – признанного японскими властями общеэмигрантского центра – русские приобрели определенный правовой статус, своеобразное правительство, которое защищало их права и интересы перед властями в рамках, возможных в условиях оккупационного режима.

Японские же власти использовали БРЭМ, чтобы взять под контроль не только административные институты, но и военные эмигрантские организации, которых в 1935 г. насчитывалось 18 [1, с. 312], и культурные учреждения, созданные русскими ранее. Как отмечает уроженец Маньчжурии историк Л. Чугуевский, «пугало и то, что второй (Культурно-просветительский) отдел Бюро, в ведение которого передавались все эмигрантские учебные заведения, будет способствовать внедрению японской идеологии в сознание российской молодежи» [8, с. 121]. Л. Чугуевский боялся не зря. Все русские учебные заведения попали под контроль Бюро, которое начало планомерно осуществлять японизацию системы образования Маньчжурии. Так, «Положение о национальном образовании и воспитании в русской школе» предполагало, кроме изучения предметов о России, изучение истории, географии, правовых норм, государственного устройства и даже быта Маньчжоу-го и Японии. В рамках соответствующей реформы в Харбине были закрыты частные учебные заведения: в 1937 г. – гимназия Я.В. Дризуль и Обь-

единенная гимназия, в 1939 г. – Первое реальное училище, а в 1941 г. – учебные заведения М.А. Оксаковской; в 1937 – 1938 гг. был закрыт еще ряд образовательных учреждений [5, с. 200-201].

С 1939 г. русские поселенцы в Харбине под контролем БРЭМа в принудительном порядке посещали курсы по изучению японского языка, а с марта 1941 г. вся эмигрантская молодежь была обязана изучать китайский – государственный язык Маньчжоу-Го [5, с. 203].

Главной целью японской политики в Маньчжурии на протяжении 1932-1935 гг. было вытеснить СССР с КВЖД. Ярко это стремление проявилось в массовых незаконных арестах советских граждан – служащих дороги для последующего назначения на их должности угодных японцам и местным властям эмигрантов.

В этой ситуации, когда провокации в зоне дороги начинали перерастать в советско-японский конфликт, а КВЖД стала убыточной, советское правительство решило пойти на переговоры с правительством Маньчжоу-го о продаже КВЖД для стабилизации обстановки на Дальнем Востоке.

Сложные переговоры завершились подписанием «Соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Маньчжоу-го прав Союза Советских Социалистических Республик в отношении Китайской Восточной железной дороги (Северо-Маньчжурской железной дороги)» в Токио 23 марта 1935 г. Согласно этому Соглашению, все старшие должностные лица администрации КВЖД сразу же освобождались от своих обязанностей. Служащие КВЖД после увольнения имели право оставаться в Маньчжоу-го в течение 2 месяцев для устройства личных дел. Указанное требование обусловило массовый выезд советских рабочих и служащих дороги, которых заменили японцы и русские эмигранты. А с 1 января 1937 г. маньчжурские власти прекратили выплаты пособий и пенсий бывшим служащим КВЖД [1, с. 292]. Имущество КВЖД, созданное ею за 22 года, досталось правительству Маньчжоу-го за невысокую сумму [1, с. 274 - 275].

С началом Японо-китайской войны (1937-1945) жизнь в Харбине осложнилась вследствие военного положения. Были созданы «десятидворья» – группы соседской взаимопомощи, через

которые японцам было легче управлять жизнью горожан; был установлен режим прописки; все культурные мероприятия русских согласовывались заранее, а тексты радиопередач предоставлялись в Японскую военную миссию в письменном виде [5, с. 198-199]. Условия повседневной жизни русских поселенцев ухудшились: была ужесточена налоговая политика, увеличена арендная плата за проживание в муниципальных домовладениях. 1 декабря 1937 г. был принят Гражданский кодекс Маньчжоу-Го, который контролировал процесс ценообразования на рынке жилья, что подрывало экономическую стабильность русских домовладельцев. Усугубилась проблема снабжения продовольствием русского населения.

Для идеологической обработки населения была создана организация Кио-Ва-Кай, главным направлением работы которой была антикоммунистическая деятельность. В феврале 1943 г. Кио-Ва-Кай выпустила «Генеральные тезисы», где недвусмысленно поставила перед эмигрантами задачу «стать лояльными подданными Маньчжоу-Ди-Го» [2, с. 107].

Приход Советской Армии в Маньчжурию в 1945 г. положил начало качественно новому периоду в истории эмиграции, основное содержание которого – массовый исход белых русских из Китая. После капитуляции Японии в 1946 г. советских и российских эмигрантов в Харбине насчитывалось 29 522, а лиц без гражданства – 18 448. А в 1948 г. в БРЭМе зарегистрировалось всего 26 652 чел. [3, с. 255], что было обусловлено не только массовым выездом русского населения, но и арестами русских харбинцев сотрудниками советской контрразведки СМЕРШ [6, с. 123]. Отъезд почти всех русских из Харбина завершился к 1960-м гг., накануне «культурной революции» в Китае.

Итак, обстоятельства, связанные с КВЖД, – ее строительство, функционирование и дальнейшая продажа, на фоне сложнейшей рокировки сил мировых держав, а также трудности военного периода оказали прямое влияние на жизнь русских людей в Маньчжурии, явив интереснейший пример стремительного формирования и мгновенного упадка крупнейшей диаспоры в истории русской эмиграции.

Примечания

1. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). М., 2004. – 420 с.
2. Аурилене Е.Е. Русские в Маньчжурии: политико-правовой аспект (1932-1945 гг.) // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Хабаровского края, 100-летию со дня начала строительства Китайской Восточной железной дороги и города Харбин. Хабаровск, 1998. – С. 104-107
3. Василенко Н.А. Китайские исследователи о харбинской ветви российской эмиграции // Россия и Китай на Дальних рубежах. Т. 2. Благовещенск, 2001. – С. 253-256
4. Василенко Н.А. Первостроители КВЖД. К 100-летию магистрали / Н.А. Василенко // Россия и АТР. 2003, № 4. – С. 60-75
5. Дорофеева, М.А. К вопросу об адаптации русского населения в Маньчжурии при японской оккупации / М.А. Дорофеева // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатской цивилизации. Пятые Крушановские чтения. Владивосток: Дальнаука, 2008. – С. 197-204
6. Капран И.К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е годы XX в.) / И.К. Капран // Вестник ДВО РАН. 2008, № 2. – С. 116-124
7. Лянглун Ж. Краткий очерк о русских эмигрантах, проживавших в Харбине с 1917 по 1932 г. / Ж. Лянглун // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Материалы международной конференции, посвященной 60-летию Хабаровского края, 100-летию со дня начала строительства Китайской Восточной железной дороги и города Харбин. – Хабаровск, 1998. – С. 286-289
8. Чугуевский Л. 100-летие Харбина // Проблемы Дальнего Востока. 1998, № 3. – С. 116-122

**Заложники чести:
русские офицеры Белых армий в Маньчжоу-го**

Смирнов С.В.

Та часть российской эмигрантской общины в Маньчжурии, что формировалась на протяжении 1917-1922 гг., в значительной степени была представлена эвакуировавшимися на эту территорию военнослужащими белых армий. Согласно данным анкет Харбинского комитета помощи российским беженцам (ХКПРБ) начала 1920-х гг., которые заполняла подавляющая часть беженцев, почти 50% анкетированных служили в белых войсках [4, С. 72]. Установить точное количество офицеров, прибывших и оставшихся в Мань-

чжурии, достаточно сложно. Только из Забайкалья в январе 1921 г. через китайскую границу перешло 8 511 офицеров и 16 289 солдат [5, С. 36], часть из которых так и осела в Китае, отказавшись от передислокации в Приморье. Несколько тысяч человек эвакуировались в Маньчжурию через Монголию и Синьцзян в 1920-1921 гг. и из Приморья в конце 1922 г., а также прибыли поодиночке и небольшими группами вне основных беженских потоков в течение 1917-1922 гг.

Поражение белых армий в Гражданской войне стало тяжелым ударом для офицерства, являвшегося «костяком» белого движения. Часть офицеров встали на путь продолжения борьбы, составив основу антибольшевистского сопротивления. В Маньчжурии оно было представлено партизанскими отрядами, действовавшими в приграничной зоне, и небольшими боевыми организациями, в арсенал которых включались террористические действия (например, «Братство Русской правды»). Однако большая часть офицеров, сняв погоны, вынуждена была приспособливаться к новым условиям жизни, нередко буквально борясь за выживание.

Приспособление к мирной жизни осложнялось тем, что многие офицеры не имели гражданских профессий, а привилегированные сферы занятости на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) были перенасыщены русскими эмигрантами. Не способствовала удачной адаптации и сама социально-политическая атмосфера Маньчжурии, особенно после подписания советско-китайского соглашения о КВЖД 1924 г., восстанавливавшего совместное управление дорогой. «Белогвардейское» (или «белобандитское») прошлое офицеров в условиях превалирования аполитичности в общественных кругах эмиграции и постоянных нападков со стороны советской администрации КВЖД делало их людьми неудобными и зачастую опасными. Часть офицеров, отчаявшихся найти хорошую работу, вновь поступали на военную службу, когда в середине 1920-х гг. начался полулегальный набор бывших русских военнослужащих в армию правителя Маньчжурии, «старого маршала» Чжан Цзоля. Впрочем, некоторые офицеры рассматривали свое участие в китайских междоусобицах как новый этап борьбы с большевизмом.

В конце 1920-х гг. наметились изменения в положении офицеров-эмигрантов. Причиной тому стал советско-китайский конфликт вокруг КВЖД 1929 г., породивший надежды нового подъема борьбы за освобождение России из-под «коммунистического ига», страх возможного прихода большевиков в Китай и крайнее возмущение действиями карательных отрядов ОГПУ в казачьем Трехречье. В конце 1920-х гг. появились несколько объединений бывших военных, и офицеры стали включаться в деятельность крупных общественных организаций эмиграции.

Однако только после прихода в Маньчжурию японских войск и создания здесь «независимого» государства Маньчжоу-го в 1932 г. статус офицерства был реабилитирован. Офицеры стали одним из наиболее активных элементов эмиграции, выступавших за создание нового, с ярко выраженным антисоветским характером, облика эмигрантской общины. В этом отношении их всемерно поддерживали одержимые борьбой против «коминтерновской опасности» японские власти в Маньчжурии.

Вскоре после образования Маньчжоу-го возникла идея организации эмигрантских вооруженных формирований, которые должны были стать ядром будущей антибольшевистской освободительной армии. В 1932-1933 гг. были сформированы несколько отрядов под руководством генерал-лейтенанта В.Д. Косьмина, в то время председателя Российской фашистской партии, подполковника Н.Н. Ильина и др. В дальнейшем эти отряды использовались в качестве вооруженной охраны объектов, принадлежавших государству и частным японским фирмам. К середине 1930-х гг. насчитывалось несколько десятков русских охранных отрядов, возглавлявшихся преимущественно офицерами. В 1935 г. все русские охранные отряды вошли в состав вновь сформированной горно-лесной полиции Маньчжоу-го.

После прихода в Маньчжурию японцев приобрели легальный статус и стали играть заметную роль в общественной жизни эмиграции ранее запрещенные организации, объединявшие бывших военнослужащих российской армии и флота. Это были, прежде всего, Дальневосточные отделы Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) и Корпуса императорской армии и флота (КИАФ), сопер-

ничавшие в своей ориентации на разных претендентов на российский престол. Из казачьих организаций наиболее крупными являлись Восточный казачий союз и семеновский Союз казаков на Дальнем Востоке. Данные организации имели свои молодежные и военно-учебные структуры.

Офицеры либо встали во главе, либо приобрели сильное влияние в ряде гражданских, прежде всего молодежных, эмигрантских объединений. В 1930-х гг. под их руководством действовали Маньчжурский отдел детско-юношеской Национальной организации русских разведчиков (НОРР) [2, Л. 41], Харбинское отделение молодежной организации «Русский Сокол» [3, Л. 71]. Офицеры принимали участие в деятельности Союза мушкетеров, наиболее крупной молодежной антисоветской организации.

Организации военных в первой половине 1930-х гг. активно участвовали в создании общеэмигрантской административной структуры, призванной воплотить мечту эмигрантской колонии о своеобразной автономии на территории Маньчжурии. Процесс формирования «эмигрантского правительства» вызвал ожесточенную борьбу между различными эмигрантскими организациями и завершился только после вмешательства японцев. В декабре 1934 г. главой российской эмиграции в Маньчжурии был объявлен атаман Г.М. Семенов, а единым эмигрантским административным центром стало Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) в Харбине. Первым начальником Бюро был назначен генерал Рычков, возглавлявший его вплоть до своей смерти в августе 1935 г. И в дальнейшем на пост начальника БРЭМ выдвигались только русские генералы – генерал-лейтенант Бакшеев (1935-1938), генерал от кавалерии Кислицин (1938-1943), генерал-майор Л.Ф. Власьевский (1943-1945).

Офицеры заняли мощное положение в структурах БРЭМ с самого начала его существования – они возглавляли отделы Главного Бюро, районные отделения и представительства БРЭМ, созданные в местах массового проживания эмигрантов – Харбин, Хайлар, Цицикар, Трехречье, пос. Бухэду, Пограничный и т.д.

Японские власти, считая русских офицеров наиболее надежным и подготовленным антисоветским элементом в Мань-

чжурии, вовлекали их в деятельность разведывательных и агитационно-пропагандистских структур – например, Японской военной миссии (ЯВМ), где эмигранты наиболее массово были представлены во втором отделе, занимавшемся сбором информации о советских вооруженных силах, экономике, внутренней политике, а также в пятом, ведавшем обучением японских военнослужащих русскому языку. Особенно активно эмигранты начали привлекаться к службе в ЯВМ с конца 1930-х гг. Значительная часть эмигрантов поступала на службу в Миссию по направлению БРЭМ или настоятельной рекомендации японских властей, а уволиться из нее было крайне сложно.

В то же время, обладая мощным антисоветским потенциалом, русское офицерство стало заложником «белой идеи» в ходе реализации японскими военно-политическими кругами на Дальнем Востоке своей антикоминтерновской политики. Японцы достаточно быстро установили контроль над эмигрантскими организациями военных, запрещая те из них, которые не желали активно сотрудничать или стремились сохранить автономию, активистов таких организаций высылали за пределы Маньчжоу-го. В 1935 г. на территории Маньчжурии была запрещена деятельность РОВС, руководство его Харбинского отделения было выслано в Северный Китай. Аналогичная ситуация сложилась вокруг КИАФ, который пережил раскол в 1936 г., когда большая часть его руководителей вышла из организации. В 1938 г. деятельность КИАФ окончательно прекратилась [1, Л. 57, 172]. Вместо ликвидированных организаций были созданы две полностью контролируемые японцами структуры, объединявшие всех русских военных на территории Маньчжоу-го – Дальневосточный союз военных и Дальневосточный союз казаков, вошедшие в 1938 г. в состав Монархического объединения, которое возглавлял тесно сотрудничавший с японской разведкой штабс-капитан Б.Н. Шепунов.

Превращение офицеров-эмигрантов в разменную фигуру в японской игре на Дальнем Востоке вызывало в их среде недовольство. Некоторые из них покинули Маньчжоу-го, но после постановки всех военных на учет в 1935 г. сделать это становилось все труднее. Те же, кто слишком активно протестовал, могли стать объектом

пристального внимания со стороны японской жандармерии, известной своими жестокими методами работы. Растущее недовольство в эмигрантской среде получило свою питательную среду в годы Второй мировой войны, особенно после нападения фашистской Германии на СССР, спровоцировавшего рост «оборонческих» настроений в эмигрантском сообществе.

Оказавшись между «красной звездой» и «цветком вишни», часть русских офицеров в Маньчжоу-го стали сотрудничать с советской разведкой, стремясь помочь истекающей кровью Родине. После поражения Японии в 1945 г. и те русские офицеры, кто продолжал борьбу с большевистским режимом, и те, кто помогал советской разведке и войскам, оказались в руках сотрудников СМЕРШ, завершив «крестный путь белой эмиграции» в советских колониях.

Примечания

1. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. 1. Оп. 2. Архивно-следственные дела. Д. 46300. Зорин Ф.Н.
2. ГААОСО. Д. 43818. Логинов А.П.
3. ГААОСО. Д. 39939. Тимофеев Д.И.
4. Дубинина Н.И., Ципкин Ю.Н. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции (На материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам) // Отечественная история. 1996. № 1. С. 70-84
5. Фомин В.Н., Фомин К.В. Белая армия на Дальнем Востоке и в Китае в 1921-1922 гг.: дислокация, численный и командный состав // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 2000. № 7. С. 36-42.
6. Хисамудинов А.А. Русские в Дальнем – Дайрене // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 145-151

Здравоохранение в русском Харбине (первая половина XX в.)

Капран И.К.

Харбин, основанный Российской империей в 1898 г. как железнодорожная станция Трансманчжурской магистрали, вскоре превратился в главный город Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), где до 1960-х гг. сменилось несколько поколений русских.

Развитие системы здравоохранения в Харбине можно разделить на четыре этапа.

Первый период, который пришелся с к. XIX в. по 1920 г., отличался открытием больниц, финансируемых КВЖД и российским правительством.

Во второй период с 1920 г. по 1931 г. были созданы частные и общедоступные благотворительные лечебницы.

Третий период, длившийся с 1931 г. по 1945 г., представлял собой годы японской оккупации Маньчжурии. Многие клиники получали помощь от Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) и выжили благодаря активной позиции русской общественности.

Четвертый период (1945 – 1950-е гг.) охарактеризовался переходом к китайской системе здравоохранения после отъезда русских врачей.

Конец XIX в. - 1920 г.

В эти годы в Харбине началось строительство лечебных учреждений, финансируемых КВЖД через Врачебно-санитарный отдел. Здравоохранение в Харбине имело ряд характерных особенностей. В частности, городское самоуправление было учреждено только в 1908 г., и в условиях растущего города лечебные учреждения финансировались недостаточно. Не хватало специалистов и оборудования [14, с.270].

Поэтому не только служащие КВЖД, но и остальные горожане предпочитали обращаться за медицинской помощью в казенные железнодорожные больницы. Согласно Временному положению о служащих КВЖД, амбулаторным и стационарным бесплатным лечением могли пользоваться не только железнодорожные служащие, члены их семей и прислуга, но и чины Заамурского округа Пограничной стражи, Заамурской железнодорожной бригады, Жандармской полиции, а также ученики железнодорожных училищ во время обучения [1, с.17]. Служащие дороги могли получать лекарства бесплатно по рецептам врачей КВЖД и с 50% скидкой по рецептам частных врачей. Дорога возмещала издержки на посещение врачом больного по письменному подтверждению не-транспортбельности пациента [2, Р-6081, 1, 81, 826].

По бюллетеню врача на время болезни до 4 месяцев за служащими сохранялось содержание. Работники КВЖД, у которых выявлялось психическое расстройство, могли получать бесплатным лечением за счет КВЖД до 4 месяцев. Если больной находился на стационарном лечении, за ним сохранялось место службы и содержание в течение года. Только затем он мог быть уволен со службы с выдачей единовременного пособия [1, с. 24]. Если через год после освидетельствования комиссии устанавливалось восстановление трудоспособности, больной вновь приступал к работе [1, с. 22].

Большое значение имела деятельность Врачебно-санитарного отдела Управления КВЖД по ликвидации эпидемии чумы в 1910 г. Дело в том, что при строительстве Харбина широко привлекалась дешевая рабочая сила – китайские рабочие. Постепенно на правом берегу реки Сунгари, непосредственно примыкая к городу, вырос китайский квартал Фудзядань, в котором к 1910 г. проживало уже 30 тыс. человек (Рис. 4).

В октябре 1910 г. перенаселение и антисанитария привели к вспышке эпидемии чумы, от которой в Фудзядане погибло колоссальное число жителей – около 6 тыс. [18, с. 255]. Близость Фудзядана к Харбину поставила под угрозу безопасность здоровья русских жителей. Тогда для предупреждения развития эпидемии чумы была создана Харбинская городская санитарно-исполнительная комиссия. Город был поделен на 5 врачебно-санитарных участков; появился стационар для больных чумой. Управление КВЖД командировало на борьбу с этим заболеванием 10 врачей из Центральной железнодорожной больницы, а также участковых врачей [18, с. 255]. Как следует из отчета «Чумные эпидемии на Дальнем Востоке и противочумные мероприятия Управления КВЖД», опубликованного в 1912 г. в Харбине, в результате действий Управления КВЖД была не только остановлена эпидемия чумы, но и создана система предупреждения этого грозного заболевания.

В частности, была открыта Противочумная станция, где прививали скот – основной разносчик этой инфекции. При этом для скота из личных хозяйств служащих КВЖД прививки противочумной сывороткой были бесплатными.

Интересно отметить, что это была последняя крупная эпидемия чумы на планете.

Впоследствии санитарное состояние города регулярно контролировала Врачебно-санитарная комиссия, находившаяся в ведении Харбинского общественного управления (ХОУ), которое ведало всеми муниципальными делами. В состав комиссии входили старший санитарный врач КВЖД, врач госпиталя Заамурского округа Пограничной стражи и городской санитарный врач. ХОУ постоянно увеличивало бюджет на развитие здравоохранения в Харбине.

Всего на 1912 г. в Харбине насчитывалось 17 врачей КВЖД, 14 врачей Заамурского округа отдельного корпуса Пограничной стражи, 3 врача войск железнодорожной бригады, 2 городских врача, 11 частных врачей, 5 японских врачей, а также 6 врачей китайской, корейской и тибетской медицины [4, с.14].

Все же большая часть больных получали бесплатное лечение. Наиболее популярными у городского населения были больницы КВЖД и госпиталь. С развитием Харбина и увеличением муниципального бюджета возрастали и расходы на здравоохранение. В районе Пристаней были построены родильный барак и амбулатория. В 1919 г. были построены два барака: один – для терапевтических и инфекционных больных, другой – для родильного и венерического отделения. На бюджете муниципалитета в это время находились 2 санитарных врача, ветеринарно-санитарный отдел, Пастеровская станция, амбулатория, автомобиль «Скорой помощи» и экипаж для перевозки инфекционных больных [8, с.15].

1920 – 1931 гг.

В 1920-е гг., вскоре после Октябрьской революции, в Харбин хлынули русские беженцы, и тогда были открыты новые лечебные учреждения за счет частного и благотворительного капитала.

С волной беженцев в Харбин прибыли высококвалифицированные врачи. Судьбы их складывались по-разному. Один из них – С.К. Сажин (1887, Тобольск. – 1972, Сидней), прибыл в Маньчжурию в 1922 г. вместе с воинскими частями Белой армии. Он обладал не только широкой эрудицией в области медицины, но и был активным общественным деятелем. За публикацию в январе 1953 г. ста-

тьи «Акафист Сталину – извергу рода человеческого» был арестован китайскими властями за «антисталинские высказывания». Больше года С.К. Сажин просидел в тюрьме в железной клетке в ожидании суда. Был осужден на семь лет каторжных работ. После освобождения в 1962 г. уехал в Австралию.

Лучшей частной клиникой Харбина, знаменитой своими специалистами, стала основанная в 1920 г. «Лечебница врачей-специалистов». Лечебница также славилась в городе своей зубо-врачебной школой, оснащенной всеми передовыми технологиями, новейшим оборудованием, необходимыми учебными пособиями. В марте 1929 г. ею был произведен первый выпуск 115 зубных врачей. Многие из них впоследствии переехали в Австралию.

После реформы городского самоуправления в 1926 г. надзор за городским здравоохранением начал осуществлять Отдел здравоохранения Городской Управы, исполнительного органа Харбинского муниципалитета. Заведующим Отделом здравоохранения в 1928 г. и главным врачом 1-й городской больницы стал китайский государственный служащий Ван Я-Лянь. Драгоманы (переводчики), сотрудники технического и обслуживающего персонала также были китайцы. Но заведующими отделениями больницы оставались русские врачи.

Лечение в городских больницах стало платным. Некоторые расценки были опубликованы в Муниципальном справочнике. Так, например, стоимость пребывания в одиночной палате 1 разряда составляла 5 долларов, а в палате третьего разряда (более 3-х человек) 1 доллар 50 центов. При поступлении в больницу пациенты должны были предоставить письменную гарантию от поручителя за своевременную оплату больничных услуг. Поручитель должен был выплатить аванс за лечение в течение 10 дней. Лица, не имевшие возможности оплатить свое лечение, могли быть освобождены от уплаты на основании удостоверения, выданного им Городской Управой. Для них в 1-й городской больнице имелось 130 бесплатных мест [5, с. 132].

Прием в Городскую больницу был ограничен. В больницу не принимались лица душевнобольные, неизлечимые, нуждающиеся в уходе по старости и инвалидности. Больные тяжелыми инфек-

ционными заболеваниями (дифтеритом, тифом, дизентерией и т.д.) обслуживались бесплатно при наличии свободных мест. В то же время, больные корью, коклюшем, свинкой и ветряной оспой не принимались [5, с. 135].

Особенностью практики русских врачей в Харбине был контроль муниципалитета за их деятельностью. Право на практику предоставлялось после сдачи экзамена из 13 медицинских предметов. Для врачей, получивших образование за рубежом, обязательны были проверочные знания в письменной и устной форме по предметам общей теории медицины, анатомии, биологии, патологии и предметам клинической медицины. Уровень знаний оценивался по 100 бальной системе. Врачи, получившие за письменную работу 70 баллов, допускались к устному экзамену [14, с. 270; 5, с. 164].

Городская управа выдавала врачам, прошедшим испытание, удостоверения. Список практикующих врачей передавался в Полицейское управление, которое за ряд нарушений могло отобрать свидетельство на частную практику [5, с. 165].

Общественные эмигрантские организации координировали оказание бесплатной медицинской помощи для неимущих русских беженцев. В период массового притока русских эмигрантов в 1920-е гг. медицинская помощь оказывалась через Харбинский комитет помощи русским беженцам (ХКПРБ). Только за период с 7 августа по 31 декабря 1932 г. была оказана помощь для 2600 человек [3, Р-830, 1, 285, 130].

1931 – 1950 гг.

В период японской оккупации Бюро по делам российских эмигрантов в Манчжурии (БРЭМ) через свой Благотворительный отдел оказывало бесплатную медицинскую помощь нуждающимся больным, обеспечивало их бесплатными лекарствами и т.д. В отчете Благотворительного отдела за август 1936 г. указывалось, что из 15 больных, которых БРЭМ направило в больницы, 6 пациентам были сделаны операции. Амбулаторная помощь оказана 10 больным. Выдано 44 рецепта на бесплатное получение лекарств [3, Р-830, 2, 106, 2].

Медицинская помощь, оказываемая БРЭМ, была самой затратной статьей Благотворительного отдела, годовой бюджет кото-

рого составил к концу 1930-х гг. около 17 тыс. долларов. Ежемесячные расходы на медицинскую помощь доходили до 1000 долларов. В 1936 г. была открыта собственная амбулатория БРЭМ. За февраль 1936 г. было принято 256 платных больных и 153 бесплатных, сделано 23 бесплатных выезда к больным на дом [3, Р-830, 2, 106, 13, 91].

Большую благотворительную работу в Харбине проводила Мариинская община сестер милосердия Российского общества Красного Креста, которая регулярно организовывала медицинские курсы по подготовке сестер милосердия, акушерок и фармацевтов. В амбулатории общины пациенты имели возможность получить не только платную медицинскую помощь: доля бесплатных больных за 1933-1935 гг. составила 18,2% [3, Р-830, 2, 106, 75].

Выдающееся место в истории харбинской медицины занимал доктор Н.П. Голубев (1887, Оханск. – 1965, Сидней). В 1918 г. он закончил медицинский факультет Томского университета и получил диплом врача. В Харбин приехал в 1930 г., где открыл собственную лечебницу с операционной, рентгеновским кабинетом, лабораторией, отдельными и общими палатами. В 1958 г. доктор Н.П. Голубев уехал в Австралию, где работал до конца жизни.

Активная позиция русских врачей Харбина привела к созданию еще в 1929 г. Общества русских врачей. При содействии БРЭМ Обществу русских удалось создать Врачебно-санитарную комиссию, деятельность которой была направлена на профилактику и борьбу с эпидемиями, контроль и помощь эмигрантским медицинским учреждениям. Общество русских врачей просуществовало 10 лет, за это время было проведено 102 научных заседания, на которых демонстрировались новые методы консервативного и операционного лечения, рентгенограммы. Ежегодно общество проводило конкурс здорового ребенка. Итоги конкурса подводились на страницах журнала «Рубеж» [14, с. 311]. В 1942 г. в докладе, подготовленном Обществом русских врачей, подчеркивались проблемы, требующие скорейшего разрешения: борьба с распространением наркотиков и удешевление лечения больных наркоманией, льготное лечение малоимущих душевно больных людей, бесплатный прием в больницу тифозных больных, разрешение на приобретение импорт-

ных медикаментов, которые невозможно заменить японскими и т.д. [3, Р-830, 2, 95, 83].

Характерной особенностью врачебного обслуживания в Харбине была параллельная практика китайской медицины. В жизни русских харбинцев, по воспоминаниям многих из них, бытовали такие средства как прием настойки опия, женьшеня, питье кипятка, массаж и иглоукалывание. В домашних аптечках обязательно хранили небольшое количество опия на случай расстройства пищеварительной системы, что в обстановке эпидемиологической опасности (тиф, дизентерия, холера) было довольно частым явлением. В случае уже разыгравшегося заболевания часто применяли лечебное питание согласно традиционной китайской медицине: разваренный до киселеобразного состояния рис, свежие помидоры, красный перец [6].

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что система здравоохранения в русской колонии в Харбине была создана и действовала при значительном финансовом содействии КВЖД, а также с участием средств из муниципального бюджета и частного капитала. Высокое качество медицинского обслуживания обеспечивалось высококлассными специалистами, которые также принимали активное участие в общественной жизни. Примечательно, что до последних лет существования русского Харбина его жители имели возможность получать квалифицированную медицинскую помощь независимо от исторических условий.

Примечания

1. Временное положение о служащих КВЖД. – Харбин, 1914. – с. 24
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 6081. Оп. 1. Д. 81
3. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. 830. Оп. 1. Д. 95., Д. 285.; Оп. 2. Д. 106.; Оп. 3. Д. 83
4. Известия Харбинского общественного управления - 1914 г. - №3
5. Муниципальный справочник. – Харбин, 1928. – 191 с.
6. Рукопись интервью с Л. Н. Менько январь 2005.; с М. К. Зуевым июнь 2005
7. Рубеж. – 1929. - №42
8. Рубеж. - 1931. - №7
9. Харбинский вестник - 1915. - 10 января
10. Харбинский вестник - 1916. - 11 января
11. Харбинский вестник - 1916. - 14 января
12. Харбинский вестник - 1916. - 24 января

13. Харбинский вестник – 1916. - 12 февраля
14. Великая Маньчжурская империя. – Харбин, 1942. – 416 с.
15. Поляков Ю. П. Человек в повседневности // Отечественная история. – 2000. - № 3. - с. 125-132
16. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «Истории повседневности» // Этнографическое обозрение. – 2004. - № 5. – с. 3-19
17. Таскина Е. Русские врачи в Харбине // Политехник. – Сидней, 2004. - №16
18. Чумные эпидемии на Дальнем Востоке и противочумные мероприятия Управления КВЖД. – Харбин, 1912. – 391 с.

**«Путевку многим в жизнь он дал»
(о фотодокументальной выставке к 90-летию Харбинского политехнического института в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына)**

Егорова Н.А.

2 апреля 2012 г. исполнилось 90 лет создания Харбинского политехнического института (ХПИ) – первого русского высшего учебного заведения в Китае. Уникальный вуз, основанный как техникум для подготовки кадров по строительству и обслуживанию Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), ХПИ продолжал работать и в период японской оккупации Маньчжурии (1932–1945), и после прихода советских войск до возвращения этой территории Китайской Народной Республике (1945–1950).

«Высокие стандарты образования, заложенные в ХПИ, способствовали тому, что диплом института был признан во всем мире, а его питомцы, рассеянные по континентам и странам, проявили себя как квалифицированные специалисты: инженеры, преподаватели, ученые»¹.

Современный Харбинский технологический институт с гордостью считает себя преемником ХПИ (*Рис.5*).

В 2012 г. в Москве в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына к 90-летию ХПИ была оформлена фотодокументальная

¹ Каневская Г.И. Русский Харбинский политехнический институт и судьба его выпускников // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2010. № 2. С. 30

выставка «Путевку многим в жизнь он дал». Заголовок – цитата из стихотворения Маргариты Кореновой, посвященного ХПИ¹.

Экспозиция состояла из 5 разделов: «Подвижники просвещения», «Студенты ХПИ», «Из семейного архива», «Достижения выпускников», «Из жизни Объединений инженеров, окончивших ХПИ/СМУ²».

Выставка открывалась краткой исторической справкой, знакомившей с основными вехами создания, становления и развития ХПИ.

Первый раздел «Подвижники просвещения» был посвящен основателям института, его профессорам и преподавателям. На стенде были представлены фотографии начальника Земельного управления КВЖД, председателя Правления общества по учреждению Русско-китайского политехнического института Н.Л. Гондатти; управляющего КВЖД Б.В. Остроумова; первого директора Русско-китайского техникума, преобразованного в 1922 г. в институт, А.А. Щелкова; коллективные фотографии профессорско-преподавательского состава разных лет; фотографии внутренних интерьеров здания ХПИ, кабинетов, мастерских.

В разделе «Студенты ХПИ» помещались коллективные фотографии студенческих групп и факультетов разных лет, отражавшие учебный процесс и жизнь студентов вне учебы.

В разделе «Из семейного архива» демонстрировались фотографии и документы, предоставленные потомками выпускников ХПИ: входной билет и дипломы ХПИ, аттестат об окончании Технического железнодорожного училища при ХПИ. В отдельной витрине – рукопись воспоминаний о годах учебы, диплом и зачетные книжки ХПИ, форменная тужурка с вензелем на наплечниках, принадлежавшие одному из студентов ХПИ, Борису Константиновичу

¹ Коренева М. К семидесятой годовщине ХПИ // Политехник. Сидней, 1995. № 14. С. 109

² В 1937 г. ХПИ полностью перешел в ведение японской администрации; обучение велось на японском языке; русский персонал, за немногим исключением, был уволен. Для русских студентов образовали Северо-Маньчжурский университет (СМУ) (1938–1945) с политехническим и коммерческим факультетами, который явился продолжением ХПИ. Ректором СМУ стал японский профессор Т. Симицу.

Маркевичу и переданные его дочерью К.Б. Маркевич в дар Дому русского зарубежья им. А. Солженицына.

Следующий раздел «Достижения выпускников» знакомил с успехами выпускников ХПИ в разных странах, где они проектировали важные строительные объекты, становились директорами крупных промышленных предприятий, выдающимися учеными. Достаточно упомянуть участие выпускников ХПИ – В.А. Бакича, В.Ф. Салатко, И.М. Торновского – в строительстве крупнейшей в мире гидроэлектростанции «Итайпу» на границе Бразилии и Парагвая. «Итайпу» являлась самой мощной электростанцией в мире до декабря 2007 г., уступив первое место ГЭС «Три ущелья» (Китай).

Раздел «Из жизни Объединений инженеров, окончивших ХПИ/СМУ» был посвящен деятельности объединений выпускников ХПИ в Австралии, США, Бразилии. На фотографиях, представленных на выставке, запечатлены встречи выпускников разных лет, юбилейные торжества в честь основания института и члены редакции журнала «Политехник»¹, который с 1969 г. издается в Сиднее Ассоциацией инженеров, окончивших ХПИ/СМУ.

«В стенах ХПИ были заложены традиции поддержки и взаимопомощи, которые политехники сохранили на всю жизнь. Куда бы они ни были заброшены волею судьбы, везде стремились к общению на профессиональном и общественном уровне, о чем свидетельствуют существующие сегодня в Австралии, США, КНР, Японии, России объединения выпускников ХПИ»².

В первый раз годовщина основания ХПИ была отпразднована в Сиднее в апреле 1942 г. коллегами В. Румянцевым, М. Юхотским, С. Медовым, В. Махно и Е. Борисоглебским в китайском ресторане на Кингс-Кросс³. Эту информацию сообщил журналу «По-

¹ Политехник/Объединение инженеров, окончивших ХПИ; ред. Б.Н. Коренев. Сидней, 1969–2012. (С 1979 г. выходит не регулярно)

² Каневская Г.И. Харбинский политехнический в воспоминаниях его выпускников : (к 75-летию со дня основания ХПИ) // Рубеж : Тихоокеанский альм. Владивосток, 1998. № 3 (865). С. 316

³ Румянцев В.Д. Первая встреча харбинских политехников в Сиднее // Политехник. Сидней, 1969. № 1. С. 15

литехник» Владимир Дмитриевич Румянцев, поступивший в институт при самом его основании в 1922 г.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. вместе с другими беженцами из Китая политехники провели несколько лет на острове Тубабао (Филиппины). На выставке помещены фото: Празднование 27-ой годовщины основания ХПИ. о. Тубабао, 1949; Явочный лист с росписями инженеров, принявших участие в праздновании 27-й годовщины основания ХПИ. о. Тубабао, 02.04.1949.

Выставка была подготовлена на основе публикаций в журнале «Политехник» (Сидней. 1969–2004. №№ 1–16). Как журнал объединения питомцев ХПИ, «Политехник» помещает сведения об инженерах-политехниках, проживающих в разных странах. Журнал помогал найти коллег, писал о русских не только в Китае, но и после их исхода из Китая. Самым информационно-насыщенным был юбилейный 10-й номер (1979). Именно в нем нашлось много фотографий для выставки и информации об истории ХПИ.

С электронной версией выставки можно было ознакомиться на сайте Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (bfrz.ru/).

Выставку подготовили: автор этой статьи Н.А. Егорова, куратор Т.А. Королькова, дизайнер Е.В. Хорина, редактор Т.П. Митрофанова.

Большую помощь в подготовке выставки оказали потомки выпускников Харбинского политехнического института, предоставившие материалы из семейных архивов: Кира Борисовна Маркевич (Красноярск), Кирилл Владимирович Попов (Красноярск), Александр Николаевич Тимофеев (Красноярск), Татьяна Анатольевна Томилова, урожд. Иванова-Инина (Владимир).

Выставка была открыта до конца 2012 г. и получила многочисленные позитивные отзывы не только от специалистов, работающих в области изучения российской диаспоры за рубежом, но и непосредственно от потомков харбинцев.

Этнический состав эмигрантов из России в Шанхае в первой половине XX в.

Черникова Л.П.

Множество выходцев из Урала и Поволжья на рубеже XIX-XX вв. в поисках лучшей доли снялись с насиженных мест и отправились на строительство КВЖД. Социальный состав их был разным: рабочие, безземельные крестьяне, торговцы, переселенцы, люди разного рода и звания. Много среди них было выходцев из национальных окраин, - евреи, кавказцы, татары, башкиры, украинцы, жители Прибалтики, финны, поляки, русские... Сегодня исследователи стоят в самом начале изучения жизни этих национальных диаспор.

Трудности подстерегают и в хаотичной разбросанности по всему миру архивов эмиграции. Скажем, разобщены фонды харбинского и шанхайского архивов, часть материалов которых оказалась вывезена в СССР после Второй мировой войны, а часть документов оказались в частных коллекциях и государственных собраниях в Австралии, Новой Зеландии, США, Канаде, странах Латинской Америки и Европы.

Правда, существуют различные координационные центры, помогающие исследователям разных стран. Такой центр функционирует, например, при Гавайском университете – благодаря подвижнической деятельности Патрисии Полански, которая в 2011 г. в соответствии с Указом Президента РФ была удостоена почетной награды за большой вклад в сохранение российского литературного и исторического наследия за рубежом и развитие культурных связей между Россией и США. В Шанхае таким подвижником является профессор Шанхайской академии общественных наук профессор Ван Чжичен; в России, во Владивостоке, – профессор В.Ф. Печерица, Приморский государственный музей им. В.К. Арсеньева; в Москве – Дом им. А.И. Солженицына (бывшая Библиотека-Фонд Русского Зарубежья).

Как известно, в Китае существовало три удаленных друг от друга региона расселения эмигрантов из Российской империи: Маньчжурия (с центром в Харбине), Синьцзян-Уйгурский автономный район (т.н. «мятежное сердце Азии») и Шанхай (с тяготеющими

ми к нему соседними районами Ханькоу, Нинбо, Нанкином, Сучжоу и даже более отдаленными географически – Тяньцзин и Циндао; здесь мы объединяем разрозненные эмигрантские общины по степени тяготения к этому «Желтому Вавилону»).

По-разному заселялись эти регионы в начале XX века: синьцзянский край – в основном торговцами и сельским населением (здесь преобладали тюрко-татарские народности, русские переселенцы, казачество); в Маньчжурии были широко представлены самые разные национальности из России; что касается Шанхая, то он стал крупнейшим центром еврейских переселенцев, помимо прочих этнических групп. Попутно заметим, что в силу обстоятельств шанхайская община резко делилась еще и по идеологическому принципу – на советских граждан и белоэмигрантов.

Но сначала кратко перечислим эмигрантские группы из России в Шанхае, этнически не являющимися русскими, и укажем их институциональные составляющие.

Армянская община в Шанхае и Армянское Благотворительное Общество при ней. Это общество было официально учреждено инициативной группой в 1938 г. В большом помещении Общества часто устраивались различные лекции, доклады, вечера, танцы и представления; здесь также действовал кружок армянской молодежи. Целью Армянского благотворительного общества была помощь прибывающим в Шанхай армянским эмигрантам, а также объединение всех армян в единую общину¹.

Горско-Осетинское общество было образовано в 1934 г.²

Шанхайское Грузинское Общество было образовано в 1938 г. после посещения Шанхая князем А.З. Мдивани во время его свадебного путешествия. Благодаря его поддержке общество получило свое здание³.

Азербайджанское общество отдельно не было оформлено, и выходцы из Азербайджана вошли в Тюрко-татарское объединение.

¹ «Слово», 1938, 27 июля, с. 4

² «Новости Дня», 5 августа, 1935, с. 5

³ «Слово». 1936, 19 апреля, с. 7; «Слово», 1939, 23 мая, с.4; The Shanghai Directory, 1941. China Hong List, July, 1941. P. 85

Украинская Громада (другое название – Украинский Эмиграционный комитет в Шанхаю) была образована в 1934 г., отличалась большой активностью; при Громаде действовала своя театральная и песенно-хоровая труппы, работала украинская школа, выпускались учебники на украинском языке¹.

Польская колония в Шанхае имела несколько организаций, которые группировались вокруг консульства. Клуб имел название «Польский комитет». В городе действовала польская школа, а позднее была организована Польская молодежная ассоциация².

Финская колония также, в основном, базировалась при консульстве. Финская ассоциация устраивала благотворительные балы для нуждающихся, регулярные «чашки чая», большие обеды по случаю важных праздников. Тесно взаимодействовала с русской общиной Шанхая, поскольку известный русский дипломат Сюннерберг стал после 1920 г. генконсулом Финляндии в Шанхае³.

Эстонская община была организована сразу после образования Эстонской республики в 1918 г. и первоначально организационно базировалась при консульстве. Позднее при ней действовало Благотворительное общество⁴. Также сформировались **Латвийская Ассоциация в Шанхае**⁵ и **Литовская ассоциация в Шанхае**⁶.

Шанхайский Еврейский клуб был образован в 1932 г. и занимал собственное здание, почти вся обстановка которого была приобретена на средства одного еврейского мецената. Основателем клуба был известный еврейский заводчик Блох М. С., который стал пожизненным Председателем этого клуба. При клубе работали финансовый комитет, комитет по текущим делам, комитет по культурно-просветительской работе. Каждую неделю клуб устраивал разнообразные вечера и широко вел культпросветработу. При клубе действовал известный литературный кружок русских эмигрантов в

¹ Ван Чжичен. Русские в Шанхае. Указ. соч.; Шанхайская Заря. 1942, 24 мая, с.1

² The Shanghai Directory, 1935. China Hong List, July, 1935. P. 75, 82, 90, 101; Ibid., 1941. P. 83

³ The Shanghai Directory, 1935. China Hong List, July, 1935. P. 89

⁴ Шанхайская Заря. 25 февраля, 1934, с. 4; The Shanghai Directory, 1935. China Hong List, July, 1935. P.73, 89

⁵ China Hong List, 1925-1941

⁶ China Hong List, 1932-1941. P. 74

Шанхае, который еженедельно проводил свои «четверги». Еврейский клуб поддерживал теснейшие связи с русской общиной¹.

Цыгане в Шанхае. Цыгане после Октябрьской революции вместе с русскими беженцами-эмигрантами попали на Дальний Восток. Сначала они прибыли в Харбин, занимаясь, главным образом, выступлениями в ночных клубах. Затем в поисках лучшей жизни они мигрировали на юг Китая. Пройдя через города Тяньцзинь и Циндао, они прибыли в Шанхай. Некоторые цыгане отправились дальше – в Центральный Китай, добрались даже до Ханькоу, но вынуждены были снова вернуться в Шанхай. Большинство из них обосновалось на Французской концессии города и в близлежащих районах (где аренда была сравнительно недорогой).

В Шанхае цыгане без всякого труда общались с представителями других народов. Некоторые бойко говорили не только на русском, английском, французском, венгерском, румынском языках, но и по-китайски, по-немецки, по-итальянски, на хинди. Из-за нехватки образования они не могли быть профессиональными переводчиками: главным образом, они работали музыкантами, певцами и танцорами. Самой известной шанхайской исполнительницей была Берта Червонная, выступавшая вместе с Вертинским.

Среди мужских занятий была и экзотическая работа медвежьим поводырем и уличным циркачом. Женщины, главным образом, занимались торговлей, спекуляцией, карточным шулерством, чаще – гаданием. После начала Тихоокеанской войны (1941) японцы захватили шанхайские концессии, и жизнь цыган в Шанхае стала ухудшаться с каждым днем. 80-90% цыган потеряли даже ту работу, которую имели в кабаре и магазинчиках².

Община тюрко-татар в Шанхае. Сегодня широко изучены материалы по тюрко-татарским общинам Харбина, Хайлара, Мукдена, казанскими исследователями активно изучается Синьцзян-Уйгурский регион. В работах историков эмиграция тюрко-татар на Дальний Восток делится на два периода: первопоселенцы пришли сюда в дореволюционный период и были строителями и торговцами

¹ Шанхайская Заря. 1933, 25 марта, с. 5; там же, 1934, 9 августа, с. 6; там же, 1934, 12 апреля, с. 6

² Александр Ван Чжичен. Русские в Шанхае. Шанхай, 1993, с. 670-677

на КВЖД, и беженцев-эмигрантов (1917-1956). Шанхайская община тюрко-татар была создана на рубеже 1920-1930-х годов. Из-за скудости средств и малочисленности община не имела своего дома. Собрания проходили в помещениях либо Казачьего Дома, либо Украинской Громады. Известный в Шанхае активист тюрко-татарской общины Н.А. Мамлеев основал «Первую татарскую широковещательную ассоциацию в Шанхае»¹.

Русская община в Шанхае по разным оценкам имела самую большую численность – от 12 до 35 тыс. чел. в разные годы (с увеличением к 1940-м годам). Русские создали несколько десятков различных организаций, среди которых можно выделить **Русское Благотворительное общество**²; **Русский эмигрантский комитет** (почетным председателем был преподобный епископ Иоанн Шанхайский); **Шанхайское Офицерское Собрание** (для встреч всех отставных офицеров российской армии); **Ассоциацию русских моряков торгового флота**; **Клуб общества русских торговцев** (с 1927 г.). Здесь действовал запрет на азартные игры, а при клубе функционировала библиотека, шахматный зал и игровые комнаты³. Список можно продолжить **Союзом русских инвалидов и Домом инвалидов**, **Русским Православным братством**⁴. **Казачий Дом** был открыт Казачьим союзом в Шанхае в сентябре 1929 г. Здесь был читальный зал, общежитие для инвалидов и работала спортивная секция; устраивались семейные вечера, проводились лекции и доклады по военно-историческим вопросам⁵.

Русское Общественное Собрание в Шанхае (РОС, или «Русский Клуб») было учреждено в 1934 г. по инициативе торговцев Цепкина В.С. и Дукина В.И. и при содействии Общества русских коммерсантов в Шанхае. Первоначально клуб предназначался для отдыха и развлечений, однако многие считали, что он должен стать центром культуры и просвещения русской общины (что в

¹ Шанхайская Заря. 1934, 30 января, с. 5; Слово. 1939, 19 марта, с. 2; Жиганов В.Д. Русские в Шанхае

² The Shanghai Directory, 1935. China Hong List, July, 1935. P. 76

³ Шанхайская Заря. - 1927. - 4 сентября. - С. 5; там же, 1929, 17 октября, с. 5

⁴ The Shanghai Directory, 1935. China Hong List, July, 1935. P. 76

⁵ Шанхайская Заря. 1929, 18 октября, с. 5; Там же, 1930, 16 мая, с. 6

дальнейшем и было реализовано). Членские взносы были высокими: \$15 вступительный взнос, \$3 ежемесячный взнос. Новое помещение, расположенное в центре, было выбрано удачно: двухэтажный особняк с шестнадцатью комнатами, с вестибюлем на нижнем этаже для 300 человек. Здесь были сад, оранжерея, спортивная площадка. При клубе были устроены читальный зал, библиотека, гостиная, танцзал, столовая, бильярд, комната для карточных игр, комната для игры в маджан (маджонг), помещения для бойскаутов, помещение для Русского технического общества¹. Жившие в восточном районе Шанхая русские эмигранты организовали в 1930 г. собственное **Русское общественное собрание в Шанхае (Второе)**, которое постоянно боролось с финансовыми трудностями². **Русский Дом** был основан в 1936 г. Через полгода из-за начала войны Русский Дом прекратил свою деятельность, но снова восстановил ее в 1937 г. Обычно по воскресеньям для членов и гостей Русского Дома устраивались обеды, «чашка чая», маджан, игра в карты, игра в бридж, которые всегда привлекали много посетителей, обычно расходившихся поздней ночью. При Русском Доме действовал Женский Комитет, устраивавший для детей различные игры, просмотры фильмов и другие мероприятия. Под Новый год и другие большие праздники здесь устраивались вечера, Рождественская елка и другие праздничные мероприятия³.

Другими объединениями и союзами русской колонии, которые образовались в Шанхае по территориальному признаку, были Кружок Петербуржцев, Общество Приамурских эмигрантов, Объединение казанцев, Союз маньчжурцев, Харбинское землячество в Шанхае, Шандунское объединение и другие.

Советская диаспора в Шанхае была официально оформлена после открытия Генерального консульства СССР в Шанхае 31 мая 1924 г., в бывшем здании Генконсульства Императорской Рос-

¹ Шанхайская Заря. 1934, 19 ноября, с.4; там же, 1935, 19 сентября, с. 5; Жиганов В.Д. Русские в Шанхае, с. 279; «Слово». 1936, 5 февраля, с. 5; там же, 1937, 9 марта, с.7; China Hong List, 1941. P. 88

² «Слово». 1936, 11 марта, с. 3; там же, 1937, 2 мая, с. 16; там же, 1938, 4 декабря, с. 6

³ «Слово». 1937, 18 декабря, с. 4

сии. Это общество было сформировано по принципу интернационализма, поэтому в него входили представители всех национальностей бывшей Российской империи, и даже те, кто формально уже мог стать гражданином вновь образованных государств (прибалтийцы, финны, поляки). В целом, эволюция советской диаспоры представляет большой интерес и заслуживает отдельного изучения. Подчеркнем, что в 1934 г. ее численность составляла 550 чел., а в 1945 г. в нее влилось уже несколько тысяч человек. При советской диаспоре действовало три советских клуба (Советский клуб, Клуб граждан СССР и после отъезда основной массы репатриантов – Второй советский клуб при Генконсульстве СССР в Шанхае /по свидетельству А.П.Северного, шанхайца, выехавшего в СССР в 1954 г./).

В целом, к моменту окончания Второй мировой войны в Шанхае находилось до 35 тыс. российских эмигрантов. Около 4-5 тыс. чел. отправились в СССР. Несколько тысяч еврейских эмигрантов уехали в Израиль. Несколько десятков татар смогли перебраться в Турцию, остальные осели в Японии и Австралии. Из 5,5 тыс. эмигрантов, кто решил отправиться в другие страны, половина вынуждена была пережить годичное ожидание на о. Тубабао. Расселение с Тубабао уже не зависело от национальности: уезжали туда, куда пускали по квоте. Несколько тысяч человек остались в Шанхае ожидать разрешения китайских властей на выезд. После смерти Сталина еще 1,5 тыс. человек выехало в СССР.

Наконец, в конце 1956 г. в Шанхае практически не осталось представителей некогда огромной многонациональной общины выходцев из России, не считая тех, кто создал смешанные семьи с китайскими гражданами.

Русские старообрядцы: через Маньчжурию в Австралию

Скоробогатых Н.С.

Старообрядчество – не просто одна из ветвей православия со своей обрядовой стороной. Это особый и обособленный мир, далеко не всегда стремящийся к общению. Изучение его в этой связи все-

гда было непростым делом, однако в наши дни представители этого вероучения постепенно отходят от прежней замкнутости. В современной России есть научные центры по исследованию различных толков старообрядчества. Например, Приморский государственный музей им. В.К. Арсеньева, сотрудники которого с 1990-х гг. занимаются исследованием приморского старообрядчества, анализом разных сторон его истории, включая процессы масштабных миграций на восток с XVII в. вплоть до сегодняшних дней¹. В ряде поволжских городов существуют интернет-издания общин старообрядцев. В Барнауле в 2006 г. вышли в свет мемуары о. Иоанна Кудрина «Жизнеописание священника и отца семейства». Диакон В.В. Тимофеев написал брошюру об истории старообрядцев в Австралии по документам из архивов Митрополии Московской и всея Руси Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ), Христорождественской общины в Сиднее, Новосибирской и всея Сибири епархии РПСЦ, Казанско-Вятской епархии РПСЦ, а также подлинных писем клириков и мирян, участвовавших в организации старообрядческих приходов в Австралии².

По мнению ряда исследователей, «русская старообрядческая диаспора – самый старый исторически сложившийся пласт современного дальнего (и ближнего) русского зарубежья, сохранивший древнерусское наследие и устойчивый перед лицом иноязычного и инокультурного окружения вот уже на протяжении более чем 300 лет. В подавляющей своей массе они не ассимилированы, за исключением старообрядцев Эри (США), активно сохраняют и развивают самобытность»³. Особенность старообрядчества – в его твердой приверженности старине. По словам митрополита Корнилия, главы РПСЦ, «старообрядчество это не какая-то церковь, которая была создана после раскола, а это древняя православная ветвь, которая

¹ Кобко В.В. В Австралию в поисках... старообрядцев - <http://www.arseniev.org/about/?a=137&s=42&p=1>

² Христорождественский приход Русской Православной Старообрядческой Церкви в г. Сидней, Австралия. М. – Чебоксары: Чебоксарская старообрядческая община РПСЦ, 2005. – 32 с.

³ Русская старообрядческая диаспора в странах дальнего зарубежья: генезис, формирование и современное положение. 2001 г. Русский Архипелаг. Сетевой проект «Русского мира» - http://www.archipelag.ru/ru_mir/volni/religio_voln/russian_diaspora

идет от Христа, через Апостолов. И в старообрядческой церкви обряды не меняются... В службе нет мелочей. Нужно делать все так, как делали наши предки». Старая вера во многом по-прежнему отличается и своей закрытостью для посторонних. Попытки уточнить численность ее приверженцев (по данным на 2009 г. в мире было около 2 млн. старообрядцев, из них около 1,5 млн. приемлющих священство) в целом оказались безуспешны. Митрополит Корнилий фактически уклонился от ответа: «Трудно назвать какую-то определенную цифру. У нас по этому вопросу не ведется статистики. К тому же, во все времена старообрядцы старались не раскрывать данные о себе. Гонение в старые времена понуждало к этому. Поэтому замкнутость осталась. Сколько нас, какие мы, старое поколение подробно не раскрывает». Возможно, эта закрытость и приводит к тому, что в настоящее время рост прихожан в РПСЦ идет медленнее, чем в других христианских деноминациях. Причины того, что у старообрядцев «восстановление храмов измеряется десятками», иерархи видят в последствиях «десятилетий советской безбожной власти», когда «практически прервалась связь поколений»¹.

Центр российского старообрядчества расположен в районе бывшей Рогожской заставы в Москве; большие старообрядческие общины существуют в Нижнем Новгороде, Новосибирске, Казани, Костроме, Санкт-Петербурге, Барнауле, Ижевске и других городах. В настоящее время в РПСЦ около 250 приходов. Еще одна большая старообрядческая ветвь – Белокриницкая митрополия в Румынии, которая находится в г. Брэила; в других странах тоже существуют старообрядческие приходы, между которыми нет существенных расхождений во взглядах.

Еще одно, помимо обрядовых расхождений, отличие старообрядцев от иных христиан в том, что изначально они были гонимой частью православия. В результате Великого Раскола в русской Церкви и обществе сторонники древлеправославного благочестия подвергались жестоким притеснениям со стороны светских и духовных властей. Эмиграция старообрядцев за границу началась

¹ «Единение», 2010 - <http://www.unification.net.au/articles/read/456>

вскоре после Собора 1666 г. и продолжалась вплоть до 1905 г., когда в Российской империи была объявлена свобода вероисповедания и гонения на раскол прекратились. После этого эмиграция старообрядцев прекратилась. Напротив, начался процесс реэмиграции из Австрии, Румынии и Турции при поддержке Всероссийских съездов старообрядцев. Таким образом, в начале XX в. старообрядчество превратилось из гонимой секты в обособленную часть православия. Однако в результате Октябрьской революции в России все верующие вне зависимости от их убеждений стали одинаково преследуемы властью. После 1917 г. старообрядческая эмиграция из России возобновилась.

В послереволюционный период из России в Европу выехали представители крупной буржуазии и одновременно известнейшие российские меценаты, собиратели древнерусской иконописи – выходцы из знаменитых старообрядческих родов (Рябушинские, Сироткины, Третьяковы и др.). За рубежом одни из них занялись политикой, другие – бизнесом, но внутренне практически все они были неразрывно связаны с Россией, ее культурой¹.

Развязанная большевиками гражданская война и последовавшая за ней через 10 лет коллективизация очень сильно ударили и по староверам Сибири. Часть из них уходила еще дальше в тайгу – так возникли многие поселения, существующие и поныне – на Нижнем Енисее, в Туве и Якутии.

В 1920-1930-е гг. старообрядцы начали осваивать Китай. Из Сибири и Дальнего Востока, куда судьба забросила часть старообрядцев еще во времена раскола, легче было перебраться в Маньчжурию. Десятки семей (поповцы) ушли из Алтая в Синьцзян, другие из Южно-Уссурийского края в Маньчжурию из-за насильственной коллективизации и репрессий со стороны Советов. А во второй половине 1930-х гг. из Приамурья и Приморья в Китай переселились беспоповцы, которые осели вблизи Харбина, в районе Трехречья. Там они крестьянствовали, разводили скот, занимались пчеловодством и в целом не изменили свой патриархальный уклад жизни. Частично материально их поддержало БРЭМ (Бюро по делам рос-

¹ Русская старообрядческая диаспора в странах дальнего зарубежья ...

сийских эмигрантов в Маньчжурской империи)¹. У жителей Трехреченского района, где проживала основная масса старообрядцев, связь с родиной была крайне затруднена.

После революции 1917 г. кафедра Иркутско-Амурского (Дальневосточного) епископа РПСЦ Иосифа (Антипина) была перенесена сначала во Владивосток, а потом в Харбин в Манчжурии, где она находилась до 1958 г. Кафедральным собором стал построенный в 1925 г. Петропавловский храм, при котором размещалась резиденция епископа Иркутско-Амурского, а также епархиальное управление, подчинявшееся Московской митрополии. Здесь были созданы два храма Белокриницкой иерархии, но все ее приходы в Китае находились в каноническом подчинении Московской Архиепископии, и для разрешения конфликтных ситуаций они обращались в Москву².

Одним из наиболее ярких деятелей старообрядчества в Манчжурии стал Иван Гаврилович Кудрин. Он родился в 1879 г. на Урале, на Средне-Рождественском заводе, в семье староверов-беспоповцев. В результате поисков истинного священства его семья присоединилась к Старообрядческой Церкви (Белокриницкой иерархии). Сам Иоанн удостоился священнического сана в 1906 г., а когда началась Гражданская война, иерей, не сочувствовавший большевикам, вынужден был вслед за Белой гвардией отступать в Сибирь. «Верховный правитель Российского государства» адмирал А. Колчак назначил его на должность «главного старообрядческого священника армии и флота». В 1922 г., когда белое дело было проиграно, протоиерей Иоанн Кудрин эмигрировал в Китай. В Харбине его трудами был благоустроен старообрядческий храм³.

¹ А. Писаревский. Русский Образ. Русская старообрядческая диаспора за границей: история и современность - <http://www.vojnik.org/unity/5>

² Отчет по истории и канонической подчиненности Христорождественского прихода РПСЦ в г. Сиднее (Австралия). 14 ноября 2005, 11:47 - <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=38040&type=view>

³ Урушев Д.А. «Главный старообрядческий священник» армии Колчака был вынужден эмигрировать в Харбин, а затем в Сидней. 2007-02-21 // Рецензия на книгу: И.Г.Кудрин. Жизнеописание священника и отца семейства. Барнаул, 2006. – 288 с.; Как «старая вера» пришла в Австралию // НГ Религии - http://religion.ng.ru/printing/2007-02-21/7_faith.html

Смутные времена пришли и в Манчжурию, где в условиях отрыва от старообрядческих центров разгорелось соперничество между духовными лидерами общин. Одним из противников И.Г. Кудрина стал о. Иоанн Старосадчев, который считал себя «благочинным старообрядческих церквей за границей и уполномоченным Белокриницкой Митрополией». В их споры в 1920-1930-х гг. были вовлечены самые высокие инстанции, и прибывавшие в Харбин епископы из России то по просьбам харбинцев, поддерживавших о. Иоанна Старосадчева, запрещали в служении о. Иоанна Кудрина, то разрешали ему священнодействовать. Эта ситуация стала предметом рассмотрения на заседании Освященного Собора Древлеправославной Старообрядческой Церкви Христовой в Москве 1 сентября 1927 г., который своим постановлением велел «признать священника Иоанна Кудрина разрешенным» и встал на его защиту¹.

В 1929 г. на Иркутско-Амурскую кафедру был возведен владыка Афанасий (Федотов) с наречением титула Амурско-Иркутский и всего Дальнего Востока. Ему подчинялись все приходы епархии и на территории СССР, и Китая. Его резиденция находилась в России, епархиальное же управление – в Харбине, где при кафедральном Петропавловском соборе хранилась епархиальная печать, архив, епископские шапка и посох, мощи персидских мучеников, а также мирро и антиминсы. Харбинские старообрядцы поддерживали с ним связь по вопросам духовного характера и внутрицерковного правопорядка до января 1937 г. Но 18 апреля 1938 г. епископ Афанасий был арестован НКВД и расстрелян. Это заставило настоятеля Петропавловского храма о. И. Кудрина обратиться в Белокриницкую митрополию с просьбой управлять его приходом до времени падения в России коммунистического режима².

После окончательного разрыва между о. Иоанном Кудриным, с одной стороны, и о. Иоанном Шадриным и о. Иоанном Старосадчевым, с другой, последние попытались связаться с Белокриницкой Митрополией. В феврале 1940 г. оттуда пришло распоряжение протоиерею о. Иоанну Шадрину возглавить создаваемое Мань-

¹ Отчет по истории и канонической подчиненности Христорожественского прихода...

² Там же

чжурское старообрядческое благочиние, назначить его кандидатом в сан епископа и подчинить ему «всех старообрядческих священников в Маньчжурии»¹. Но 22 июля 1940 г. на собрании епископов и священнослужителей Белокриницкой иерархии в Славском монастыре было постановлено рукоположить на Маньчжурскую старообрядческую епархию Т.Д. Качалкина, которого еще пять лет назад маньчжурские старообрядцы избрали кандидатом в епископы. Постриженный в иноки с именем Тихона, он был рукоположен в епископы 25 августа 1940 г. в селе Камень (Добруджа, Румыния), но до Дальнего Востока так и не добрался. Однако начало спорам вокруг канонической подчиненности старообрядцев в Маньчжурии было положено.

После окончания Второй мировой войны часть старообрядческих семей была насильно возвращена на родину². После прихода в августе 1945 г. советских войск в Маньчжурию многие мужчины-старообрядцы были высланы в Сибирь, а их хозяйства раскулачены. Староверам пришлось рассеяться по всей Маньчжурии, а после победы в Китае коммунистов в 1949 г. им предложили покинуть страну. Они переселились в Гонконг, а затем в 1958 г. при помощи ООН – в США, Аргентину, Парагвай, Чили и Бразилию и Австралию. На сегодняшний день наиболее крупные поселения русских староверов за рубежом находятся в Румынии, США, Польше, Австралии, Болгарии, Канаде. Небольшие общины старообрядцев есть в некоторых странах Южной Америки, Монголии³.

Об этом периоде в истории российского старообрядчества рассказал в своих записках Михаил Овчинников (Сидней, Австралия), принявший участие в Третьей Ассамблеи Русского мира⁴. Его предки – старообрядцы-казаки переселились с Дона в Забайкалье после нововведений патриарха Никона и раскола Русской Право-

¹ По поводу, так называемого, «научного издания». Письмо П.Шахматова - <http://old-believer.livejournal.com/30576.html>. Далее – Письмо П.Шахматова.

² Кобко В.В. В Австралию...

³ Русская старообрядческая диаспора в странах дальнего зарубежья ...

⁴ Подробнее о Фонде «Русский мир» см.: Толорая Г.Д. «О деятельности Фонда “Русский мир” по распространению русского языка, русской культуры и поддержке связей с зарубежными соотечественниками», здесь же

славной Церкви в XVII веке. Неподалеку от границы с Монголией и Китаем у р. Аргунь появилось поселение Доно. Село жило безбедно и спокойно до самой революции 1917 г. Родители М. Овчинникова родились в Доно, крестились, там же они и повенчались. «У меня 5 сестер и три брата. Получилась хорошая крепкая казачья семья». А в 1920-х гг. начались гонения, и старообрядцы стали уходить в Китай, в Трехречье. «Я родился в Китае, и мое детство прошло на китайской земле... Я воспитывался на образах простых русских людей, выражающих лучшие черты казачества: трудолюбие и талант, сохранение традиций, юмор и умение постоять за себя... После захвата Манчжурии Японией и продажи КВЖД число желающих переехать куда угодно значительно увеличилось... Начались притеснения и вымогательства»¹.

Установление в Китае власти коммунистов, проведение земельной реформы и начало политических репрессий заставили старообрядцев в конце 1950-х гг. целыми общинами покидать территорию этой страны. Кафедра Амурско-Иркутского и всего Дальнего Востока епископа РПСЦ была перенесена в Сидней. Настоятель Петропавловского собора протоиерей И. Кудрин в конце 1957 г. выехал сначала в Гонконг, потом в Австралию. Сиднейский старообрядческий священник о. Кирилл Иванов вспоминал, что «когда надо было Кудриным выезжать в Австралию, то китайские власти не разрешали вывозить церковное имущество. Тогда прихожане пошли на хитрость: сказали властям, что прихожане пожертвовали все это священнику Кудрину за то, что он бесплатно молился у них несколько лет, и власти разрешили вывезти это церковное имущество»². Старший сын о. И. Кудрина Константин приобрел дом в Сиднее, во дворе которого была устроена церковь во имя апостолов Петра и Павла с антиминсом, вывезенным из Харбина. В этом храме отец Иоанн служил до своей смерти в 1960 г.

Старообрядческие общины в Австралии были воссозданы в Новом Южном Уэльсе, Виктории, Квинсленде и Тасмании. Все (за

¹ Судьба казаков-старообрядцев Овчинниковых // «Семеновец» - <http://www.kazakchita.ru/art/sks141109.html>

² Отчет по истории и канонической подчиненности Христорожественского прихода...

исключением одной) были канонически подчинены румынской митрополии. Старообрядческий священник Кирилл Иванов создал в Австралии общину московской юрисдикции¹.

М. Овчинников вспоминал: «Старообрядцы, не выехавшие на Родину в первых эшелонах, узнав об участии соплеменников в России, просили убежища в любую страну. Зная только свой язык, но во имя сохранения своих детей, веры, традиций и устоев решались выехать в совершенно незнакомый им мир. Снова с малыми детьми, без денег, захватив церковные ценности и старые книги, они покинули Китай, разъехавшись по таким странам, как Канада, Бразилия, Австралия... В 1962 г., как и многие другие, наша семья бежала из Китая в Австралию. Мы относились к эмигрантам второй волны. Все наши, трехреченские, были выходцы из донских, оренбургских и забайкальских казаков»².

В конфессиональном отношении старообрядческие общины Австралии неоднородны. В них представлены два направления: беспоповцы часовенного согласия и поповцы белокриницкого согласия. Разными путями пришли они из Китая в 1950–1960-е гг. XX в.

Старообрядцы часовенные обосновались на севере штата Квинсленд недалеко от городка Ярвун, который до недавнего времени называли «маленькой Россией». Быстро встать на ноги общине помогло выращивание папайи, приносившее неплохие доходы. Несмотря на непривычные, а порой невыносимые условия труда, старoverы выстояли, построили красивые дома, большую молельную. Община насчитывала до 30 семей. В начале XXI в. «маленькая Россия» опустела: из-за строительства большого алюминиевого завода правительство выкупило эти земли у старообрядцев. На полученные деньги можно было приобрести новую землю, построить хороший дом, и многие семьи из Ярвуна присмотрели новый большой участок земли, в двух часах езды от Брисбена, где начали обустриваться вновь³.

¹ Русская старообрядческая диаспора в странах дальнего зарубежья...

² Судьба казаков-старообрядцев Овчинниковых...

³ Кобко В.В. В Австралию...

Старообрядческие общины белокриницкого согласия есть в разных городах Австралии, но в основном сосредоточены в Сиднее и Мельбурне. И если беспоповские общины «оскудели людьми», то у старообрядцев, приемлющих священство, общины росли быстрее. На средства прихожан Сиднея и Мельбурна строились храмы, которые и сегодня считаются одними из красивейших зданий этих городов. При содействии Белокриницкой митрополии и Фонда им. Ф.Е. Мельникова в Сиднее издавался журнал «Церковь» – духовно-просветительный журнал «древлеправославных христиан в рассеянии сущих»¹.

Процессы ассимиляции в Австралии для старообрядцев прошли достаточно быстро. Если судить по фото, размещенных на сайтах, то еще в 1960-х гг. жившие в Ярвуне старообрядцы внешне очень отличались от австралийцев: женщины в сарафанах и повойниках или платках, мужчины при бородах и в косоворотках. Но в начале XXI в. их уже невозможно отличить по внешнему виду от обычных австралийцев.

На примере М. Овчинникова можно проследить пути адаптации русской старообрядческой общины. В каком-то смысле, внешне – это повторение судеб купцов-старообрядцев в России, где наиболее предприимчивые из них даже в самых неблагоприятных условиях официальных гонений сумели приспособиться к окружающей среде, проявить коммерческую хватку и сделать состояние и имя себе и своим потомкам. «Поскольку русские приезжали без знания языка и не имели средств к существованию, на нас смотрели косо, австралийцы называли нас “большами”... я пошел учиться в вечернюю школу. Сцепив зубы, осваивал австралийский английский. А в 19 лет решился начать свое дело... Срывался и карабкался... И в 21 год выбился-таки в люди, встал на ноги. С тех пор немало воды утекло. Сейчас мою компанию “KELSO” по продаже стройматериалов знают далеко за пределами Сиднея. Пришло время, когда я решил попытать счастья, принять участие в межавстралийском конкурсе на самый лучший бизнес года. Так, в 1997 г. моя фирма попала в число пятисот лучших частных компаний штата

¹ А. Писаревский. Русский Образ...; Кобко В.В. В Австралию...; Судьба казаков-старообрядцев Овчинниковых...

Новый Южный Уэльс. В 2003 г. ... стал победителем в престижной общеавстралийской номинации на звание “Лучшему эмигранту-бизнесмену 2003 года”¹».

В то же время «разорванная в клочья русская мысль и русская культура продолжали жить единым духом. Издавались и издаются газеты и журналы на русском языке. Я сам финансировал православную газету “Слово”. Журналы “Австралиада”, “Жемчужина”, “Австралийская Мозаика”, газеты “Единение” и “Горизонт” в полном объеме рассказывают на своих страницах о родовых казачьих корнях, традициях и обычаях. В условиях привыкания к совершенно новой жизни казаки-старообрядцы не забывали ни веры своей, ни традиций и обрядов, ни русской культуры. Вера в Бога и строгий уклад, любовь к Родине без обид не сломили людей, не очерствели их сердца, потому что духовная связь с Отчизной была основой их жизни²».

Под влиянием решений поместного собора Русской Православной Церкви в 1971 г. и Собора епископов Русской Православной Церкви за рубежом в 1974 г. целый ряд беспоповских общин в Австралии, США, Латинской Америке и Европе приняли священство, присоединившись к Белокриницкой иерархии. В 1982 г. так поступили и беспоповцы в австралийском городе Данденонг, переселившиеся туда из Синьцзяна с помощью единоверцев из Мельбурна и Сиднея. Начался продолжающийся и сегодня процесс консолидации зарубежных старообрядцев.

Помимо официальных визитов, довольно регулярно поддерживаются личные связи между представителями старообрядческих общин в Австралии и России. В 2007 г. по приглашению семьи Овчинниковых в Австралию прибыли старообрядцы из Тольяттинской

¹ Награды “The Ethnic Business Awards” вручаются с 1988 г. бизнесменам-представителям различных этнических групп с целью «подчеркнуть важный вклад приезжих эмигрантов-бизнесменов в развитие Австралии» - <http://www.ethnicbusinessawards.com/history>

² Судьба казаков-старообрядцев Овчинниковых...

общины РПСЦ. С ответным визитом в 2010 г. на Ярославской земле побывали старообрядцы из Австралии¹.

По словам М. Овчинникова, «сегодня русские казаки в Австралии живут полноценной жизнью. Духовные молитвы укрепляют дух каждой казачьей семьи. Самые большие и крепкие семьи Овчинниковых, Кирпичниковых, Родионовых, Марковцевых, Чернышевых, Калугиных, Белоноговых, да всех не перечесать... Русские школы заполнены детьми, и не только русскими. К русскому слову тянутся и австралийцы. Правда, я замечал, на уроках дети учатся говорить только по-русски. А прозвенит звонок, выскочат на перемену и загадят на двух языках: русском и английском. Строгая учительница с улыбкой заметит: «Говорите по-русски». В моей семье существует закон – дома говорить только на русском языке. Семейные праздники проводятся строго с соблюдением традиций. Русский клуб в Стратфилде стал местом, где говорят только на русском языке. Да что далеко ходить за примером. Как-то я пришел по делу к Георгию Петровичу Логунову, и только вошел в дом, не успел еще и слова вымолвить, как это за меня сделал большой белый попугай какаду, закричав: “Говорите по-русски”». М. Овчинников уверен, что «будущее у казаков Австралии есть». В планах – «объединение казаков в одну большую семью: перепись казаков, постановка на учет, обновление войскового устава, продление регистрации сводно-казачьей станицы в Новом Южном Уэльсе». Планируется создание музея казачества, поддерживается связь с казачеством России. «Оставаясь казаками, мы являемся патриотами той страны, которая нас приютила и стала нашей родиной. Дети и внуки казаков успешно служат в австралийской армии и высоко держат дух казачества... Думая о судьбе русской эмиграции, я мучительно ищу дорогу к тому Храму, свет которого указывал бы путь к надежде, к полносердечной жизни человека. И понимаю, что истинный Храм Веры и Надежды может быть только на Родине!»².

¹ Старообрядки из Тольятти в Австралии. Фотозарисовка. Самарское Староверие, 11.04.2007 - <http://samstar.ucoz.ru/news/>; Марина Смарагдова, «Городской телеканал», 23 июля 2010 г. // В Ярославскую область прибыли старообрядцы из Австралии - <http://vyatskoe.yar.ru/pressa50.htm>

² Судьба казаков-старообрядцев Овчинниковых...

Впрочем, надежды на Родину в современном контексте несколько напоминают старообрядческие легенды о граде Китеже, где сохранились основы благочестия и откуда придет спасение для всех, ищущих его. Не берусь судить о состоянии дел в российском старообрядчестве, возможно, оно и внушает оптимизм; но для австралийских общин прежде всего важно разобраться у себя дома. В отчете В. Тимофеева заслуживает особого внимания заключительный раздел: «Думается, что мы должны исходить из того, в Австралии исторически сложилась ситуация, когда на одной территории сосуществуют приходы разных юрисдикций. Кстати, между обычными прихожанами Благовещенского и Христорожественского приходов не существует никакого антагонизма, наши старoverы беспрепятственно заходят молиться в тот храм, в какой они хотят¹». К этому же призывают и его оппоненты: «Мы чада одной древне-православной церкви, потомки тех, кто не щадя своей жизни, ради Христа, шел на горькие мучения. Ради светлой памяти о них, прекратим ненужные и, даже губительные для нас, распри. Будем совместно стремиться к тому, чтобы между нами, на всех уровнях, был мир, тишина и духовная радость²».

Дай Бог, чтобы все эти призывы к братскому единению воплотились в жизнь.

Отец Михаил Протопопов – один из лидеров православия в Австралии (тезисы)

Скоробогатых Н.С.

Судьба видного представителя одной из самых крупных волн российской эмиграции второй половины XX в. протоиерея Михаила Алексеевича Протопопова весьма интересна – и как русского, и как деятеля РПЦЗ в Австралии (Рис. 6, 7).

¹ Отчет по истории и канонической подчиненности Христорожественского прихода...

² Comments. 25th-Feb-2009 07:32 pm (UTC) - <http://oldbeliever.bravejournal.com/entry/29002>

М.А. Протопопов родился в 1944 г. в Сербии в семье русского офицера, с 1949 г. живет в Австралии. Он окончил четыре факультета Мельбурнского университета: исторический, педагогический, богословский и административный. В 1964-1989 гг. (целых 28 лет) работал в австралийской школе, из них 12 – директором.

В 1989 г. по состоянию здоровья он ушел с преподавательской деятельности. Но еще в бытность свою преподавателем активно участвовал в жизни РПЦЗ: в 1972 г. он стал дьяконом, в 1974 г. – священником, а в 1975 г. о. Михаил был рукоположен в иерея. В 1985 г. он стал протоиереем.

В 1988 г. в процессе подготовки к празднованию 1000-летия крещения Руси о. Михаил проделал огромную работу, будучи главой комитета по празднованию в Мельбурне. За этот колоссальный труд по подготовке и проведению торжеств его назначили благочинным Южных приходов Австралийско-Новозеландкой епархии.

Отец Михаил всегда уделял немалое внимание воспитанию русской молодежи в лучших традициях православной веры, активно участвовал в благотворительности. Параллельно он занимался научной работой: в 2005 г. защитил диссертацию по проблемам русского православия в Австралии, и ему присвоили ученую степень доктора исторических наук. В 2007 г., будучи профессором Мельбурнского университета, он преподавал там богословие и одновременно являлся настоятелем храма Успения Божией Матери в Данденонге, что в 30 км от Мельбурна. Принимая самое активное участие в жизни своей епархии, он немало потрудился для подписания Акта о каноническом общении между РПЦЗ и РПЦ Московского Патриархата.

В наши дни, удостоенный многих правительственных наград, о. Михаил Протопопов остается одним из наиболее ярких представителей русской диаспоры в Австралии.

Эволюция восприятия России и русских белыми жителями Австралии во второй половине XIX – начале XX вв. (тезисы)

Массов А.Я.

Определенное и в целом достаточно негативное отношение к России и русским начинает формироваться у жителей британских переселенческих колоний в Австралии с середины XIX в. Во-первых, белые австралийцы восприняли традиционно подозрительное и в чем-то пренебрежительное отношение к русским англичан. Во-вторых, со времени Крымской войны (1853–1856) в Австралии широко распространился страх перед «русской угрозой». На Пятом континенте были уверены, что в случае войны России с Англией русский военный флот совершит рейд к австралийским берегам.

Вместе с тем на рубеже XIX – XX вв., с началом русской трудовой эмиграции в Австралию, начала проявляться и другая тенденция – более благожелательного и, во всяком случае, не враждебного отношения к русским. Первая волна русской эмиграции носила крестьянский характер и состояла в основном из мужчин. Отсюда неизбежные смешанные браки с австралийками и быстрая интеграция вновь прибывших в англо-саксонское в своей основе австралийское общество. Среди австралийцев у русских появляется репутация недорогих и неприхотливых работников, которые к тому же обладают достаточно высоким уровнем квалификации.

Способствовали улучшению имиджа русских и внешнеполитические обстоятельства – Россия после ее поражения в русско-японской войне 1905 г. уже не рассматривалась в качестве потенциального противника Австралии. Более того, Россия стала восприниматься как своего рода оплот «белого человека» в Азии, как барьер против «желтой угрозы», которой так опасалась склонная в то время к расизму Австралия.

В годы Первой мировой войны Австралия и Россия выступали уже как союзники на полях сражений. С энтузиазмом была воспринята на Пятом континенте Февральская революция 1917 г, в которой видели прорыв России к свободе. В то же время, резкое неприятие у большинства австралийцев вызвала Октябрьская революция. Последовавшее затем усиление революционной активности радикальных элементов в русской общине привело к кровавым столкно-

вениям между русскими эмигрантами и австралийцами в Брисбене в марте 1919 г. («Бунты Красного флага»). Эти события надолго предопределили негативное отношение основной массы австралийцев к России и русским.

Следует учесть, что во второй половине XIX – начале XX вв. интенсивно развивались процессы становления и самоидентификации австралийской нации, и все имевшиеся на тот момент этнические предпочтения, предрассудки и фобии (касающиеся, разумеется, не только русских) закреплялись в рождающемся национальном самосознании австралийцев.

Волны неприязни и симпатий к России и русским чередовались и в последующие десятилетия XX в. При этом, разумеется, свою роль играла политическая конъюнктура. Сочувствие и интерес к русским возродились в годы Второй мировой войны, когда СССР и Австралия совместно воевали в составе антигитлеровской коалиции. Страх и подозрительность характеризовали восприятие всего, исходящего от СССР, в период холодной войны. Всплеск интереса к далекой и непонятной австралийцам северной стране вновь может быть отмечен в годы перестройки. Тогда заметную роль в смягчении отношения ко всему русскому сыграло и начавшееся в XX в. знакомство австралийских интеллектуалов с русской литературой, музыкальным и театральным искусством.

Но в начале XXI в. этот интерес сменяется новой волной подозрений, на этот раз в неспособности России стать свободным демократическим государством. Двойственное, с преобладанием настроенности отношение ко всему русскому стало в Австралии, по сути дела, одним из устоявшихся этнических стереотипов. Известно, что такие стереотипы необычайно прочны. Поэтому ожидать радикального изменения отношения австралийцев к России и русским в ближайшее время, видимо, не приходится.

НТС в Австралии в 1950-е годы
(по материалам Отдела специальных коллекций Библиотеки
Джорджтаунского университета, США)

Антошин А.В.

Политическая история российской диаспоры в Австралии – тема, которая уже неоднократно становилась объектом изучения: достаточно назвать работы Н.Скоробогатых, Г.Каневской, Е.Говор и ряда других исследователей. При анализе одного из интереснейших периодов, относящегося к эпохе холодной войны, внимание историков неизбежно привлекает Народно-трудовой союз российских солидаристов (НТС) – ведущая антикоммунистическая структура российского зарубежья той эпохи, созданная еще в 1930 г. и объединившая российских эмигрантов сначала в Югославии, Франции, Болгарии, Нидерландах, а позднее – в других странах.

В этой связи становится актуальным поиск новых источников, способных осветить многие аспекты деятельности НТС за рубежом, в частности, в такой малоизученной из-за своей удаленности (и отдаленности) от России стране как Австралия. Большой массив документов по данному вопросу был обнаружен автором этой статьи в архиве многолетнего председателя НТС В.М. Байдалакова, хранящемся в Отделе специальных коллекций Библиотеки Джорджтаунского университета в Вашингтоне, США. Тщательно систематизированная личная переписка В.Байдалакова с лидерами местных организаций НТС за многие годы представляет собой весьма значительное по объему количество документов, часть из которых легла в основу данной статьи.

Хранящиеся в архиве Библиотеки Джорджтаунского университета документы рассказывают о деятельности НТС, сосредоточенной в главных австралийских городах – Сиднее, Аделаиде, Перте, Мельбурне и Брисбене. При этом особенно важно то обстоятельство, что эти источники показывают не официальную, «парадную» картину деятельности НТС, о которой писал знаменитый журнал «Посев», выпускавшийся этой организацией, а дают представление о реальной ситуации в ее рядах.

В личной переписке сами деятели НТС откровенно признавались, что очень многие группы активистов существовали лишь на

бумаге и не вели практически никакой деятельности. Один из лидеров Австралийского отдела НТС С.Зезин прямо писал В.Байдалакову в 1953 г.: «Общей организации нет, на бумаге существуют сектора», но они почти все фиктивны или полуфиктивны. Характеризуя, например, группу НТС в Перте, он указывал: «Там, кажется, только два человека, но, судя по отчетам (если это не фикции), то очень толковые и действуют отлично»¹. Вот эта фраза – «по отчетам» – конечно, очень показательна. Сами лидеры НТС прекрасно понимали, что нередко между отчетами, публикациями в партийной прессе и реальной ситуацией пролегла очень большая дистанция.

И здесь одним из принципиальных вопросов были те условия, в которых протекала деятельность НТС на Зеленом континенте. Во многом копируя своего главного врага – КПСС – НТС стремился создать централизованную и вместе с тем разветвленную партию, чьи организации действовали бы в разных точках земного шара по единому плану. Однако постепенно проявлялась совершенно очевидная специфика психологии тех членов НТС, которые оказались в далекой Австралии. Многие их товарищи в Европе (которую в прессе НТС тогда часто именовали «фронтом») обвиняли австралийцев в стремлении уйти от трудностей, продиктованных обстановкой холодной войны, укрыться «в тылу». Особенно обострилась эта ситуация весной 1953 г., когда смерть Сталина внушила многим деятелям антикоммунистической эмиграции надежды на скорое крушение политического режима в СССР. В австрийских Альпах – в лагерях для подготовки диверсантов для заброски в Советский Союз наблюдался небывалый наплыв молодежи, с которым инструкторы НТС просто не справлялись. Молодые эмигранты в Европе рвались в бой, были готовы буквально завтра оказаться на территории СССР и вступить в борьбу с коммунизмом. А что же австралийцы? Один из них, Г.Бердников, откровенно писал в мае 1953 г. В.Байдалакову: «Я очень остро ощущаю разрыв нашего “фронта” от “тыла”. Представляю, как в Центре все успехи и достижения, все труды и усилия отзываются в душе каждого там. Но они ошибаются

¹ Georgetown University Library. Special collections (GUL. SC). The Victor M. Baydalakoff collection. Box 9. Folder 1. С. Зезин – В. М. Байдалакову. 10.01.1953

и строят иллюзии, полагая, что такая же реакция в тылу. Нет!»¹. В следующем письме, направленном в июне 1953 г., Бердников признавался, что через месяц после смерти Сталина Центр обратился к нему с просьбой прислать из Австралии до 10 человек на партийную работу в Европу, что пишет он, «меня весьма озаботило и напугало. Сами знаете, как наши неохочи ехать. Вызвалось всего 4 человека»². Т.е., когда, казалось, возникла реальная возможность начать борьбу против коммунизма, выяснилось, что из всех членов крупнейшей в Австралии русской антикоммунистической организации к этому готовы всего несколько человек. Те, для кого антикоммунистическая деятельность все-таки не была лишь средством зарабатывания денег, мучительно переживали эту ситуацию, испытывая острейший душевный раскол. О состоянии самого Бердникова его товарищ Зезин писал: «Несмотря на то, что знаю Глеба и его истерики, но теперь он просто испугал меня, он дошел до потолка... Мне его бесконечно жаль... К тому же еще и [неудачная] личная жизнь. Начинают вкрадываться сомнения [в целесообразности участия в деятельности НТС]: «Зачем исковеркал свою жизнь, стоило ли... .. Издерган. К Вам [т.е. в Европу] ехать боится – комплекс. Говорит, что стар. Я ему посоветовал основательно полечиться, так он себя вгонит в гроб...»³

В личной переписке деятели НТС откровенно указывали, что сам характер формирования российской диаспоры в Австралии препятствовал возникновению здесь мощных антикоммунистических структур. В 1954 г. Зезин писал Байдалакову: «Учтите, что в Австралию преимущественно поехали на физическую работу, и это все люди, который рвется за наживой, фунтовая лихорадка какая-то»⁴. Включить таких людей в антикоммунистическую борьбу было чрезвычайно тяжело.

Тем более что эйфория первых месяцев после смерти Сталина закончилась. Заброшенные весной 1953 г. в СССР четверо парашютистов из числа молодых членов НТС были быстро схвачены и каз-

¹ Там же. Г. Бердников – В. М. Байдалакову. 06.05.1953

² Там же. Г. Бердников – В. М. Байдалакову. 10.06.1953

³ Там же. С. Зезин – В. М. Байдалакову. 10.01.1953

⁴ Там же. Folder 2. С. Зезин – В. М. Байдалакову. 1954

нены, о чем сообщила советская пресса. Как рассказывал автору этой статьи многолетний лидер НТС Борис Пушкарев во время личной встречи в Нью-Джерси в США, он знал одного из инструкторов альпийской школы для диверсантов, американца, который после этих событий порвал с ЦРУ и стал ярким пацифистом. Именно такое впечатление произвело на него осознание того факта, что он посылал русских молодых людей на верную смерть. В условиях, когда перспективы крушения коммунизма в СССР в 1950-е гг. становились все более туманными, поддерживать энтузиазм со стороны членов антисоветских организаций в Австралии было все труднее: «Накал можно держать», - писал Зезин Байдалакову в 1954 г., - «но не постоянно, ему нужна разрядка в виде законченной успешной операции, или даже провала. А то впустую горение, оно выматывает и разочаровывает. Тогда подымается интерес к автомашинам и прочее. Ведь до чего доходит: человек отказывается от подписки «Посева», покупает автомобиль. Перед нами проблема: с одной стороны, как можно удержать кадр, с другой – что делать, ведь таких надо гнать метлой»¹.

Да и политика правительства Австралии, и состояние политического сознания австралийского общества не внушали деятелям антисоветской эмиграции в стране особого оптимизма. Как отмечал деятель НТС О.В.Перекрыстов в письме к В.М.Байдалакову, сразу же после смерти Сталина НТС попытался активизировать свою пропаганду среди австралийцев. Русские антикоммунисты пришли к выводу, что именно в этот момент особенно важно, чтобы Австралия твердо заняла место в лагере бескомпромиссных противников СССР. Выпущенное в марте 1953 г. воззвание руководства НТС к свободному миру было переведено на английский язык, размножено в виде листовок и отправлено во все крупные города Австралии. «Какова будет реакция австралийцев, затрудняюсь пока сказать», - признавался Перекрыстов, - «но думаю, что вроде “ушата холодной воды”». Сегодняшний курс австралийского правительства вполне гармонирует с английским о сосуществовании двух систем»².

¹ Там же

² Там же. Folder 1. О. Перекрыстов – В. М. Байдалакову. 02.04.1953

Как отмечал другой лидер местного отдела НТС В.Яценко, он и его товарищи пытались «просочиться» в австралийскую прессу и даже имели официальный контракт с национальным новостным агентством «Country Press Association», благодаря чему в австралийских газетах и журналах размещались перепечатки из прессы НТС. А Институт по связи с общественностью (Institute of Public Affairs) даже предоставил НТС адреса антикоммунистически настроенных австралийских профессоров для распространения среди них литературы НТС. Именно этому Институту Яценко уделял особое внимание, полагая, что НТС может с помощью этой структуры наиболее активно вести пропаганду своих идей среди австралийских интеллектуалов. Подчеркивая в письме к Байдалакову в 1954 г., что Институт – «не сообщество политиканов, а граждан», Яценко отмечал, что пытался через это заведение издать в Австралии краткий вариант книги известного американского антикоммуниста Юджина Лайонса «Наши тайные друзья»¹.

В целом, деятели НТС внимательно отслеживали каждую публикацию об НТС, размещенную в австралийской прессе. Каждый такой факт вселял им надежду на то, что еще какое-то количество австралийцев узнали о существовании организации русских антикоммунистов и о ее борьбе. В 1953 г. Яценко с удовлетворением отмечал, что американская ежедневная марксистская газета «Дейли Уоркер» (The Daily Worker) несколько раз делала перепечатки из газеты НТС «Единение»: «Правда, без указания источника, но и так хорошо»². Когда в 1954 г. на Западе появился бывший офицер госбезопасности СССР Н.Е.Хохлов, заявивший о том, что получил задание убить одного из лидеров НТС, это сразу же привлекло внимание газет и журналов. В ноябре 1954 г. австралийский журнал «Пипл» (People) поместил об этом громком деле большую статью на четыре страницы, что было сразу же с удовлетворением отмечено местными деятелями НТС³. Чувствуется, что для них любой резонанс деятельности НТС в Австралии был важен.

¹ Там же. Folder 2. В. Яценко – В. М. Байдалакову. 28.11.1954

² Там же. В. Яценко – В. М. Байдалакову. 09.12. 1953

³ Там же. О. Перекрестов – В. М. Байдалакову. 06.11.1954

И тем не менее уже к середине 1950-х гг. деятели НТС сами откровенно признавали, что многие группы организации «засасывала обывательщина» и их деятельность затухала. Уже упомянутый Зезин писал в 1954 г. Байдалакову: «Уехал из Брисбена, на днях получил отчет – там тихо кончается группа. Все, что тянул я, оказалось только показуха. Из Сиднея тоже не радостные новости – приблизительно тоже самое»¹. На этом фоне раскол НТС, случившийся в 1950-е годы, выглядел вполне закономерным.

Впрочем, наиболее преданные деятели НТС продолжали свою работу в Австралии вплоть до перестройки в СССР 1990-х гг. И сегодня австралийские ветераны НТС с гордостью говорят, что «в переменах в России есть доля наших заслуг»² (Рис.8).

Культурная жизнь русской диаспоры в Австралии и ее роль в сохранении этнической идентичности

Каневская Г.И

Русская эмиграция в Австралию началась в конце XIX в., и к настоящему времени на Пятом континенте сложилась большая русская диаспора. В Австралии русские эмигранты нашли применение своим силам и способностям, стали австралийцами. Но они остаются представителями страны с многовековой историей и богатой духовной культурой.

Социальные институты русской диаспоры в Австралии

Диаспора, способствуя сохранению самоидентификации, выполняет культурную, социальную, экономическую и политическую функции. Важнейшим проявлением культурной функции является поддержание, развитие и укрепление этнической культуры своего народа представителями диаспоры, культивирование ими нацио-

¹ Там же. С. Зезин – В. М. Байдалакову. 1954

² Каждый день спрашивай себя, что ты сделал для России. Воспоминания Н.И.Коваленко // «За Россию» Вестник внутренней жизни Народно-трудового союза российских солидаристов №65(397) 2012

нальных традиций и обычаев, поддержание культурных связей со своей исторической родиной.

Особую роль в этом процессе играет наличие в структуре русской диаспоры в Австралии сложившихся социальных институтов. Прежде всего, следует подчеркнуть значение Русской Православной Церкви за рубежом (РПЦЗ). Она объединяет эмигрантов, разбросанных на обширной территории Пятого континента, приобщает их к православному веро и помогает сохранить тот уровень духовности, который позволяет им оставаться русскими. Австралийско-Новозеландская епархия, насчитывающая 37 русских православных церквей и общин, считается одной из самых больших в РПЦЗ¹.

Взаимодействие между членами диаспоры, осуществляемое через религиозные общины, стимулирует деятельность разнообразных культурно-общественных организаций. Почти во всех столичных городах австралийских штатов существуют русские клубы, или «дома». Один из старейших и крупнейших из них – Русский клуб в Стратфилде (Сидней) отметил в 2012 г. свое 88-летие (*Рис.9*). Другой сиднейский клуб – Русский общественный клуб в Лидкоме, основанный в 1950-х гг., поддерживал контакты с исторической родиной и в советский период, когда другие организации их избегали. С 1929 г. существует Русский клуб в Брисбене, а в 1972 г. в этом же городе был создан Русский общественный центр штата Квинсленд. В 1963 г. начал работать Русский дом в Мельбурне. В 1969 г. появился Русский общественный центр в Аделаиде, в 1999 г. – Русский общественный клуб Западной Австралии, а в 2004 г. – Русское общество Австралийской столичной территории. В этих клубах проводятся «Дни русской культуры», устраиваются концерты, спектакли, выставки, «устные газеты», балы, работают библиотеки и кружки, отмечаются различные знаменательные даты русской истории. В последнее время каждый год 12 июня в торжественной обстановке празднуют День России, обычно в присутствии дипломатических представителей РФ².

¹ Русские в Австралии. – Сидней, 2008. – С. 93

² Russians in Strathfield - A Community Profile 1949 – 1999. – Sydney, 1999 - P. 40-43; Арсеньева Ю. Русская Австралия // Беседа. Австралийско-Тихоокеанский Вестник. Независимый ежемесячник. – Мельбурн. – 1995. – Vol. 5. - No. 7. - Июль.

Централизованные клубы, в большинстве своем, разветвляются на десятки различных обществ, созданных по интересам. Это литературно-историческое Общество им. А.С.Пушкина в Сиднее (1979), Русское историческое общество (1994), Общество русских художников в Сиднее (1992), Литературно-театральное общество им. В.Солоухина в Мельбурне (1998), Пушкинский фонд в Брисбене (1998) и др. Функционируют организации пенсионеров, детей и молодежи (Национальная организация русских скаутов, молодежная православная Национальная организация «Витязей», организация Свято-Владимирской молодежи) и т.д. Действуют объединения выпускников различных учебных заведений: сиднейское Объединение инженеров, окончивших Харбинский политехнический институт и Северо-Маньчжурский университет (ХПИ/СМУ), Союз окончивших гимназию Христианского союза молодых людей в Харбине и пр. В 1994 г. в Сиднее создана Русская спортивная ассоциация (с 2008 г. – Русский спортивно-общественный клуб) и построен Русский спортивный центр с залом на 600 человек¹.

Сохранению национальных традиций и укреплению этнокультурной основы русской диаспоры содействовали произошедшие непосредственно в австралийском обществе перемены, связанные с переходом к политике мультикультурализма, которая с 1970-х гг. проводилась правительством Австралии и предусматривала формирование культурной и этнической толерантности.

В русле этой политики в 1970–1990-е гг. в каждом австралийском штате были образованы Русские этнические представительства (РЭП), а в 1997 г. создана Ассоциация русских этнических представительств Австралии. Задача РЭП – объединять для совместной работы все русские общественные организации на благо национальной общины и развития ее культуры. РЭП стремятся к укреплению всеобъемлющих связей с исторической родиной, для чего поддерживают постоянные контакты с дипломатическими

– С. 13; Единение. Русская еженедельная газета. – Сидней. – 2006. – 11 августа. – С. 7

¹ Russians in Strathfield. – P. 68 – 87; Венгеров В. Русская спортивная ассоциация // Австралиада. Русская летопись. – Сидней. – 2004. - № 38. – С. 26 – 27

представителями РФ в Австралии. Кроме того, они являются представителями диаспоры перед австралийскими властями.

Сохранение русского языка как средства поддержания русской идентичности

Одной из социальных функций вышеназванных институтов является сохранение русского языка как механизма первичной социализации, воспроизводящего диаспору. Первыми русскими школами в Австралии были церковно-приходские, позднее появились и светские. Большинство школ были созданы после Второй мировой войны с наплывом русских из Европы и Китая. Это десятилетние субботные школы, где детям эмигрантов преподают Закон Божий, русский язык, литературу, историю и географию России, разучивают с ними русские песни и танцы. По отзывам выпускников, стандарт обучения очень высок и дает возможность включить русский язык в число предметов для зачисления в австралийские вузы¹.

В 1946 г. в Австралии началось преподавание русского языка на университетском уровне в старейшем ВУЗе страны – Мельбурнском университете под руководством Н.М.Кристесен-Максимовой (род.1911, Санкт Петербург – ум.2002, Мельбурн), которая приехала в Австралию в 1925 г. из Харбина (*Рис.10*). Нина Михайловна проработала в Мельбурнском университете 30 лет и стала основателем русистики на Пятом континенте. Ей принадлежит особая роль в сохранении русского языка и культуры в Австралии. По ее инициативе при Мельбурнском университете был создан русский архив, а в 1968 г. возглавленное ею Отделение русского языка начало издавать монографическую серию «Русские в Австралии» под ее общей редакцией. К 2001 г. было опубликовано 29 номеров этой серии, большинство из которых – биографические очерки о наиболее выдающихся русских австралийцах².

К концу 1970-х гг. уже в пяти университетах Австралии существовали русские кафедры и аспирантуры при них; общее число студентов насчитывало около 500 человек, а общий штат препода-

¹ Moustafine M. Secrets and Spies. The Harbin Files. - Vintage, 2002. - P. 3

² Monograph series under the general editorship of Nina Christesen. Russians in Australia. - University of Melbourne, 1968 - 2001. - No. 1 - 29

вателей включал 29 человек. Русские кафедры не только давали знание языка, истории и культуры России, но и вели научную работу. К 1976 г. 32 выпускника русских кафедр стали магистрами, 9 защитили докторские диссертации¹.

В конце 1980-1990-х гг. по разным причинам, к которым следует отнести свертывание торговли между Австралией и Россией, падение международного престижа РФ, финансовые трудности в самой Австралии, недалёковидность ее правительства и т.д., интерес к изучению русского языка на Пятом континенте начал утрачиваться. Но, благодаря энергичным действиям русской общественности, в некоторых университетах преподавание русского языка удалось сохранить. В последние годы наиболее успешно работало отделение русского языка на факультете европейских языков в Университете Макуори (Сидней) во главе с доктором Н.В.Райан (Голициной), бывшей харбинкой. Здесь русскому языку обучают студентов любой этнической принадлежности, а в 2005 г. среди них впервые появился представитель коренного населения Австралии – аборигенка Дарлин Пробертс. Для поощрения изучения русского языка РЭП ежегодно выдает награды студентам-отличникам².

Русскоязычные СМИ в Австралии

Связь внутри диаспоры осуществляется не только через религиозные общины, общественно-культурные организации и образование, но и через средства массовой информации, национальные литературу и искусства.

Все многообразие жизни русских австралийцев и волнующие их проблемы освещаются на страницах многочисленных периодических изданий, старейшим из которых является еженедельная общеавстралийская газета «Единение», выходящая с 1950 г. сначала в Мельбурне (до 1977 г.), а затем в Сиднее. В течение 40 лет до 1996 г. редактором газеты был Ю.К.Амосов (род.1927, Югославия – ум.2010, Москва).

¹ Rigby T.H. Russian and Soviet Studies in Australian Universities // Russia and the Fifth Continent: Aspects of Russian - Australian Relations. Edited John McNair and Thomas Poole. - University of Queensland Press, 1992. - P. 268 - 269

² Поощрительные награды студентам, изучающим русский язык // Вестник. Russian Ethnic Community Council of NSW Inc. - Сидней, 2001. - № 18. - С. 1

Выходит и другая русская периодика: «Церковное слово» – ежемесячный журнал Австралийско-Новозеландской епархии РПЦ (Сидней, с 1956 г.); многочисленные издания различных общественных организаций, например, известный не только в Австралии, но и во всем мире журнал «Политехник», издаваемый с 1969 г. в Сиднее Объединением инженеров, окончивших ХПИ/СМУ¹. В 1994 г., по инициативе группы энтузиастов во главе с харбинками Н.А.Мельниковой и Л.А.Ястребовой, вышел первый номер журнала «Австралиада. Русская летопись»². Цель журнала – воссоздание истории русской эмиграции на Пятом континенте. Плодом деятельности редколлегии журнала стал выход в свет ряда изданий, посвященных истории русских в Австралии³.

Получило развитие и русское радио⁴. Первая на Пятом континенте программа на русском языке вышла в эфир 26 июня 1975 г. в Мельбурне и была посвящена А.С.Пушкину. 16 декабря 1975 г. русское радио начало работать в Сиднее, где в течение более 30 лет координатором передач оставался Алексей Петрович Ивачев⁵. Существует в Австралии и русское телевидение.

Заметной стала литературная жизнь русской Австралии. Ежегодно выходит большое количество изданий на русском языке. Это художественная литература, мемуары, учебники, научные и религиозные произведения. В 1970 г. и 1983 г. в Мельбурне состоялись фестивали русских поэтов, и были изданы два сборника «Русские поэты Австралии» (1971, 1987). Познакомились с русской поэзией и австралийцы благодаря переводам австралийского поэта Р.Моррисона, опубликовавшего сборник стихов «Australia`s Russian Poets» (1971). Событием культурной жизни русских Пятого континента

¹ Политехник. - Сидней, 1969 - 2004. - № 1 - 16

² Австралиада. Русская летопись. (С ноября 2008 г. официальное название журнала – «Australiada a Russian Chronicle Incorporated»). - Сидней, 1994 - 2012. - № 1 - 79

³ История русских в Австралии. Т. I. Отв. ред. Н.А. Мельникова. - Сидней: Изд-во журнала «Австралиада», 2004. – 208 с.; Русские в Австралии. Исторический справочник. - Сидней, 2008. - 230с

⁴ Подробнее см.: Солодовник И.В. История русскоязычного радиовещания в Австралии, здесь же

⁵ 25-летний юбилей русского радио в Австралии // Австралиада. - 2001. - № 26. - С. 13

нента стало издание в 1998 г. в Сиднее «Антологии русских поэтов Австралии», в которой представлены стихи 46 авторов. Двое из них – А.Карель и И.Смолянинов являются членами Союза писателей России. Увидел свет и сборник рассказов русских писателей «Мои сокровенные мысли» (2005). В 2001 г. состоялся первый литературный конкурс для русскоязычного населения «Под небом Австралии». Издаются литературно-художественные журналы, такие как «Вести» (Аделаида, 1986 – 1990), «Жемчужина» (Брисбен, с 2000 г.) и др.

Роль харбинцев в развитии русской культуры в Австралии

Особую роль в развитии русской культуры сыграли харбинцы, приехавшие в Австралию в 1950-1980-е гг. Они были наиболее многочисленными среди других групп русской эмиграции и представляли на Пятом континенте русскую образованную элиту. Кроме того, харбинцы считали себя самыми русскими среди других русских: длительное пребывание в эмиграции в Китае выработало у них этнокультурный иммунитет и стойкую установку к сохранению русскости, что и было перенесено ими в Австралию. Харбинцы, проявляя большую общественную активность, заняли лидирующие позиции во многих областях эмигрантской жизни и привнесли в русскую общину новые формы и способы этнонационального самопроявления. Они стали инициаторами создания национальных школ, театрально-музыкальных и хоровых коллективов, новых периодических изданий, что способствовало сохранению русской этнической идентичности и консолидации диаспоры.

Из Китая приехало немало известных людей, стремившихся и на Пятом континенте продолжить свою деятельность: среди них были писатель-натуралист с мировым именем, исследователь Маньчжурии Н.А.Байков (1872-1956), ориенталист, педагог и дипломат А.П.Хионин (1879-1971), археолог и этнограф В.В.Поносов (1899-1975), историк, этнограф и педагог И.И.Гапанович (1891-1979), экономист и географ В.Н.Жернаков (1909-1977), ученый-энтомолог М.И.Никитин, художница харбинской школы А.А.Азовцева (1910-1994) и многие другие. Из Харбина в 1962 г. приехал и будущий Метрополит Филарет (в миру

Г.Н.Вознесенский, 1903-1985), избранный в 1964 г. Первоиерархом РПЦЗ¹.

Артисты Харбинской оперетты, оказавшиеся в Австралии, стали инициаторами создания русской оперетты в Сиднее (1960 – 1963). В оркестрах легкой и танцевальной музыки участвовали известные русские джазисты Серж Ермол (С.Л.Ермолаев) и Микки Кэй (Д.Д.Киреевский). Артисты Харбинской драмы во главе с В.И.Томским в 1957 г. провели «сезон русской драмы» в Австралии и ставили пьесы А.Островского, К.Симонова, В.Катаева. Некоторым удалось организовать театральные объединения, студии, заниматься с молодежью. Успешно работал в 1950-1960-е гг. Мельбурнский драматический ансамбль, более 20 лет существовал Русский ансамбль драмы в Сиднее, созданный в начале 1970-х гг.

Национальное русское искусство представляли и представляют хоровые, вокальные, танцевальные коллективы, которые заметно оживляют жизнь русской диаспоры. Первые русские ансамбли народной музыки появились в Австралии еще до Второй мировой войны. Они были организованы бывшими участниками казачьего хора С.Жарова и не уступавшего ему в популярности казачьего хора им. атамана М.И. Платова, которые остались в стране после гастролей. После войны ряды русских профессиональных музыкантов значительно пополнились, стали возникать новые творческие коллективы, прежде всего ансамбли русских народных инструментов: Мельбурнский балалаечный оркестр (1957), ансамбль «Домра» в Сиднее (1960) и др. Некоторые из них существуют и поныне. Это Мельбурнский ансамбль «Садко» (1978) и Сиднейский оркестр русских народных инструментов «Балалайка», созданный в 1960-е гг. Летом 2006 г. оркестр под руководством Виктора Сергия побывал с гастролями на Дальнем Востоке России и познакомил со своим искусством жителей Южно-Сахалинска и Хабаровска. Тепло оркестр был встречен в Харбине, где началась музыкальная карьера руководителя хора и родились многие его участники.

¹ Русские харбинцы в Австралии. Юбилейный выпуск к 100-летию основания города Харбина. 1898 - 1998. КВЖД. № 1. - Австралия, Сидней. - 1999.- С. 2 - 3; 6 - 8, 10, 39, 47

Церковь и религия в русской диаспоре

У русских эмигрантов, благодаря участию в церковных хорах, с детства была заложена традиция хорового пения. Появились хоры и при всех русских православных храмах в Австралии. С 1995 г. в стране проходят церковно-певческие съезды, на которые съезжаются духовенство, регенты и певчие не только из Австралии, но и из США. Программа съездов включает лекции, практические занятия, слевки, богослужения, благотворительные концерты духовной музыки. Руководит проведением съездов Певческий комитет Австралийско-Новозеландской епархии РПЦЗ. На духовных концертах в исполнении смешанного хора певчих из разных церквей звучат произведения русских композиторов церковной музыки А.Архангельского, А.Гречанинова, А.Кастальского, П.Чеснокова¹.

Заметный вклад в развитие русского хорового искусства на Пятом континенте внес Анатолий Александрович Коробко, который возглавлял Хор Свято-Владимирской молодежи, созданный в 1955 г. Всеобщее признание А.А.Коробко в качестве ведущего хормейстера выразилось в том, что именно он являлся дирижером сводных хоров, которые представляли русскую общину во время празднования различных знаменательных событий в ее жизни и на общеавстралийских мероприятиях. А.А.Коробко дирижировал русским хором в октябре 1973 г. на открытии Сиднейского Оперного театра. Но его наивысшим достижением была подготовка специального сводного «Хора Тысячелетия» для выступления на концертах в честь тысячелетия крещения Руси в 1988 г. – события, которое было торжественно отпраздновано всей русской общественностью Австралии². Хоровые коллективы существуют во всех главных центрах русского рассеяния: «Русская песня» в Сиднее, Русский женский камерный хор под управлением Г.А.Максимовой в Мельбурне, фольклорный певческий ансамбль «Самоцветы» в Брисбене (Рис.11) и др.

¹ Коваленко Н.И. 4-й Церковно-певческий съезд Австралийско-Новозеландской Епархии Р.П.Ц.З. //Австралиада. - 2000. - № 22. - С.11-13

² Russians in Strathfield. - P. 57 - 62

Активная деятельность русских ансамблей народных инструментов и хоров способствует соприкосновению молодежи с живой национальной культурой, прививает любовь к русской песне, что имеет большое значение в сохранении русскости в эмигрантской среде.

Русские таланты на австралийской земле

Русская эмиграция вынесла на Пятый континент музыкантов, певцов, артистов, таланты которых не остались без применения. Музыкальным директором Сиднейского симфонического оркестра в 1957-1961 гг. был выдающийся русский дирижер Николай Алексеевич Малько (1884-1961), памятник ему установлен в Сиднее. В этом же оркестре более 16 лет проработал известный музыкант-виолончелист Алексей Иванович Погодин (1912-1988), получивший музыкальное образование в Харбине, а педагог Высшей музыкальной школы Харбина Владимир Давидович Трахтенберг (1889-1963) стал профессором по классу скрипки в Сиднейской консерватории. Многие русские музыканты-профессионалы открыли в Австралии свои студии и музыкальные школы, подготовив сотни учеников. Всемирную известность получили певцы С.Байгильдин, В.Троицкая и А.Шахматов¹, пианист А.Бетхера, аккордеонист-виртуоз П.Борейко, скрипачка Г.Солодчина и т.д.

Музыкальная жизнь русских австралийцев особенно ярка и разнообразна. Русские музыканты в зарубежье оказались в более благоприятных условиях, чем представители других профессий, которым было нелегко найти свое место в иноязычной среде с другой историко-культурной традицией. Язык же музыки интернационален, и музыкантам проще адаптироваться в чужой стране. За ред-

¹ А.В. Шахматов был в составе русской делегации из Австралии на Конгрессе соотечественников, состоявшемся в Москве 11-12 октября 2001 г. В своем выступлении от имени русской общины Австралии он горячо говорил о необходимости соединения русских умов и талантов на благо России, о стремлении русских эмигрантов помочь отчизне. Эти слова имели под собой следующее основание: свое не лучшее впечатление о заключительном концерте Конгресса, на котором наши эстрадные певцы пели под фонограмму (что в Австралии было бы недопустимо), он выразил так: «Это был такой ужас, что я, как певец, не выдержал и ушел из зала». См.: Слово. Общественная православная еженедельная газета. - Сидней, 2001. - № 28. - 8 ноября. - С. 5 и № 29. - 15 ноября. - С. 5

ким исключением, в Австралии все они успешно продолжили или начали свою профессиональную карьеру, добившись известности и способствуя популяризации русской музыки, получившей признание австралийцев и завоевавшей себе новых поклонников. Таким образом, русские музыканты стали проводниками русской культуры в австралийском обществе, способствуя взаимодействию культур. Русская музыка интегрировалась в австралийскую культуру и обогатила ее, а многие русские австралийцы прочно утвердились в музыкальном мире Австралии и стали неотъемлемой частью его истории. В тоже время, деятельность русских музыкантов на Пятом континенте способствует сохранению русскости эмигрантов, пробуждает у них чувство гордости за свою историческую родину и содействует развитию контактов с ней.

Деятельность русской диаспоры в области развития русско-австралийских связей

Возможности для развития отношений с соотечественниками появились у русского зарубежья с началом перестройки в СССР в 1990-е гг. Одной из форм этих отношений стало направление гуманитарной помощи в Россию. В частности, в 1990 г., после катастрофы на Чернобыльской АЭС 1986 года, в Мельбурне был создан «Благотворительный фонд помощи жертвам Чернобыля» под председательством Н.Н. Григоровича. Фонд направил в Россию и Украину 200 контейнеров гуманитарной помощи и организовал оздоровительный отдых в Австралии для более чем тысячи детей из пострадавших районов. В 1992 г. Комитет «Австралийская помощь Чернобылю» был организован и в Сиднее. Акция помощи была также проведена русскими австралийцами после землетрясения на о. Сахалин в 1995 г.

В 1991 г. К.Н. Муценко-Якунина организовала Русско-австралийскую ассоциацию помощи русским детским домам и домам престарелых. Уроженка о. Сахалина, она трижды побывала с гуманитарной помощью на российском Дальнем Востоке, последний раз в сентябре 2006 г. Клавдия Николаевна принимала участие в восстановлении Храма Христа Спасителя в Москве. За активную деятельность она награждена Орденом Австралии (1993), «Почетным Знаком» за укрепление связей между народами России и Ав-

стралии (1994), Почетной грамотой Московского Патриарха (1995) и Орденом Дружбы (1997)¹.

В 1993 г. в Брисбене зародился еще один проект доброй воли и человеческого сострадания – «Надежда», предусматривавший лечение в Австралии российских детей, больных миодистрофией, так как в Австралии уровень ортопедическо-хирургической помощи при наследственных нервно-мышечных заболеваниях является одним из самых высоких в мире. Пятилетние усилия участников проекта во главе с его председателем Верой Николаевной Деревцовой привели к тому, что в 1999 г. был подписан официальный договор о сотрудничестве между Матер-госпиталем в Брисбене и Министерством здравоохранения РФ. Благодаря этому проекту сотни детей в буквальном смысле встали на ноги и получили возможность ходить². Перечень добрых дел русских австралийцев можно было бы продолжить, и это свидетельствует об их массовом участии в помощи своей исторической родине.

Итак, культурная деятельность русских эмигрантов на Пятом континенте способствует сохранению духовных традиций и укреплению этнокультурной основы русской диаспоры. Но не следует забывать о наличии в ее среде двух противоположных, хотя и вполне гармонично сопрягающихся тенденций: с одной стороны, стойкая приверженность русским традициям и этнической самобытности, а с другой – постепенная ассимиляция в условиях господствующей англосаксонской цивилизации и отрыва от исторической родины, увеличивающегося с каждым новым поколением.

¹ Единение. - Сидней. - 2006. - 11 августа. - С. 8 - 9

² Тученко И. Маленькая надежда // Вестник Russian Ethnic Community Council of NSW Inc. Сидней. - 2001. - № 18. - 6 - 7

Благотворительная помощь русских австралийцев России (XX в.)

Прудкогляд С.А.

Русское зарубежье в Австралии не только сохранило традиции благотворительности дореволюционной России среди эмигрантов, но и сформировало новое направление своей филантропической деятельности – помощь исторической родине.

Первой благотворительной русской организацией, созданной политэмигрантами в Брисбене для содействия оставшимся на родине соотечественникам, стало Австралийское общество помощи политическим каторжанам и ссыльнопоселенцам в России (1912-1917). Помощь выражалась по-разному, но, в основном, в форме денег или вещей. Членские взносы, пожертвования, а также средства от проведения всевозможных мероприятий (концертов, лекций, спектаклей и др.) служили основным источником благотворительности. В это же время подобные общества были созданы в Сиднее и Мельбурне [5, с. 37-40].

В годы Второй мировой войны представители русской диаспоры в Австралии создали Русский комитет помощи родине. Даже ненависть к советской власти не смогла перевесить чувства патриотизма у белоэмигрантов, которые тогда составляли большую часть русской диаспоры [4, с. 9]. Активно велась работа по сбору денег, медикаментов, одежды. Нашло поддержку у русских эмигрантов и развернувшееся в Австралии движение «Овчины для России!», а занятые выделкой овечьих шкур рабочие были освобождены правительством от военной службы [6, с. 157, 175-176].

Во время не менее тяжелых испытаний, выпавших на долю России в 1990-е гг., когда положение россиян резко ухудшилось в связи с происходившими в стране политическими и экономическими событиями, вызвало в среде русских австралийцев страстное желание помочь своим соотечественникам.

Прежде всего, австралийцы с глубоким сочувствием откликнулись на трагические события, произошедшие в Чернобыле. В октябре 1990 г. был создан Национальный фонд помощи жертвам чернобыльской катастрофы Русского дома в Мельбурне, имеющий свои отделения в крупнейших городах Австралии (Сиднее, Нью-

Касле, Брисбене, Аделаиде). Основными функциями фонда были благотворительные передачи продуктов питания, одежды, медицинского оборудования, игрушек, а также прием на отдых пострадавших в результате чернобыльской катастрофы детей. В 1992 г. в Россию был доставлен благотворительный груз на сумму 3 млн. долл. Кроме того, фонд спонсировал стажировки в Австралию для медработников, специализировавшихся в области пересадки тканей костного мозга, длительностью не менее 8 месяцев. По словам вице-президента фонда Н.Н. Григоровича, делалось «все это... исключительно бескорыстно, от всей души» [2, № 7].

В 1991 г. в Сиднее начал действовать благотворительный комитет «Помощь Австралии Чернобылю», ставивший своей задачей помогать детям и семьям, пострадавшим от радиоактивного облучения. Но на самом деле помощь оказывалась не только жертвам чернобыльской катастрофы. К 1998 г. комитет отправил 2 контейнера в Санкт-Петербург, 2 – в Белоруссию, 2 – в Челябинск, 1 – жертвам землетрясения в Нефтегорске. Вызов больных детей в Австралию на оздоровление за счет средств комитета также стало одним из важных мероприятий [1, 1998, № 16, с. 17-21].

В 1991 г. появилась Русско-Австралийская благотворительная организация, которую возглавила К.Н. Муценко-Якунина. По словам Ю.Г. Гурьева, русского австралийца, сопровождавшего груз с гуманитарной помощью для детей-сирот, инвалидов и престарелых в Россию в 1992 г., стимулом к осуществлению такой благородной миссии именно в России послужил приезд в Австралию известного русского путешественника Федора Конюхова, который рассказал о непростой жизни россиян. В короткие сроки были собраны медикаменты, продукты, одежда и отправлены контейнером на теплоходе «Пионер Приморья» для передачи их в детские дома, дома престарелых и больницы Владивостока и Находки [2, № 6]. В 1993 г. К.Н. Муценко-Якунина организовала во Владивостоке благотворительный бал «Сидней–Владивосток», который принес огромную выручку и, по словам самой Клавдии Николаевны, «показал, что усердной и жертвенной работой более благополучная часть горожан может оказывать огромную помощь больным, старым, сиротам...». В 1994 г. организация расширила сферу своей

деятельности, в частности стала принимать учеников из России на год обучения в австралийских школах [1, 2000, № 22, с. 23-25].

Помощь русских австралийцев больницам Приморского края продолжается и в настоящее время. К.Н. Муценко-Якунина стала инициатором проекта по финансированию ремонта и оснащения Краевой детской психиатрической больницы во Владивостоке. На ее призыв откликнулись читатели газеты «Единение» (Сидней) – частные лица и организации, и в 2009 г. ремонт здания больницы и оснащение его мебелью, сантехникой и всем необходимым были завершены. Средства (17 413 долл.) были собраны организациями: «Русские матери» (Канберра), «Православное дело – Сидней», Общественный центр Аделаиды, Петропавловский собор. По словам главного врача больницы И.В. Гребенщиковой, «помощь русских австралийцев помогла хоть в какой-то степени облегчить нелегкую жизнь больных детей» [3, 2010, 19 февраля].

Широкую поддержку среди русских жителей Австралии получил проект «Надежда», инициированный в Брисбене в 1993 г., когда семья русских австралийцев оказала помощь девочке из России в лечении мышечной дистрофии. После этого случая возникла идея организовать приезд русских врачей в Австралию, чтобы ознакомить их с методами лечения подобных заболеваний: конечно же, усилий одной семьи оказалось недостаточно, и поэтому был создан проект «Надежда» [3, 1998, 8 января]. Регулярный обмен знаниями в области лечения детей с нервно-мышечными заболеваниями между русскими и австралийскими врачами осуществляется путем сбора средств участниками проекта. В задачи проекта также входит отправка медицинского оборудования для проведения операций и реабилитации детей в послеоперационный период [1, 2001, № 28, с. 51-52].

Активно оказывается благотворительная помощь больным детям российской государственной областной детской клинической больницы г. Омска. Начало было положено еще в 1997 г. после того, как в Австралии в программе «Время» в октябре 1996 г. прошел сюжет об «уходящем ребенке», который умирал из-за элементарной нехватки медикаментов [3, 1998, 10 апреля].

Нередко в ходе осуществления благотворительных программ организаторы сталкиваются с разного рода бюрократическими препонами и несовершенством российского законодательства в этой сфере. Так, например, при пересылке первой же партии лекарств в Омск в 1997 г. австралийским добровольцам пришлось преодолеть целый ряд трудностей из-за отсутствия договора между Россией и Австралией на поставку медикаментов, а также с сертификацией лекарств и другими бюрократическими реалиями. По признанию Н.Н. Шрейдер, «бывали моменты, когда руки опускались. Но мысль, что ты можешь помочь хотя бы одному ребенку,... заставляла отстаивать интересы детей» [3, 1998, 10 апреля].

Следует отметить хоть и менее масштабные, но не менее значимые благотворительные мероприятия: в частности, в 2000 г. во время Олимпиады в Сиднее был устроен Благотворительный бал, чистый доход от которого (800 долл.) был пожертвован русским и австралийским паралимпийцам [1, 2001, № 26, с. 6-8, 52].

В специальных австралийских СМИ, вещающих для русской диаспоры, часто встречается информация о благотворительных мероприятиях, устраиваемых в поддержку православных приходов и храмов в России (например, Русско-греческие вечера в поддержку прихода Св. Троицы Московского Патриархата, особенностью которых является соединение духовных и культурных традиций двух православных народов [1, 2002, № 31, с. 5; 2003, № 35, с. 45]). В 1989 г. в Австралии был организован Комитет по сбору средств на восстановление храма Христа Спасителя в Москве. Эти средства пошли на приобретение утвари для храма. Деятельность комитета была отмечена благодарственной грамотой, подписанной Патриархом Московским и всея Руси Алексием II [3, 1997, 25 апреля].

Организация благотворительных концертов – одна из наиболее популярных форм сбора средств на благотворительные нужды. Регулярно проходят концерты, устраиваемые организацией «Австралийская помощь жертвам Чернобыля» [1, 2003, № 35, с. 47]. Хорошо известный в Австралии женский ансамбль «Русская песня» из Сиднея большую часть сборов от концертов всегда отдавал на благотворительные цели [1, 2002, № 33, с. 51]. Русская организация «Православное дело – Сидней», помогающая больным детям и си-

ротам в России [1, 2005, № 44, с. 49], Благотворительный фонд Святителя Николая (конкретно – для оказания помощи больным детям из Омска) [1, 2006, № 46, с. 16] также регулярно проводят благотворительные концерты.

В заключение можно сделать вывод, что русские австралийцы не остаются равнодушными к тому, что происходит в России, и считают своим долгом помогать своим соотечественникам. Наиболее развита общественная форма благотворительности, хотя нередко встречается и частная. Живя вдалеке от России, русские австралийцы, тем не менее, сохраняют свою русскость, проявляя сострадание к своим соотечественникам в лучших православных традициях.

Примечания

1. Австралиада. Русская летопись. Сидней, 1997–2006
2. Голос Родины. М., 1992
3. Единение. Сидней, 1997-1998, 2010
4. Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...»: История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010
5. Савченко А.И. Пресса русских эмигрантов об Австралийском обществе помощи политзаключенным в России // Россия и страны Южных морей: историко-культурные связи : тезисы докладов XXI научной конференции по изучению Австралии и Океании. М. : ИВРАН, 1995
6. Стрит Дж. В поисках правды. М.: Прогресс, 1967

История русскоязычного радиовещания в Австралии

Солодовник И.В.

Австралия – одна из немногих стран в мире, где русской диаспоре до настоящего времени удавалось успешно сохранять и передавать свою «русскость» из поколения в поколение. Следовательно, изучение исторического опыта и специфики данного феномена – это объективная необходимость. Одним из важных аспектов представляется исследование русскоязычного радиовещания, которое в немалой степени способствует поддержанию русской этничности в Австралии.

В 1975 г., в рамках перехода от доктрины «Белой Австралии» к политике мультикультурализма, федеральное правительство Австралии разрешило создать для не англо-говорящего населения этнические радиопрограммы, призванные сохранять духовное и культурное наследие многочисленных многонациональных диаспор, проживавших на Пятом континенте. Для русской диаспоры такой радиостанцией стала 2EA в Сиднее, а в Мельбурне – 3EA. Спустя 4 года, в 1979 г., государственная этническая радиостанция в Аделаиде стала вести радиовещание на русском языке на добровольных началах. Позже, в 1981 г., эту традицию поддержали и в Ньюкасле¹.

27 мая 1975 г. Нина Михайловна Кристесен-Максимова (*Рис.10*), основатель Отделения русского языка Мельбурнского университета, по приглашению только что организованной радиостанции ACCESS RADIO 3ZZ приняла решение участвовать в русских радиопередачах². Первая программа на русском языке в Австралии вышла в эфир на этой радиостанции 26 июня 1975 г. в Мельбурне и была посвящена А.С. Пушкину.

Обычно программы были получасовые, главным образом художественные, с музыкальным оформлением, без политики и новостей. Они рассказывали о русских писателях, поэтах, композиторах; во время Великого поста они были религиозного содержания. Выходили они в эфир по средам в 9:30 вечера с повторением на следующий день в 9:30 утра.

Каждый диктор составлял свою программу сам, потом все сотрудники собирались вместе и координатор записывал предлагаемую программу на звуколенту, чтобы проверить, вмещается ли она в отведенное для передачи время. Здесь же вносились изменения в программу и музыкальное оформление. Наконец, когда программа была готова, она получала одобрение Н.М. Кристесен-Максимова, а затем содержание программы переводилось на английский язык для передачи руководителю государственной радиостанции ABC.

¹ А.Н. Кравцов. Русская Австралия. С 257

² Из истории русской эмиграции в Австралии: Н.М. Кристесен-Максимова — основательница русистики на пятом континенте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Выпуск 4. Часть 1, декабрь 2008. — С. 137–143

В другом крупном центре русской эмиграции – Сиднее первая радиопрограмма на русском языке прозвучала в эфире этнического радио 2EA 16 декабря 1975 г. Во главе творческого коллектива русской редакции в Сиднее стоял Алексей Ивачев, выпускник Сиднейского университета, прибывший в Австралию из Харбина в возрасте 12 лет.

Правительственная радиоточка 2EA была запущена в экспериментальном режиме сроком на 3 месяца, как и 3EA в Мельбурне, но, просуществовав вместо этого 3 года, эти две радиостанции вошли в состав единой государственной мультиязычной вещательной корпорации SBS¹. Сегодня этнические радиостанции SBS в Сиднее, Мельбурне и целом ряде городов Австралии ежедневно выпускают программы примерно на 70 языках (Рис.12). Главная задача службы новостей – интегрировать разноязычный поток приезжих в австралийское общество.

Русскоязычное вещание в Сиднее – SBS Sydney Russian изначально осуществлялось в формате небольших информационных программ. Но к настоящему времени эта радиостанция получила колоссальное развитие: у нее уже есть своя служба новостей, состоящая из штатных корреспондентов, имеется доступ к новостям прочих австралийских агентств и международных русскоязычных новостных служб – российских «Свободы», «Вестей», британской русскоязычной BBC. Новости переводятся в т.н. «этнической студии».

Все же, в целом, в русскоязычном радиовещании центральное место отводится местным материалам: людям и судьбам, интервью, приезжим артистам и т.д. Русские общественные организации сами связываются с радиостанциями для оповещения о различных предложениях и конкурсах, предстоящих событиях. Собственные корреспонденты нередко сами делают передачи о политике, истории, культуре. Материалы передаются несколькими способами: по телефону (устно для обработки или сразу в прямой эфир) или по электронной почте. Текущие новости выходят непосредственно в прямом эфире. Интервью подаются либо в прямой эфир, либо в записи,

¹ Радио SBS - <http://www.sbs.com.au/aboutus/our-story/index/id/10/h/Radio>

в зависимости от ситуации. При этом качество информации, ее интересность и актуальность стоят на первом месте.

На первый взгляд, каких-либо особенностей в работе русских радиостанций нет. Но это так лишь в том случае, если не задумываться над общей направленностью информации, размещаемой в эфире. Краткий анализ эфира показывает простой факт: это очень интересный и занимательный радиоэфир, пропагандирующий хорошую жизнь в Австралии. Сегодня государственная пропаганда не просто имеет больший масштаб, она стала более профессиональной, тактичной и уместной.

Впрочем, критика в адрес австралийского правительства вполне допустима и, как правило, не вызывает негативной реакции у критикуемых, так как она никогда не высказывается без четкой аргументации и доказательств.

Государство настолько заинтересовано в создании крепкой, сплоченной и социально стабильной австралийской нации, что, кажется, готово вкладывать в осуществление своей цели неограниченные средства. Средняя зарплата на русскоязычной студии составляет 300 тыс. австралийских долларов в год. При этом доходы студии принадлежат корпорации SBS. Корпорация же получает свои доходы не только от государства, но и от рекламы, которая в 2012 г. принесла 20% в ее бюджет¹. Несмотря на то, что государственные этнические радиостанции не имеют права самостоятельно распоряжаться своими фондами и решать, как и на какую сумму развивать ту или иную отрасль или услугу, правление SBS стремится оснастить свои радиостанции самым современным (т.е. совсем не дешевым) оборудованием.

Впрочем, существует целый ряд этнических радиостанций, не входящих в состав SBS. Так, еще в июне 1986 г. в Мельбурне была запущена радиоккомпания 3ZZZ, вещающая сегодня, помимо русского, еще на 70 языках². Русскоязычное вещание контролируется русской общиной. Причем команда состоит в основном из недавно прибывших российских эмигрантов. Программа на русском языке

¹ Сведения получены автором при личном общении с сотрудниками SBS в ходе визита в Австралию в 2011 г.

² Радио 3ZZZ - www.3zzz.com.au

выходит в эфир два раза в неделю. Ее содержание, как правило, направлено на информирование слушателей о важных интересных текущих и исторических событиях. По своим основным функциям это новостная лента с легким музыкальным сопровождением¹.

В последнее время в Австралии появляются новые русскоязычные радиостанции. В 2011 г. в австралийском радио эфире появилось «Русское Независимое Радио Австралии». Его редакторами стали российские журналисты, посвятившие себя работе на советских, затем российских и австралийских радиостанциях, в том числе, побывавших внештатными корреспондентами на радио SBS. «Истинным достоянием редакции являются люди – журналисты, работающие в не только в Австралии, но и в России. Они пытаются рассказать своим слушателям обо всем интересном, что происходит в Австралии, России и мире», - говорит Борис Грейс, основатель и главный редактор «Русского Независимого Радио Австралии». В Советском Союзе он проработал 28 лет на Гостелерадио, а в Австралии некоторое время работал внештатным корреспондентом Радио SBS. Сегодня он является президентом Австралийского межнационального объединенного творческого Союза².

Первоначально вещание на этой радиостанции шло только в сети Интернет, а спустя полгода стало вестись на волнах FM. Всего за год своего существования «Русское Независимое Радио Австралии» вышло на мировой уровень: программы транслируются в различных уголках планеты, в том числе и на российском круглосуточном мультикультурном канале «Всемирная Радиосеть»³.

Таким образом, благодаря вещанию на родном языке русская диаспора получила не только доступ к информации о разных аспектах жизни в России и Австралии, но и свой независимый голос, который способствует сохранению и развитию этнической идентичности и самосознания русских, проживающих в Австралии.

¹ Русская еженедельная газета «Единение». – с.5. – от 13.07.09

² Радио «Русское Независимое Радио Австралии» - www.ruskoeradio.com.au

³ Российский мультикультурный канал «Всемирная Радиосеть» - www.wtn.ru

Русские религиозные беженцы – старообрядцы в Новой Зеландии (XX в.)

Рудникова Е.В.

За время исследовательской работы в Университете королевы Виктории, г.Веллингтон, Новая Зеландия (2011), автору этой статьи удалось собрать ранее неизвестные для российской науки источники¹ об истории и культуре большой группы русских староверов-беспоповцев, выехавших из китайской провинции Синьцзянь через Гонконг в Новую Зеландию с 1965 по 1967 гг. в качестве религиозных беженцев. В 1972 г. последние из прибывших беженцев официально приняли новозеландское гражданство². За это время русским староверам пришлось пройти трудный процесс интеграции в новую среду, осложненный многовековой культурной изолированностью и специфическим образом жизни старообрядческих общин.

Тем более интересно проследить, каким образом и в каких формах преодолевалась культурная дистанция между этим «осколком древнего русского мира» и современным западным обществом.

Начало пути

В сер. XX в. организацией переселения староверов занимались различные международные организации: управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (далее – УВКБ), Всемирный совет церквей (ВСЦ, The World Council of Churches), Национальный Совет церквей Новой Зеландии (НСЦ, The National Council of Churches in New Zealand) и другие. Фактическая реализация проекта переселения осуществлялась НСЦ³.

¹ (1) Fitzgerald G. Refugee and Migrant Resettlement in New Zealand 1964 -1976. Dunedin: University of Otago, 1982. 112 p. (Manuscript)

(2) McFarland P. A Promised Land? Russian Refugees in New Zealand after 1945. Dunedin: University of Otago, 1997. 93 p. (Manuscript)

(3) Presbyterian Church Archives of Aotearoa New Zealand, Wellington

(4) McGill D. The Other New Zealanders. Wellington: Mallison Rendel Publishers Ltd, 1982. 157 p.

² The Encyclopedia of New Zealand // Russians - <http://www.teara.govt.nz/en/russians-ukrainians-and-baltic-peoples/1>

³ Lovell-Smith M. No Turning Back: a History of the Inter-Church Aid Work of the National Council of Churches in New Zealand 1945-1983. Christchurch: NCC, 1986. 255 p.

Группа русских старообрядцев-беспоповцев, переселившихся в Новую Зеландию, изначально в течение двух столетий до сер. XIX в. проживала в восточной части Казахстана, в районе Семипалатинска. Тихая и однообразная жизнь общины была потревожена промышленным освоением занимаемой ею территории, где были обнаружены богатые запасы полезных ископаемых. Последняя надежда на сохранение прежнего образа жизни была разрушена революцией 1917 г. Особенно сильно староверов возмущал процесс коллективизации и, отчаявшись, они в начале 1930-х гг. пересекли китайскую границу и осели в Синьцзяне, одной из северных провинций Китая.

По данным НСЦ, в Синьцзяне и около Харбина поселились приблизительно 2 тыс. староверов. Некоторые из них остались в общинах-поселениях, другие предпочли осесть в городах или в маленьких деревнях. Например, три семьи староверов, приехавших в Новую Зеландию, прежде жили в деревне, состоявшей из 100 семей. Еще одна семья жила в поселении, состоящем из 17 дворов. Летом староверы обычно пасли домашний скот, занимались бортничеством, зимой промыслили охотой в лесах.

После революции 1949 г. в Китае началось давление на русских, которое привело к их массовому исходу в 1954-1956 гг. Начиная с 1952 г. в зарубежные страны переселились около 1,5 тыс. староверов. Из них 1,1 тыс. примкнули к одной из двух общин старообрядцев в Бразилии. Другие нашли приют в США и Австралии. После 1956 г. поток беженцев почти прекратился. Визы на выезд больше не выдавались, и положение тех, кто еще оставался в Китае, становилось все более тяжелым. Это было время холодной войны, и тот, кто заявлял о своем желании выехать в капиталистические страны, подвергался политическим гонениям. Несколько староверов таким образом попали в заключение, а один был зарезан в своем собственном доме китайскими солдатами. Вместе с тем, остальные продолжали жить относительно неплохо, совместно управляя имуществом и заботливо ухаживая за своими фермами и садами. Но в 1961 г. их хозяйства были конфискованы китайским правительством. Домашний скот изымался без всякой компенсации. Те, кто имел более 20 тысяч юаней, были объявлены богачами и лишены всех денежных средств. Один из прибывших в Новую Зеландию

староверов, Лука Чипизубов, у которого в Китае было обширное хозяйство, рассказывал, как из двенадцати коров и нескольких лошадей его большой семье были оставлены лишь корова да лошадь¹. Жизнь становилась сражением за выживание, и староверы осознали, что их единственная надежда на спасение связана с выездом в британский Гонконг, откуда они могли далее найти пристанище в странах Южной и Северной Америки, а также Австралии и Новой Зеландии, пригодных для ведения аграрного хозяйства.

К 1961 г. в северном Китае все еще проживало, по разным данным, около 17 тыс. русских. Их положение было крайне незавидным. Китайцы пытались отправить их, в первую очередь, на родину. Но многие из них покинули Россию как политические, религиозные и социальные беженцы, и поэтому не имели желания туда возвращаться. У большинства иностранных государств были свои проблемы с выстраиванием дипломатических отношений с Китаем, и до группы русских, попавших под перекрестный идеологический огонь, никому не было дела. Только ВСЦ и УВКБ постоянно напоминали правительствам о бедственном положении русских беженцев.

Из 22 656 русских, зафиксированных в первой всекитайской переписи населения 1953 г., через десять лет, по данным второй переписи 1964 г., их численность составила всего 1326 человек². В это число, вероятно, и входили оставшиеся в Синьцзяне староверы. Так, в 1964 г. до них неожиданно дошла весть о том, что разрешение уехать получают 350 человек. Китайская полиция посетила дома староверов и сообщила, что в течение нескольких дней в деревню будет вызван грузовик. В спешке пришлось бросить почти все имущество. Позднее, когда первая группа староверов ступила на новозеландскую землю, встречавшие были поражены не только их внешним видом, но и содержанием привезенного ими багажа: «Материя, из которых была сделана их одежда, была плохого качества и обветшала. Одеяло, в которое завернули одного из детей, было сши-

¹ Cambell G. The Old Believers//New Zealand Memories. 2006. N 59. P. 60-63

² Гутин Ю.И. Динамика численности русского населения Синьцзянь-Уйгурского автономного района (1949-2000 гг.)// http://www.vestnik.mgimo.ru/files/18/11_Gutin.pdf

то из разных лоскутов и, по мнению одной из местных домохозяек, больше напоминало половую тряпку... было немного одежды, несколько заржавевших кухонных предметов, тарелки, кружки, немного деревянных пробок, кустарные игрушки, семейная Библия и несколько икон»¹.

Погрузив в открытый кузов грузовика немногочисленные чемоданы и картонные коробки, староверы ехали верхом на своем багаже почти 270 км до Кульджи. Там они стояли три дня, ожидая прибытия машин из других деревень; затем вся колонна начала следующую часть путешествия через горы Тянь-Шань. В тех местах, где дорога шла на уровне более 3 тысяч метров выше уровня моря, суровая снежная метель делала путешествие настоящим испытанием. К тому времени, когда автопоезд преодолел 600 км до Урумчи, многие из беженцев заболели и нуждались в серьезном лечении. В Урумчи староверы погрузились в поезд до Гонконга. Поезд прошел более пяти с половиной тысячи километров. Все путешествие с остановками для заправки горючим и смены составов заняло 13 дней. Всего несколько кроватей было предоставлено старикам, остальные же провели эту поездку на жестких сиденьях. На пограничном посту Лу Ву китайские пограничники зарегистрировали 357 русских беженцев и дали разрешение поезду на выезд. 12 апреля 1965 г. измученные беженцы покинули материковый Китай.

«Перевалочный пункт» в Гонконге

В Гонконге староверы были распределены по отелям, в которых им пришлось провести не меньше трех месяцев. Комнаты были маленькими и тесными. Удобства были самые примитивные. Тем не менее, здесь староверы впервые увидели электричество, телевидение, бытовую технику и водопровод, что стало для них новым опытом, а для детей развлечением. В их жизнь входила новая пища. Белый хлеб был в новинку; никому не понравился вкус апельсина. Молодые мужчины находили себе работу и проникались чувством ценности денег, а старшие члены общины сторонились города, размеры которого давили на них. Им не нравилась жара, толпы людей,

¹ O'Grady R. The Old Believers: a New Zealand Refugee Programme. Wellington: International Council of Churches in New Zealand, 1972, с. 57

выхлопы от машин и городской шум. Первое время никто из них не отваживался самостоятельно пойти в магазин и сделать самые простые покупки. Корреспондент одной из канадских газет спросил староверов о том, понравилась ли им встреча с цивилизацией. «Нет», - был категорический ответ старейшины, - «Что же это делается с нами? Воздух – грязный. Повсюду шум. Люди кажутся куда-то спешащими все время»¹.

Пока староверы знакомились с жизнью города, готовились их личные дела и медицинские документы. Первоначально предполагалось, что вся община будет сохранена и переселена в Аргентину и Бразилию, где уже существовали староверческие сельскохозяйственные колонии. Но политика латиноамериканских правительств в этом отношении изменилась в худшую сторону. Спекуляции с землей сделали очень затратным перевод подходящих земель в аграрные поселения. Кроме того, много месяцев требовалось на исследование почв и прочих условий для основания новых колоний. С надеждой сохранить общину в целостности изучалась возможность поселить староверов на севере Канады. Поиск средств на питание и проживание беженцев был делом УВКБ – до тех пор, пока не будет найдена принимающая их страна.

Сильно осложнял ситуацию тот факт, что в оставшихся семьях имелись инвалиды. Никто не хотел принимать к себе подобных беженцев. Выходом из ситуации стали предложенные ООН денежные гранты для беженцев-инвалидов. Тем не менее, к началу 1965 г. ситуация стала безнадежной и потребовались немедленные действия. По инициативе ВСЦ в Гонконге была организована конференция, куда были приглашены представители церкви из Южной Африки и Австралии. Конференция нашла выход из тупика, приняв решение о разделении староверов на отдельные группы для расселения по семьям. Аргентина и Австралия искали возможность для обустройства 110 человек, Новая Зеландия брала 88 человек, остальные были распределены между Бразилией и США.

Во многом благодаря активной деятельности международного представителя от Новой Зеландии в ВСЦ Рона О'Грэди (*Рис.13*) пра-

¹ Там же

вительство Новой Зеландии согласилось принять семьи староверов, имевшие инвалидов. Только одна семья получила отказ из-за больного шизофренией, которому требовалось специальное лечение на месте.

Решение конференции о переезде в Новую Зеландию было воспринято староверами без особого энтузиазма. До этого никто из них не слышал об этой стране, поэтому они просто приняли к сведению, что это аграрное государство, которое было готово их принять. Перед отъездом они долго молились вместе – старейшина, усаживая мужскую молодежь вокруг себя, говорил: «Должно быть, эта и есть та земля обетованная, которую Бог обещал нам. Мы будем усердно работать, купим лошадь и телегу, и начнем все опять заново»¹.

Новая Зеландия готовится к приему русских староверов

Но и в Новой Зеландии мало кто знал о русских староверах-беспоповцах. Поэтому к их прибытию активисты НСЦ проделали большую работу по подготовке общественного мнения. С помощью волонтеров и прессы распространялась информация об истории русского религиозного раскола, образе жизни и особенностях веры переселенцев. Среди прихожан различных церквей, входящих в НСЦ, проводились беседы и объяснялись цели программы помощи беженцам.

В начальный период работы важно было правильно выбрать место расселения староверов. В конечном итоге выбор пал на Южный остров и отдаленную провинцию Саутленд с центром в городе Инверкаргилле. Случайно обнаружилось, что в соседнем Крайсчерче уже несколько лет проживала семья русских староверов – отец и дочь Ерофеевы, которые с радостью восприняли новость о скором приезде в страну единоверцев. Ерофеев в первое время был привлечен в качестве переводчика. НСЦ поручил непосредственное руководство проектом Уоллису Райту, владельцу книжного магазина в Инверкаргилле. После его смерти в 1970 г. пост координатора занял Биф Норис.

¹ Там же

Еще до прибытия староверов У.Райт подготовил специальный 30-страничный буклет, в котором выделил главные вопросы по жизнеобеспечению староверов. Буклеты циркулировали по всему Южному острову и стали популярной темой для разговоров в местном обществе. Один из таких разговоров привел к тому, что три фермера вскладчину купили дом для церкви, которая впоследствии передала его одной из семей староверов. Истории о щедрости приходили отовсюду. Когда стало известно, что беженцы прибывают с минимумом пожитков, настоятели обратились к своим прихожанам с просьбой о пожертвовании одежды и предметов быта. Было собрано столько вещей, что приходилось даже устраивать распродажи. Но самая трогательная страница в этой истории связана с попытками местных жителей учить русский язык.

Трудности староверов были еще и в том, что большинство из них были неграмотны; лишь несколько человек имели начальное школьное образование. И самой острой проблемой в первый год было незнание ими английского языка. Тогда жители Саутленда решили сами учиться говорить по-русски, осваивая элементарные фразы и слова, чтобы помочь переселенцам в первое время. Еженедельные курсы, рассчитанные на 30 человек, начали работать в Инверкаргилле с июня 1965 г. Проводил уроки г-н Хенри, учитель-организатор из местного управления образования, а помогал ему Джон Родионов, один из юных русских поселенцев в этом городе. Через две недели курсы приняли еще 28 человек из города Гор, лежащего в 80 км от Инверкаргилла. Фото, запечатлевшее новозеландских фермеров за изучением русской фразы «это – сарай для коровы», попало в центр внимания прессы. Позднее курсы русского языка были перенесены в более крупный город – Крайсчерч, расположенный в полусотне миль от Инверкаргилла. Одна оклендская газета даже запросила официальное подтверждение того, что фермеры из Инверкаргилла раз в неделю преодолевают почти 600 км до Крайсчерча только для того, чтобы учить русский язык. Занятия продолжались вплоть до прибытия староверов. Чтобы облегчить языковой барьер, для каждой семьи беженцев был приготовлен список предметов обихода и продуктов на двух языках – русском и английском: русская домохозяйка могла отметить все необходимое в

списке и взять его в магазин. Таким же образом были обозначены дни недели и денежная система страны.

Прибытие староверов на «землю обетованную»

14 июля 1965 г. первые три семьи староверов в количестве 17-ти человек прибыли в международный аэропорт Крайсчерча: «...в дверях самолета показался человек, который медленно и скованно озирался вокруг. Находящийся среди встречающей прессы фотограф присвистнул: «Бог мой, посмотрите на это!». Появившийся в дверях человек был стариком с впечатляющей внешностью. Обветренное и загорелое лицо, длинная борода делали его похожим на старого ветхозаветного патриарха. Потом мы узнали, что это был Авдей Вшивков, любезный человек 70-ти лет, действовавший как представитель своей группы в первые несколько недель. Когда он выходил по ступенькам из самолета, трудно было поверить, что такое могло случиться в Новой Зеландии. За ним проследовали остальные 16 членов этой первой группы (Рис.14)¹. Женщины были обуты в ботинки и одеты в длинные юбки, кроме того, все носили платки, повязанные вокруг головы... Дети были одеты, как и их родители»². После ночи в Крайсчерче путь староверов лежал по воздуху в Инверкаргилл. Переводчиком в полете был Я.Ерофеев; по свидетельству очевидцев, в момент прибытия староверы были поражены тем, что их встретили люди, которые могли общаться с ними на их родном языке (Рис.15)³.

Встречающих в Инверкаргилле было более 100 человек. Староверов снова приветствовали по-русски. Каждому ребенку вручили игрушку. На автомобилях доставили беженцев в пресвитерианскую церковь Святого Павла, где их ожидали накрытые столы с русскими пирожками, приготовленными русскими семьями, уже проживавшими здесь. Холл церкви был заполнен до дверей; немного смущенные событиями дня, староверы ели немного. В праздничной атмосфере начались приветственные речи. Некоторые староверы открыто плакали во время выступлений. А.Вшивков встал для

¹ Там же, с.27

² Там же, с.4

³ Там же, с.3

ответной речи, но не смог произнести ничего, а только повторял: «Спасибо! Спасибо!». Пришлось Я.Ерофееву объяснять, что всего было слишком много для новоприбывших. «Позже, - объяснял он, - они будут в состоянии выразить все свои чувства. Сейчас они слишком счастливы, чтобы говорить».

После полудня семьи староверов были сопровождены в свои новые жилища в Инверкаргилле и его окрестностях. Местные жители потрудились вскопать землю и привести в порядок сад. Кладовые были полны вещей от Воскресной церковной школы. Были даже цветы в вазах. Представители НСЦ посетили староверов в тот же день, объяснив пользование водопроводом в санузле, обращение с электрическими печами и нагревателями. В одном доме много времени пришлось потратить на уговоры матери семейства нажать кнопку включения радио; звук голоса диктора привел ее в веселье.

Прибытию русских беженцев была посвящена вся передовица газеты «Саутленд Таймс», где отмечалось, что «мечта становится реальностью для большой группы белых русских, попавших в руки благотворителей из Саутленда, но выдуманный мир еще долго сохранится для беженцев»¹.

Вторая партия староверов приехала через две недели в составе 20 человек. Третья группа из шести семей, в составе которой были инвалиды, прибыла 8 августа. К августу 1965 г. общее число русских беженцев из Северного Китая достигло 73 человек. В 1967 г. к ним присоединилась еще одна семья из Гонконга (двое взрослых и пятеро детей); потом был небольшой внутренний обмен с семьями староверов из Австралии (прибыли восемь взрослых и шесть детей). В течение первых шести лет были две смерти. Кроме того, трое взрослых и двое детей уехали в Австралию и США. Таким образом, через семь лет, учитывая 25 детей, рожденных уже после приезда молодыми парами, в 1972 г. община русских староверов в Новой Зеландии насчитывала 112 человек.

Конец пути, начало новой жизни

Местные жители удивлялись житейской стойкости русских переселенцев. «Для этого типа людей упорная работа есть более,

¹ Там же

чем просто занятость, – это часть их всей религиозной философии. Подобно американским пуританам, они рассматривают работу как знак службы Богу», – писал О’Грэди¹. Он вспоминал историю с одним 71-летним старовером, которого наняли на строительство въездных ворот на ферме. Хозяева полагали, что это займет у него несколько недель. К их величайшему удивлению, упорно работая с восхода до заката, русский «пенсионер» закончил работу в несколько дней. Трех другим старикам, у которых не было возможности трудоустройства, были подарены ульи и десять роев пчел для занятия пчеловодством. Среди них был С.Снегирев, который так грамотно повел дело, что после раздачи меда всем друзьям ему пришлось продавать излишки на рынке.

В первый год староверам нелегко далась адаптация к островному климату, особенно к влажным и холодным зимам. Прибыв как раз в середине зимы, они ощутимо страдали от недостатка тепла. Не спасали их даже электрические одеяла и нагреватели, любезно предоставленные спонсорами.

Но главной проблемой для староверов стало изучение английского языка. В школе детям помогали адаптироваться учителя и одноклассники. В одной из школ по всем стенам висели карты и картины, показывающие, откуда прибыли новые ученики и какую жизнь они вели прежде. Молодые мужчины посещали вечерние курсы. Один из них отнесся к этому так серьезно, что вставал каждое утро в 5 часов, чтобы время до завтрака проводить за изучением иностранных слов. Большинство из тех, кто уже работал на фермах, стали носить с собой на работу тетрадь и карандаш для записи непонятных им слов. Кроме того, местные церкви ежедневно присылали одного-двух прихожан в дома беженцев для часовых уроков английского. В отличие от молодежи, старики, имевшие меньше внешних контактов, особенно женщины, находили просто невозможным держать в памяти новые слова и их произношение, и только грустно качали головами.

В православное Рождество, когда период расселения и обустройства был закончен, семьи беженцев посетил с поздравлениями

¹ Там же, с.41

У.Райт, координатор проекта переселения. В своем отчете он особо отметил большую заботу, с которой староверы ухаживали за садами и домами, и подчеркнул, что вся схема переселения оказалась успешной и стоящей полученного результата: «Это принесло счастье этим людям; благодарность их временами бывает просто поразительной»¹.

В первый же месяц две трети всех мужчин были устроены на сельские фермы. Начав с простых работ, они быстро обучались более сложным – например, стали брать уроки по вождению трактора. К шестому году пребывания в стране многие староверы сменили первоначальную работу на более высокооплачиваемую. О них хорошо отзывались как о старательных и честных работниках. Четыре женщины нашли работу на фабриках по изготовлению одежды, две работали поварами, одна помогала мужу в торговле. Один из мужчин, Иван Чернышев, проработавший сначала два года на ферме в Саутленде, благодаря своему упорству закончил институт и получил диплом механика, а затем нашел хорошо оплачиваемую работу.

Новое поколение, государственная политика и проблема сохранения традиций

Первые болезненные перемены в религиозной идентичности староверов начались с изменением внутрисемейной иерархии. Особенно быстро этот процесс шел в отношении молодежи, которая легко перенимала ценности западного общества. Уже через неделю после прибытия обладание автомобилем стало целью каждого молодого человека. Пуританский образ жизни давал им реальную возможность скопить денег. Работающие молодые люди переставали отдавать свой заработок родителям. Один юноша, например, проработав всего восемь месяцев, открыл банковский счет с первоначальным депозитом в 800 долларов. Вскоре им была приобретена первая машина. Далее другим старовером была куплена еще одна машина, за ней следующая, и скоро «русская борода» за рулем стала привычной картиной на дорогах Саутленда. Городскому Совету даже пришлось заказать перевод на русский язык брошюры с правилами дорожного движения.

¹ Там же, с.38

Известно, что моральный код у староверов строг и бескомпромиссен. Но у молодежи начался пересмотр традиционных ценностей. Несколько молодых людей открыто отказались от веры своих отцов. Две девушки покинули свои семьи в Инверкаргилле и самостоятельно поселились в Крайсчерче. Одна из них сказала, что делает это для того, чтобы встречаться с другом-новозеландцем, а другая заявила, что отец забирает весь ее заработок, не оставляя ей достаточное количество денег на собственные нужды. Был случай, когда один юноша собирался жениться, сбрив перед этим еще в Гонконге бороду. Будущий тесть дал согласие, но с условием снова отпустить бороду.

Как оказалось, русские беженцы и местная власть преследовали различные цели. Для последней это была скорейшая интеграция новопоселенцев в новозеландское общество, а не сохранение их этнокультурной идентичности. Дав согласие на прием русских религиозных беженцев, новозеландское правительство запретило им создавать обособленное поселение. Полагалось, что прежде чем изолировать себя от общества, беженцам необходимо было лучше узнать свою новую страну. С этой целью вся группа, ранее проживавшая совместно, была разделена на отдельные семьи, которые расселялись в разных местах. По этой причине дальнейшая судьба новозеландской группы староверов-беспоповцев сложилась иначе, чем у их единоверцев, выехавших в Бразилию или США. Уже к началу восьмидесятых годов прошлого века их община распалась на отдельные семьи, живущие каждая своей жизнью.

Цель официальных властей была оглашена в телепрограмме «Компас», прошедшей по национальному каналу в год прибытия беженцев¹. Приглашенные староверы были неприятно ими удивлены. Исследователям старообрядчества хорошо известен факт тесных семейных и групповых связей между всеми членами общины, основанный на совместном проживании в течение столетий. Позже это отмечалось и организаторами переселения со стороны НСЦ: «Мы не оценили тогда, как глубоко староверы были расстроены их

¹ Архив видеоматериалов Новой Зеландии, NZBC Television, 1965 - <http://www.filmarchive.org.nz/the-catalogue/media/compass-old-believers-settle-in-southland-f3502>

разделением. Годами они делили вместе и радость и горе, и дух их общности был глубоким и настоящим...»¹. Теперь им пришлось особенно нелегко – разделенные на отдельные семьи, они были вынуждены резко изменить прежний образ жизни: работать по найму (причем работали не только мужчины, но и женщины), отдавать своих детей в светскую школу и постоянно общаться с большим количеством людей иной культуры. Это не могло не сказаться на сплоченности общины. Как результат, уже через два года после прибытия первая русская семья из Инверкаргилла переехала в более крупный город Крайсчерч в поисках лучшей работы. Через некоторое время за ними последовали пять других семей. К июню 1972 г. численность общины староверов в Крайсчерче составила 47 чел. (16 взрослых и 31 ребенок). Остальные переселились в Инверкаргилл (20 взрослых и 40 детей), одна семья осталась в городе Гор (2 взрослых и 3 детей).

Чем же в итоге закончилась работа по приему «наиболее экзотической» группы религиозных беженцев в Новой Зеландии – успехом или неудачей? Ответ неоднозначен и зависит от начальных целей участников проекта. Если взрослые члены общины староверов болезненно отнеслись к разрушению своей религиозной и культурной идентичности, то, с практической точки зрения, трудоустройство и определенная житейская устроенность староверов являются несомненными доказательствами успеха. В любом случае, прием русских староверов стал неотъемлемой частью истории взаимоотношений двух стран – России и Новой Зеландии.

Из истории российской эмиграции в Новую Зеландию в 1990-е гг.

Соколов Ю.М.

Прежде чем приступить к воспоминаниям о том, как в годы моей работы в должности Чрезвычайного и Полномочного Посла

¹ O'Grady R. The Old Believers: a New Zealand Refugee Programme. Wellington: International Council of Churches in New Zealand, 1972, с.30-31

СССР/Российской Федерации в Новой Зеландии и по совместительству в Западном Самоа и Королевстве Тонга (1987-1992) первые россияне начали отправляться в эмиграцию в Новую Зеландию, необходимо обратиться к современным фактам о русской диаспоре в этой стране. Русскоговорящие, проживающие в Новой Зеландии, еще в 1999 г. создали свой сайт – «Наша Новая Зеландия» (ournz.org). Вот выдержки из его архивов, касающиеся положения русских в 2000-х гг:

«Как и практически во всех странах мира, в Новой Зеландии официально зарегистрирована русская диаспора. <...> Одной из особенностей русской диаспоры в мире является то, что обычно создаются несколько общин, которые случается конфликтуют между собой. Что касается русской диаспоры в Новой Зеландии, то ее оформление оставляет желать лучшего. В основном, целью диаспоры является поиск новыми мигрантами “своих”, чтоб те помогли им устроиться, найти работу, освоиться и так далее. Согласитесь, намного легче обратиться за помощью, за советом к людям на родном языке, которые к тому же имеют некоторый опыт и имеют тот же менталитет. Сегодня в новой Зеландии есть несколько центров, которые притягивают незначительное количество русских».

«На самом деле совсем не многие россияне, тем более “новые”, даже не представляют всех реалий жизни в Новой Зеландии. Знакомство с новой культурой, с новым менталитетом и правилами вызывает у русских от простого недопонимания до полного шока. И конечно, в таком случае единственным возможным спасением считается именно общение с русскими, со “своими”. Именно поэтому, как показывает статистика, уже спустя два-три месяца мигранты из России активизируются и начинают искать своих, ищут диаспору и общины. Сегодня в стране официально зарегистрировано семь русских общественных организаций, однако на самом деле всего пара из них реально работает во всю мощь. Цель таких обществ – решать социальные проблемы, помогать адаптироваться к новым условиям, вести просветительскую работу. Кроме русских общин в Новой Зеландии, есть русская православная церковь, которая является одним из главных мест встречи мигрантов».

«Основные города, где живут русские в королевстве Новая Зеландия – это Окленд, Веллингтон и Крайсчерч. В Окленде действует вечерняя школа для русских детей, где помогут совершенствовать английский язык, точные науки. Для русских организуются специальные олимпиады. Что касается спорта, то также постоянно проводятся соревнования и состязания.

Существует специальная телефонная сеть, куда можно бесплатно позвонить и на русском языке услышать все новости, которые произошли в России (города Окленд и Веллингтон). В Окленде есть также и синагога. И если с самого начала ученые евреи мыли полы и посуду, то уже через 5-10 лет, прекрасно овладев английским языком, неплохо устроились, в том числе и по своей специальности.

Некоторые трудности могут возникнуть у инженеров, так как работодатели не знают опыт и знания работников. Врачи – одна из самых востребованных профессий, к тому же и высокооплачиваемая. Однако нужно в совершенстве знать английский язык и к тому же пройти специальные экзамены, которые стоят около 7 тыс. долл.».

«В Новой Зеландии издаются всего две газеты на русском языке, одна из которых “Ветер”. Создатель газеты – Марина. Еще в те времена, когда она приехала в страну, Марина увидела, как себя неуютно чувствуют русские эмигранты. Кругом красота и чистота, море и солнце, а эмигранты ходят унылыми. Именно поэтому Марина стала издавать листовки с “боевыми кличами”. Говорила о правильном выборе страны, писала удачные истории, вообще, вселяла надежду. Потом стали на листовках писать о фильмах, которые были привезены из России – “Покровские ворота”, “Утомленные солнцем” и некоторые другие, которые обожают смотреть русские по многу раз. Затем стали появляться объявления о работе.

Так бесплатная листовка превратилась в газету. Стала появляться информация от российского консула. Предоставляются ответы на самые разные вопросы в области законодательства. Из бесплатной небольшой листовки “Ветер” превратился в цветную газету, выпускающуюся на английском и русском языке на 20 листах.

Однако, несмотря на видимый успех, все журналисты работают бесплатно, и газета недоступна в свободной продаже».

В 2000-е гг. главным пополнением в новозеландской русской диаспоре выступали студенты, которые приезжали из России для изучения английского языка, затем оставались на обучение в новозеландских высших школах, а затем получали высокооплачиваемую работу и уже не хотели покидать страну, которая дала им «путевку в жизнь».

Но какие именно люди составили первую миграционную волну в Новую Зеландию в 1990-е гг.? Об этом пойдет речь ниже.

В 1985-1991 гг. новозеландское правительство внимательно следило за развитием событий в СССР, ходом перестройки, за ростом довольно свободной эмиграции. При этом лакмусовой бумажкой демократизации в нашей стране стала именно свобода эмиграции.

В 1991 г. в Новую Зеландию приезжал на межмидовские консультации зам. министра иностранных дел Игорь Рогачев. На заключительной пресс-конференции он неожиданно сообщил, что Советский Союз намерен обсудить с рядом европейских стран соглашения о взаимном облегчении эмиграции. Упомянул он в таком контексте и Новую Зеландию. Прямо можно сказать, что большинство присутствующих журналистов (а было их много) получили большой шок, видимо, представив полчища наших эмигрантов, захватывающих их земли. Последовало множество вопросов. Тема обсуждалась долго после того, как И. Рогачев покинул Веллингтон.

Перебежчик-ученый из Белоруссии с научно-исследовательского судна «Дмитрий Менделеев» не вернулся в Веллингтоне на судно в 1989 г. На встрече с ним наш консул впервые задал перебежчику вопрос о том, трудоустроен ли он, имеет ли жилье. Такой подход поразил новозеландцев, переводчица стала переспрашивать, правильно ли она поняла консула. Позднее он обратился с просьбой отпустить его семью к нему из СССР. Мы помогли ему в этом, но я отметил, что он прибыл в Новую Зеландию за счет нашего государства.

В 1990 г. из посольства к новозеландцам обратился за политическим убежищем один технический сотрудник. Жена его выра-

зила желание вернуться домой. Он легализовался в Новой Зеландии. Позднее его бывшая жена появилась там с новым мужем как официальная эмигрантка.

Жена бывшего министра внешних сношений и торговли, из австралийской довоенной эмиграции говорила мне, что русской кухни нет как таковой. Написала объемистую книгу о судьбе пленных казаков, выданных Сталину западными державами сразу после войны. В то время мы об этом открыто не говорили, поэтому такой выбор тематики для ее книги мне очень не понравился.

Мой заместитель, советник посольства, кандидат исторических наук Рубен Азизян официально остался в Новой Зеландии после окончания срока командировки. Сначала работал в Веллингтонском, потом в Оклендском университетах. Ежегодно в течение нескольких лет привозил группы своих студентов в Дипломатическую академию МИД РФ на платные краткосрочные курсы. После Окленда работал на Гавайях в Азиатско-Тихоокеанском центре исследований безопасности. Выступает с докладами и у нас на разных форумах по АТР.

В 1990-х гг. я консультировал в Москве фирмы, занимавшиеся туризмом, образованием в Австралии и Новой Зеландии, а также эмиграцией в эти страны. Несколько примеров выезжавших эмигрантов:

В начале 1990-х гг. по линии официальной эмиграции выехал военный летчик из Ленинграда с семьей. Жена успешно окончила новозеландские бухгалтерские курсы, он занялся бизнесом, имея начальный капитал от продажи квартиры, около 100 тыс. долларов США. К сожалению, его обманули новые партнеры. Он вновь встал на ноги, намеревался организовать на островах Тонга производство меховых игрушек и поделок для экспорта в Россию (там очень дешевая рабочая сила), но наступил дефолт 1998 г. Проект сорвался.

Женщина – декан новосибирского вуза с семьей выехала примерно в середине 1990-х. В Москве у них украли весь багаж, и даже многие документы об образовании. Хотя в Новой Зеландии семья устроилась неплохо, позднее они перебрались в Австралию.

Примерно в тот же период выехали две молодые женщины, преподаватели английского языка минского вуза.

Успешно оформили ходатайство бизнесмены муж и жена из Иркутска, работавшие в области международного туризма.

Итак, в основании русской диаспоры в Новой Зеландии оказались люди, не только искавшие лучшей жизни, но и знавшие, как этого добиться (или они думали, что знали, и это уже неплохо). Пусть и с оговоркой, их можно отнести к советской интеллигенции, - и тот факт, что образованные и потенциально перспективные кадры покидали Родину, не внушало мне оптимизма насчет будущего России.

Тем не менее, не все мои опасения оправдались, чему я несканно рад.

Русский дух в Океании

Пале С.Е.

Судьба редко приводила русских людей на острова Океании, разбросанные в южной части Тихого океана от берегов Австралии до Южной Америки. Тем не менее, русское присутствие оставило свой след в истории этого удаленного уголка мира.

В XVIII-XIX вв., несмотря на стремительное развитие новой для России науки – востоковедения, Океания по-прежнему представлялась таинственным скоплением островов где-то на краю земли. Научные сведения о Южнотихоокеанском регионе появились лишь после первого в русской истории кругосветного плавания под командованием И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского (1802-1806 гг.). Эту экспедицию одобрил царь Александр I для улучшения морских сообщений между Россией и ее новыми территориями в Северной Америке. Во время плавания были составлены карты Новой Гвинеи, Фиджи, Тонга, Самоа, Таити, Маркизских островов и района пролива Торреса. Но карты были напечатаны почти двадцать лет спустя, в 1823 г. Такая задержка объясняется тем, что в ту пору острова в Тихом океане не представляли для России никакого интереса: во-первых, ввиду их удаленности от российских торговых

морских путей, а во-вторых, из-за нежелания России нарушить хрупкий баланс в отношениях с колониальными державами – Великобританией, Францией, Германией и США, которые в XIX в. активно укрепляли свои позиции в Тихом океане. Немалой помехой был и финансовый вопрос, который в России стоял всегда остро и даже привел к продаже Аляски Александром II в 1866 г. В итоге территориальную политику России определила концепция «континентальной России».

Но таинственная Океания захватила умы русской интеллигенции, которая в середине XIX в. восприняла идею европейских просветителей о всеобщем равенстве между людьми независимо от их происхождения. Созданный в западной литературе идеализированный образ «благородного дикаря», жившего на далеком острове без сословных ограничений по законам природы, был в немалой степени основан на красочных описаниях Таити, сделанных французским мореплавателем Луи Антуаном де Бугенвилем в 1769 г. В частности, эти описания оказали на французского мыслителя Д. Дидро настолько сильное впечатление, что он изложил свои размышления в работе «Дополнение к плаванию Бугенвиля», которая, как и подавляющее число его произведений, стала известна в России благодаря тому, что императрица Екатерина II не раз принимала Д. Дидро при дворе в Санкт-Петербурге.

К сожалению, ни Л. Бугенвиль, ни Д. Дидро не знали о том, что таитяне оказали морякам радушный прием лишь благодаря священным празднествам, в течение которых нельзя было поедать чужаков, как это произошло бы, если бы Л. Бугенвиль прибыл на Таити всего несколькими днями позже. (Но, даже узнав об этом конфузе, Франция без колебаний аннексировала Таити в 1843 г.).

Тем временем, передовая для России идея о всеобщем равенстве, якобы возможном на далеких островах Океании, покоряла воображение все большего количества людей. Дело даже дошло до того, что некоторые мечтатели решили отправиться на тихоокеанские острова и основать там, наконец, равноправное общество. Столь удаленное расположение предполагаемого поселения объяснялось тем, что при царившем в то время в России режиме за подобные убеждения можно было бы быть повешенным, то

сосланным в Сибирь (вспомним о судьбах декабристов). Следовательно, помыслы о бессловно-равноправном обществе русским людям лучше всего было бы реализовывать как можно дальше от российских границ. Острова в южной части Тихого океана лучше всего подходили не только благодаря их максимальной удаленности, но и потому, что в то время их еще не коснулась европейская цивилизация, а многие из них не были аннексированы ни одним западным государством и считались «ничейными».

Наконец, идея о создании поселения равноправных людей получила свое реальное развитие в середине XIX в., когда горстка добровольцев из тайного революционного студенческого общества Санкт-Петербургского университета начала кампанию по сбору средств для переселения на какой-нибудь благословенный остров, затерянный на просторах Тихого океана. Но, как это нередко бывает, собранные деньги (к слову, не такая уж и большая сумма) были украдены, в результате чего кампания с треском провалилась. Подобного рода акции проводились еще несколько раз, но заканчивались неизменно тем же. Впоследствии бывшие студенты-революционеры, поднявшись по социальной лестнице, полностью забыли свои юношеские чаяния. Лишь один из них, Павел Бахметев (ставший прототипом Рахметова из романа Н. Чернышевского «Что делать?»), остался верен мечте: продав все свое имущество, он передал половину вырученных средств в пользу русских писателей и философов – вдохновителей различных революционных течений в России и за рубежом (в частности, А.И. Герцену). Затем П. Бахметев собрал пять тысяч – но не рублей, а лишь подписей тех, кто хотел бы разделить с ним план по созданию колонии равноправных людей на отдаленном острове Тихого океана. После этого П. Бахметев с оставшейся частью денег отплыл в Новую Зеландию. По прибытии туда он обнаружил, что эта британская колония уже заселена европейцами, в сердцах которых идеи просвещения и равноправия не вызывали никакого отклика. Из Новой Зеландии благородный русский мечтатель отбыл в сторону Маркизских островов, где след его потерялся. Либо он был ограблен и убит, что нередко случалось в тех краях, либо погиб – если не от рук островитян, то от тропических болезней.

Конечно, вышеперечисленные события вряд ли можно назвать началом русской эмиграции в Океанию из России. Но все же они подвигли еще одного русского мечтателя – Н.Н. Миклухо-Маклая на исследования, которые должны были опровергнуть одну из активно развивавшихся тогда теорий о том, что человеческие расы подразделяются на «регрессивные» и «прогрессивные». В 1871 г. Н.Н. Миклухо-Маклай прибыл на остров Новая Гвинея и затем посетил острова Ява, Амбоин, Тернате, Менадо, Горонтало, Макаassar и полуостров Малакка. В 1879 г. он побывал на островах Новой Каледонии, Луайоте, Ново-Гебридских, Адмиралтейства, Соломоновых, а также на некоторых островах Микронезии.

Прожив в общей сложности два года среди папуасов на Новой Гвинее, Н.Н. Миклухо-Маклай решил, что у него уже собралось достаточно доказательств равенства между людьми, и в 1886 г. он вернулся в Санкт-Петербург. Там он устроил выставку привезенных им антропологических и этнографических артефактов, которые затем были переданы Императорскому русскому географическому обществу, а впоследствии – Императорской академии наук. Выставка стала сенсацией: ее посетили все представители столичной элиты, включая царскую семью.

Спустя несколько дней после открытия выставки Н.Н. Миклухо-Маклай начал взимать с посетителей небольшую плату за вход. Эти деньги были нужны ему для воплощения в жизнь тайной мечты, которая не покидала его все время, пока он жил в племени папуасов: основать на Новой Гвинее поселение равноправных людей без сословий и прочих ограничений. Конечно же, выставка не позволила Н.Н. Миклухо-Маклаю собрать ту сумму, которая требовалась на реализацию столь грандиозной задумки. И поэтому, слегка изменив концепцию, он представил царю Александру III план аннексии и колонизации Россией той части острова Новая Гвинея, где Н.Н. Миклухо-Маклай наладил вполне дружеские отношения с папуасами. И уже спустя несколько месяцев российский корабль с Н.Н. Миклухо-Маклаем на борту достиг берега Новой Гвинее, который впоследствии получил название Берега Маклая. Капитану корабля, возглавлявшему экспедицию, было поручено тщательно исследовать место предполагаемого поселения и определить, стоит

ли затея предполагаемых затрат. Капитан, человек трезвомыслящий, полностью отверг план колонизации Новой Гвинеи Россией. По его (вполне справедливому) мнению, ужасные географические и климатические условия, а также извечная российская проблема – нехватка средств были главными определяющими факторами, которые не позволяли России стать тихоокеанской державой. Более того, Новая Гвинея лежала слишком далеко от традиционных российских торговых путей.

Н.Н. Миклухо-Маклай умер вскоре после возвращения из этой экспедиции. Труды легендарного этнографа, который впервые в России и в мире исследовал океанийские общества, и сейчас пользуются популярностью, причем не только в научных кругах. В 1948 г. на советские экраны вышел фильм с незатейливым названием «Миклухо-Маклай». В честь Н.Н. Миклухо-Маклая в 1969 г. была названа одна из самых длинных новых улиц Москвы: на ней расположен Российский университет дружбы народов, где учатся студенты из стран порой не менее экзотических, чем Папуа – Новая Гвинея.

Дневники Н.Н. Миклухо-Маклая регулярно переиздаются в России и за рубежом. Потомки русского этнографа, которые живут в Австралии, гордятся своим наследием, устраивая всевозможные мероприятия в честь своего выдающегося предка.

В настоящее время с океанийской коллекцией, собранной Н.Н. Миклухо-Маклаем, можно ознакомиться в «Кунсткамере» – Музее антропологии и этнологии в Санкт-Петербурге. Между прочим, этот музей стал называться «имени Н.Н. Миклухо-Маклая» с 1998 г. С 1986 года здесь проводятся знаменитые конференции этнографов – Маклаевские чтения.

Вернемся снова в прошлое: в 1886 г., спустя несколько месяцев после закрытия выставки Н.Н. Миклухо-Маклая в Санкт-Петербурге, у России появилась еще одна возможность утвердиться в самом «сердце» Тихого океана. Эта возможность стала бы реальностью, если бы Александр III согласился приобрести у Англии острова Суворова – группу атоллов в пятистах милях от Самоа. Но это предложение было отвергнуто по тем же соображениям, что и в

случае с Новой Гвинеей (подробнее об этом можно узнать из исследований А.Я. Массова).

А в наше время, стоит лишь сообщить нашим соотечественникам о том, что еще в XVII веке Россия могла бы приобрести острова Фиджи почти сразу же после их обнаружения Абелем Тасманом, они начинают (порой бурно) представлять, как было бы неплохо, если бы Фиджи были частью России.

Возможно, мечтательность – эта неизменная черта русского характера – и стала одной из причин, по которым в 1920-е гг. множество советских этнографов и лингвистов обратили свои научные интересы в сторону южной части Тихого океана. Прикрываясь лозунгами Коминтерна о мировой революции, они могли уйти от тяжелой окружающей действительности, погрузившись мечтами в идеальный мир, наполненный ритмами туземных барабанов и шумом океанского прибоя.

В 1930-е гг. изучение Австралии и Океании проводилось в Москве, главным образом в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. В 1956 году институт выпустил многотомную серию «Народы мира», один том которой – «Народы Австралии и Океании» был посвящен этнографическим и лингвистическим исследованиям австралийских, меланезийских, полинезийских и микронезийских обществ.

Лишь в 1967 г., когда колонии Океании стали получать независимость, в Институте востоковедения АН СССР был учрежден отдел Австралии (впоследствии – отдел Южнотихоокеанских исследований Института Востоковедения РАН, или ЮТИ) под руководством выдающегося ученого К.В. Малаховского. Официальной причиной создания этого отдела была необходимость восполнить пробел, образовавшийся в советском регионоведении, но на деле это была попытка Советского Союза распространить свое влияние в Океании тем же способом, что и в новых африканских государствах, обретавших самостоятельность с начала 1960-х гг. Впрочем, идеологические воззрения сотрудников отдела ЮТИ были смешаны с идеалистическими: на мой вопрос «Почему вы решили заниматься Южнотихоокеанским регионом?» они с искренним недоумением пожимали плечами: «Романтика! Морские приключения, острова,

пираты, папуасы... Поль Гоген... Сомерсет Моэм... Джек Лондон... Стивенсон... Марк Твен... и никаких шансов попасть туда», - добавляли они с усмешкой.

Отдел ЮТИ пережил свой «золотой век» в 1970-1980-е гг., когда были установлены международные отношения со всеми ведущими мировыми центрами по изучению Океании в США, Австралии, Новой Зеландии и Европе. В 1971 г. на фоне празднования 100-летия посещения Н.Н. Миклухо-Маклаем Новой Гвинеи состоялась первая экспедиция советских ученых в Океанию на научно-исследовательском судне «Дмитрий Менделеев». Маршрут второй экспедиции, организованной в 1976 г., практически совпадал с первым и пролегал из Владивостока через Сингапур, Папуа – Новую Гвинею (высадка произошла в местах работы Н.Н. Миклухо-Маклая), Науру, архипелаг Новые Гебриды (ныне – Вануату), Сидней, островок Лорд-Хау, Новую Каледонию, Фиджи, Западное Самоа (современное название – Самоа), атоллы Фунафути, Гарднер, Кантон, Маракеи и Бутари-Тари, затем в Токио и обратно во Владивосток.

В том же 1976 г. (сразу же после обретения Папуа – Новой Гвинеей независимости) отдел ЮТИ принимал почетного гостя – новогвинейского министра иностранных дел Маори Кики, автора мирового бестселлера «Десять тысяч лет в одну жизнь» – автобиографической книги, которая была опубликована в СССР в 1981 г.

В 1970-х гг. Океанию посетил популярный советский поэт, актер и певец В. Высоцкий: через все его творчество проходит ироническая тема «дикарей» и «папуасов». Хитом становится его песня «Почему аборигены съели Кука?».

В феврале 1987 г. в Советский Союз из Королевства Тонга приехал с визитом наследный принц Тупуотоа, по совместительству министр иностранных дел и обороны. В сентябре 1987 г. делегации профсоюзов Австралии, Новой Зеландии, Вануату, Папуа – Новой Гвинеи, Новой Каледонии, Фиджи и Соломоновых Островов принимали участие в работе международного семинара по проблемам профсоюзного движения в Москве. В конце 1980-х г. СССР заключил соглашения о сотрудничестве с Кирибати, Вануату, Папуа – Новой Гвинеей и Соломоновыми Островами. Отношения со стра-

нами Океании были установлены во многом благодаря активной работе Юрия Михайловича Соколова, который с 1987 по 1992 гг. занимал пост Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР/Российской Федерации в Новой Зеландии и по совместительству в Западном Самоа и Королевстве Тонга (Рис. 16).

Но к середине 1990-х гг., после распада СССР и окончания «холодной войны», контакты отдела ЮТИ с зарубежными центрами почти полностью иссякли из-за прекращения финансирования исследований, связанных с Южнотихоокеанским регионом, и работу в этом направлении продолжили лишь несколько уникальных специалистов, истинно преданных своему делу.

В 2000-е гг. интерес к Океании в России по-прежнему оставался слабым, прежде всего потому, что векторы российской внешней политики определялись уже экономикой, а не идеологией. А экономическое сотрудничество между РФ и странами Океании, к сожалению, вряд ли будет когда-либо возможным. Впрочем, самый прибыльный сектор Океании – туризм ежегодно получает все больше доходов от российских путешественников, жаждущих экзотики посреди Тихого океана.

Однако в Океании о России пока еще знают совсем немного. Лишь две русские фамилии вызывают блеск в глазах океанийцев – Н.Н. Миклухо-Маклай и его тезка – Н.Н. Мишутушкин, французский художник из Вануату русского происхождения, жизнь которого закончилась в 2010 г. в возрасте 81 года¹.

На самом популярном у россиян острове Французской Полинезии – Таити проживают потомки русского белого генерала Максима Леонтьева, который оказался в этом французском владении после октябрьской революции 1917 г. К слову, о русских в Океании известно так мало еще и потому, что в эту часть света они эмигрировали не с целью когда-нибудь вернуться на родину и сохранять ради этого свою русскую идентичность, а «убежать» навсегда, спрятав свои корни и свое происхождение. Генерал Леонтьев приехал с семьей на Таити вовсе не из-за любви к солнечной экзо-

¹ Подробнее см.: Иванова Л.А. Русский след в Вануату: содействие Н.Н. Мишутушкина в развитии российско-вануатянских связей во второй половине XX в., здесь же

тике, а из-за страха за свою жизнь, в надежде, что здесь советский режим не доберется до него и не разделается с ним, как, скажем, с Л. Троцким в 1940 г.

Внук М. Леонтьева, Александр Леонтьев, занимал пост премьер-министра Французской Полинезии с 1987 по 1991 гг. Несмотря на изменение фамилии на европейский лад, душа его по-прежнему осталась русской: он попал под домашний арест по делу о коррупции и растрате государственных средств. Скончался А. Леонтьев в возрасте 61 года в 2009 г.

В 2000-е гг. растущий интерес граждан России к экотуризму и освоению тех мест, где русского духа раньше не было, в сочетании с финансовыми возможностями, привел к началу складывания подобия русских общин в некоторых странах Океании.

Например, американские острова Гуам и Палау, которые недавно стали востребованными туристическими направлениями для жителей Дальнего Востока, сегодня приглашают русскоговорящий персонал для работы в сфере обслуживания. В этой связи регулярно привлекаются переводчики и преподаватели русского языка. Через специально созданный русскоязычный сайт гуамцы предлагают россиянам купить недвижимость на их острове – «кусочек Америки в Океании». Это означает, что в скором времени возможно появление нового поколения океанийцев – с русскими корнями.

На Тонга (с населением 120 тыс. чел.) этот процесс уже пошел (рис.7). В 2012 г. в монархическом Королевстве Тонга протоирей Михаил Протопопов¹ учредил первую Православную Миссию РПЦЗ и лично крестил двух русско-тонганских детей. За первой Православной Литургией причастились 7 человек².

На Фиджи с миллионным населением в 2000-х гг. постоянно проживали примерно 30 русских. Это были либо люди из высших слоев, жаждущих покоя и уединения на виллах в глухих фиджийских джунглях после каторжного труда в чиновничьем аппарате или

¹ Подробнее см.: Скоробогатых Н.С. Отец Михаил Протопопов – один из лидеров православия в Австралии (тезисы), здесь же

² Австралийско-Новозеландская Епархия: 22 февраля 2012 г // На островах Тонга открыта Православная миссия - <http://www.russianorthodoxchurch.ws/synod/2012/20120222.html>

на ниве крупного бизнеса, либо же искатели приключений, уверенные, что им нужно быть именно в тех местах, о которых известно мало или совсем ничего. Данная категория эмигрантов, как правило, получает доход (помимо сдачи в аренду оставленной на родине квартиры), развлекая туристов дайвингом или экскурсиями по острову. Один из таких людей несколько лет подряд вел собственный блог в интернете, где указывал на то, что русские на этом «райском острове людоедов» точно есть, но он их не видел, не говоря уже о полном отсутствии у этих людей желания объединиться в «русскую общину».

Не менее привлекательными, чем Фиджи, выглядят для русских переселенцев-экстремалов (пусть и немногочисленных) Вануату, Папуа – Новая Гвинея и некоторые острова Микронезии.

Как будут разворачиваться события в дальнейшем и сложится ли хоть на одном из тысяч островов Океании по-настоящему сплоченная русская община или даже диаспора – покажет время.

Автор благодарит за содействие в создании этой статьи следующих специалистов в области изучения Океании: Н.Б. Лебедеву, В.П. Николаева, Н.С. Скоробогатых, А.Я. Массова, В.Н. Тимошенко, Е.И. Говор и других замечательных специалистов.

**Русский след в Вануату:
содействие Н.Н. Мишутушкина в развитии российско-
вануатянских связей во второй половине XX в.**

Иванова Л.А.

Республика Вануату, расположенная в Океании в трех-четыре часах лета от австралийского Брисбена или Сиднея, 30 июля 2010 г. отпраздновала 30 лет независимости сразу от двух государств – Великобритании и Франции, под властью которых она называлась «Новыми Гебридами». Новое название «Вануату» означает «Земля, существующая вечно», или же «Наша страна навсегда», и отражает решительный настрой вануатян против оков колониализма. Граждане государства (в основном меланезийцы) назы-

вают себя «ни-вануату», что означает «люди нашей вечной земли». Общая численность населения в 2000-е гг. составляла примерно 250 тыс. чел., 78% которых обитали в сельской местности и занимались земледелием и рыболовством. 6% населения составляли выходцы из стран Европы (британцы, французы, итальянцы и др.), Юго-Восточной и Южной Азии (вьетнамцы, китайцы, индийцы и др.), Океании, Австралии, Африки и обеих Америк.

Официальные языки Вануату – бислама, французский и английский. Право претендовать на роль государственного языка также признается за любым из 115 местных языков и диалектов.

Хоть Республика Вануату и парламентское государство во главе с премьер-министром, немаловажную роль при правительстве выполняет Национальный Совет вождей – Малвату-Маури.

Дипломатические отношения с СССР были установлены 30 июля 1986 г.

Первые русские на островах Новые Гебриды

Честь открытия и обследования основной группы островов принадлежит знаменитому британскому капитану Джеймсу Куку, который в 1774 г. наименовал их Новыми Гебридами с аллюзией на Гебриды, расположенные к западу от Шотландии.

Вторым после Дж. Кука европейским мореплавателем, посетившим архипелаг Новые Гебриды, был русский флотоводец Василий Михайлович Головнин (1776–1831). Это произошло в июле 1809 г., когда шлюп «Диана» под командованием лейтенанта Головнина зашел в залив Порт-Резолюшн на острове Танна для пополнения запасов воды и продовольствия. И хотя судно находилось там неполных шесть суток, отношения, установившиеся между россиянами и местными жителями, позволили В.М. Головнину собрать в окрестностях залива большую этнографическую коллекцию. Увиденное и приобретенное на Танне было отражено Головниным в двухтомном сочинении о его первом кругосветном плавании, в котором содержатся одни из самых ранних описаний Новых Гебрид, сделанных европейскими мореплавателями. В тоже время анализ главы, посвященной аборигенам Танны, позволяет восстановить первоначальный состав и величину коллекции В.М. Головнина, которая насчитывала около 100 предметов [9, с. 209–219]. Большая их

часть была утрачена им во время японского плена [2]. В настоящее время 14 сохранившихся вещей находятся в старейшем в России Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) РАН в Санкт-Петербурге.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай был следующим россиянином, посетившим в 1879 г. архипелаг Новые Гебриды и острова Бэнкса. На шхуне «Сэди Коллер» он проследовал от о-ва Танна до о-ва Вануа-Лева. Хотя дневниковые записи ученого отсутствуют, в Русском географическом обществе сохранился цикл рисунков, созданных им во время этого путешествия. 77 из 138 листов «Альбома № 21. 1979. Melanesia» посвящены Новым Гебридам и о-вам Бэнкса. Они содержат информацию об антропологических типах населения; локальных особенностях одежды, причесок, украшений обоих полов, их половозрастных отличиях; узорах татуировки и скарификации на различных островах; архитектуре мужских домов и жилых хижин; типах сигнальных гонгов; ритуальном костюме с маской и деревянной скульптуре ранговых обществ; о ряде сакральных мест (пещеры, святилище); наконец, об оружии [10, с. 24–26].

Русские заново открывают Океанию

В 1971 г., спустя 100 лет после прибытия Н.Н. Миклухо-Маклая в Океанию, советское научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев» с отрядом этнографов на борту посетило среди других островов Южнотихоокеанского региона архипелаг Новые Гебриды [19, с. 120–128]. Здесь отечественные этнографы впервые встретились с тезкой Миклухо-Маклая – Николаем Николаевичем Мишутушкиным, который оказался потомком русских эмигрантов первой волны во Франции, а также художником и путешественником, этнографом-эмпириком и коллекционером, модельером и бизнесменом, - а впоследствии ярким общественным деятелем Вануату.

Именно с деятельностью Н.Н. Мишутушкина (1929, Бельфор, Франция – 2010, Нумеа, Новая Каледония), поселившегося в 1962 г. на Новых Гебридах, связаны регулярные культурные и научные отношения, установившиеся между Вануату и СССР (позже – Российской Федерацией).

Многие сотни тысяч граждан СССР посетили выставку «Этнография и искусство Океании», которую инициировала Академия наук СССР в связи с проведением XIV-го Тихоокеанского научного конгресса в 1979 г. в Хабаровске [4, с. 148–156; 5, с. 107–114]. Организаторами и дизайнерами выставки стали два французских гражданина (а с 1992 г. еще и граждане Республики Вануату): русский по происхождению Николай Мишутушкин и Алои Пилиоко – «русский полинезец», как прозвали его хабаровчане. К этому моменту Н.Мишутушкин и А.Пилиоко уже в течение 20 лет занимались собиранием, сохранением и экспонированием этнографических артефактов и произведений традиционного искусства народов Меланезии и Полинезии (Рис.17, 18).

700 собранных ими без преувеличения бесценных предметов демонстрировались в Советском Союзе в период с 1979 по 1986 гг. во многих городах нашей страны (Хабаровске, Новосибирске, Тбилиси, Ленинграде, Ереване, Сардарапате (Армения), Самарканде), а в Москве – целых четыре раза.

В работе выставки по линии Академии Наук (1979 – 1980) всегда участвовали собиратели привезенной коллекции – Н.Мишутушкин и А.Пилиоко. Периодически их приглашали в СССР и по линии Министерства культуры. Оба всегда и монтировали выставку, и работали на ней: А.Пилиоко создавал для всех желающих сувенирные рисунки, и зрители знакомились не только с традиционной культурой народов Океании, но и с живым ее представителем, полинезийцем с острова Увеа (в составе французского владения Уоллис и Футуна). Не менее важную роль играл на ней и лидер этого многолетнего творческого содружества Н.Мишутушкин: владея русским языком, он всегда охотно общался с публикой и водил экскурсии.

Возобновление культурных связей после распада СССР

В 1994 г. возобновились официальные контакты Российской академии наук (наследницы Академии наук СССР) с Н. Мишутушкиным и А. Пилиоко. С 30 июля по 4 октября 1994 г. в залах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) РАН в Санкт-Петербурге была развернута выставка «Вануату в зеркале искусств». И вновь первую неделю на ней работали оба кол-

лекционера. Выставка была приурочена к 14-й годовщине провозглашения независимости Республики Вануату.

В знак благодарности за приглашения и прием коллекционеры подарили различным учреждениям Академии наук нашей страны в общей сложности 100 этнографических предметов из Океании. По мысли Н.Н. Мишутушкина, они должны были положить начало Музею Океании в Москве – столице Тихоокеанской державы. 70 предметов этого дарения легли в основу Этнографического кабинета, созданного в 1991 г. в Институте этнологии и антропологии РАН (который, по иронии судьбы, был назван в честь этнографа Николая Николаевича Чебоксарова – тезки Н.Н. Мишутушкина).

Успех выставок был поистине ошеломляющим. Экспозиции всегда положительно освещались в отечественной прессе и на телевидении. В свою очередь, в Вануату тоже узнавали о загадочном СССР: каждый раз после окончания работы очередной выставки в том или ином городе Советского Союза Н.Мишутушкин по возвращении домой рассказывал о ней в местных океанийских СМИ, богато иллюстрируя свои статьи фотографиями посещенных городов и видами экспозиции. В СССР он публиковался на страницах журнала «Советская этнография» с рассказом о праздничных мероприятиях, посвященным дню независимости Республики Вануату, которые проходили в столице Порт-Виле [15, с. 15–19], и в «Этнографическом обозрении» с воспоминаниями о встречах с советским историком и этнографом, академиком Ю.В. Бромлеем [16, с. 15–17]. Н.Мишутушкин был также соавтором Каталога выставки «Этнография и искусство Океании», вышедшем в Москве на русском [6, 148 с., 132 илл.], французском и английском языках [21, 191 p., 132 ill.].

Деятельность Н.Н. Мишутушкина не ограничивалась искусством. В 2007 г. Департамент иностранных дел Республики Вануату утвердил его Почетным консулом по культуре в Российской Федерации (на что, правда, с российской стороны ответа не последовало).

Н.Мишутушкин был участником многих научных конгрессов, художественных форумов, различных конференций и съездов. Так, в июне 2009 г. он участвовал в работе третьей Конференции

российских соотечественников Азиатско-Тихоокеанского региона в Канберре (Рис. 17). В том же году по приглашению Фонда «Русский мир» он выступил на Третьей Ассамблее Фонда¹ в Москве с рассказом об открытии в Вануату памятника вице-адмиралу В.М. Головнину, первому из российских мореплавателей посетившему о-в Танна в архипелаге Новые Гебриды (Рис.19, 20).

Бюст В.М. Головнина был создан в России замечательными московскими скульпторами отцом и сыном Николаем Александровичем и Василием Николаевичем Селивановыми [13]. Памятник был установлен и открыт в Порт-Виле 28 июля 2009 г. по инициативе Фонда «Н.Н. Мишутушкин – А. Пилиоко» при спонсорской поддержке русской диаспоры за рубежом и содействии Российского Фонда «Русский мир» в память 200-летия первых контактов между обитателями архипелага и россиянами. Вместе с главой Представительства Еврокомиссии в Вануату Н. Мишутушкин издал к знаменательному событию буклет «In commemoration of 200 years of the first contacts between Russia and New Hebrides. 1809–2009» и выпустил памятные почтовые марки в соавторстве с А. Пилиоко.

Торжества в Порт-Виле по случаю открытия памятника В.М. Головнину превратились в Первый международный фестиваль русской культуры в Вануату, который объединил соотечественников из Австралии, Новой Зеландии, Фиджи и прочих островных государств Океании. Во время фестиваля была развернута фотовыставка работ Александра Кулешова, члена союза журналистов РФ, состоявшая из нескольких разделов: первая серия снимков знакомила океанийцев с Россией; другая была посвящена пребыванию Н.Н. Мишутушкина и А. Пилиоко в СССР; третья запечатлела весь процесс создания памятника В.М. Головнину, начиная от лепки модели, отливки, обработки и доставки на Вануату.

В 2010 г. Н.Н. Мишутушкин планировал провести Второй международный фестиваль русской культуры в Вануату, посвященный русскому языку, на котором художник великолепно говорил с детства. Фестиваль должен был совпасть по времени с планируемой

¹ Подробнее см.: Толорая Г.Д. О деятельности Фонда «Русский мир» по распространению русского языка, русской культуры и поддержанию связей с зарубежными соотечественниками, здесь же

установкой второго бюста В.М. Головнина на о-ве Танна [12, с. 97–110]. Однако неожиданная кончина Н.Н. Мишутушкина 2 мая 2010 г. после перенесенной операции оборвала эти планы.

Жизнь Николая Николаевича Мишутушкина отразила судьбу целого поколения людей, которых мы сегодня именуем зарубежными соотечественниками. Как точно сформулировал петербургский профессор А.Я. Массов в письме от 5 мая 2010 г. по поводу кончины Николая Николаевича: «Уходит та, уже старая часть русской эмиграции, дети первой волны, которые могли и хотели сохранять русскую культуру в Зарубежье. Хотя и грустно, но тут уж ничего не поделаешь. Рано или поздно русское Зарубежье (то, которое с большой буквы) уйдет».

В лице Н.Н. Мишутушкина мы потеряли заинтересованного, неравнодушного к нашей стране человека, одаренного до последних дней жизни фантастической энергией, всегда готового к сотрудничеству. Действительно, он принадлежал к поколению детей первой волны русской эмиграции, сохранивших язык и любовь к родине предков, несмотря на все испытания, выпавшие на их долю. Вечная ему память!

Примечания

1. Бутинов Н.А. Путь к берегу Маклая. Хабаровск, 1975
2. [Головнин В.М.]. Записки Флота Капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С прибавлением замечаний его о Японском государстве и народе. Части 1–3. СПб., 1816
3. [Головнин В.М.]. Путешествие Российскаго Императорскаго шлюпа Дианы, из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством Флота лейтенанта (ныне Капитана 1го ранга) Головнина в 1807, 1808 и 1809 годах. СПб. 1819. Ч. II, гл. 3
4. Иванова Л.А. Выставка «Этнография и искусство Океании» // СЭ. 1980. № 3
5. Иванова Л.А. Этнография и искусство Океании // Вестник АН СССР. 1982, №1
6. [Иванова Л.А., Мишутушкин Н.Н.]. Каталог выставки «Этнография и искусство Океании» из Фонда Н. Мишутушкина – А. Пилиоко. М., 1985
7. Иванова Л.А. Европейские открытия и номинации в архипелаге Вануату (Новые Гебриды) XVII–XVIII вв. // Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 2–3. СПб., 1995
8. Иванова Л.А. Выставка в МАЭ к 14-ой годовщине независимости Республики Вануату // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 7. СПб., 1995
9. Иванова Л.А. О первоначальном составе новогеебридской (вануатуанской) коллекции вице-адмирала В.М. Головнина // Курьер Петровской Кунсткамеры, 1995. Вып. 2–3

10. Иванова Л.А. Вануатуанские (новогебридские) листы «Альбома № 21. 1879. Меланезия» Н.Н. Миклухо-Маклая из РГО РАН // Выдающийся путешественник и гуманист (Материалы к Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.Н. Миклухо-Маклая). СПб., 1996
11. Иванова Л.А. Новоггебридская (вануатуанская) коллекция В.М. Головнина из МАЭ (к 220-летию со дня рождения мореплавателя) // Этнографическое обозрение. 1998, № 2
12. Иванова Л.А. Н.Н. Мишутушкин и выставка «Этнография и искусство Океании» (к 80-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. 2010, № 2
13. Козлова Е. Мир скульптора Николая Селиванова. М., 2009
14. Крюков М.В. Этот таинственный остров Эроманга. М., 1989
15. Мишутушкин Н.Н. Фестиваль искусств народов Вануату // Советская этнография. 1980. № 6
16. Мишутушкин Н.Н. Академика Ю.В. Бромлея помнят в Океании // Этнографическое обозрение. 2001. № 4
17. Окладникова Е.А. «Вануату в зеркале искусств» и проблема этнокультурных контактов в бассейне Тихого океана // Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып 2–3. 1995
18. Путилов Б.Н. Журнал «Знамя»
19. Тумаркин Д.Д. По островам Океании (Этнографические работы во время 6-го экспедиционного рейса «Дмитрия Менделеева») // Советская этнография. 1972. № 2
20. [Cook J.]. The Voyage of the Resolution and Adventure 1772–1775. Ed. from the original Manuscripts by J.G. Beaglehole with the assistance... Hakluyt Society. Extra Series. No. XXXV. Cambridge, 1961
21. [Ivanova L.A., Michoutouchkine N.N.]. Catalogue of the Exhibition «Ethnography and Art Oceania» of N. Michoutouchkine – A. Pilioko Foundation. 2nd ed. revised and supplemented. Moscow, 1989. 191 p.; 132 ill.
22. Pacific Islands Yearbook. Ed. by N. & N. Douglas. 17th edition. Suva, 1994
23. Vanuatu. 10 years of independence. First published in Australia. Printed in Australia for the Government of the Republic of Vanuatu. NSW, 1990

Образ Советской и современной России в произведениях индонезийских и малазийских писателей (тезисы)

Погадаев В.А.

Для многих литераторов Индонезии и Малайзии Советская Россия и ее литература были источником вдохновения и подражания. Индонезийский писатель Идрис писал, в частности: *«Индонезийцев влекло к русской литературе то, что она открывала перед нами необъятный мир больших личностей с открытыми душами,*

описывала бескрайние просторы страны, страшные катаклизмы и страдание народа, огромную любовь к родине, высокие идеалы, бесконечную готовность к самопожертвованию... За столетия голландского господства индонезийцы свыклись со своей незначительностью. Русская же литература уносила нас в бескрайний великий мир, была для нас единственным убежищем от чувства неполноценности...»¹.

Как отмечал малазийский писатель Абдул Самад Саид, один из основоположников движения «пятидесятников», выступавшего с лозунгом «Литература для общества», «произведения русских писателей помогли мне понять смысл жизни... Через эти произведения мы, представители «Поколения-50», начали осознавать существование другого, целеустремленного, полного разнообразия и достоинства мира...»².

Эта же мысль прослеживается и в высказываниях другого малазийского писателя Усмана Аванга: «Произведения русских писателей являются лучшим свидетельством того, как литература (и в целом искусство) могут стать орудием борьбы народов за свое освобождение от угнетения, жестокости и цепей феодализма».³ Не случайно роман основоположника «социалистического реализма» А.М. Горького «Мать» был не просто популярен среди интеллигенции того периода, но и стал знаменем «пятидесятников».

Примечательно, что индонезийские и малазийские писатели, которым удавалось посетить Советскую Россию, отмечали в своих произведениях, навеянных их поездками, главным образом положительные аспекты социалистического строя. Например, в стихах малазийских поэтов Мохаммада Хаджи Саллеха («Дом Толстого»,

¹ Idrus, Pengaruh luar dalam kesusasteraan Indonesia. - Цит. по: Hooykaas C., Perintis sastra. Groningen-Jakarta: Wolters 1951, hal. 234-135.

² Abdul Samad Said. "Kata Alu-Aluan". – Mawar Emas. Bunga Rampai Sastra Rusia.. Kuala Lumpur: Institut Terjemahan Negara Malaysia, 2009, p. xiii-xiv

³ Usman Awang. "Kata Pengantar Buku "Nelayan dan Ikan Mas" Penyair Pushkin". – Victor A. Pogadaev

Penyair Agung Rusia Pushkin dan Dunia Timur. Monograph Series. Centre For Civilisational Dialogue. N 6. Kuala Lumpur: University of Malaya, 2003, p. 62

«Пиковая дама Пушкина»)¹ и Кемалы («Мим 42») обращается внимание на заботу в России о культурном наследии, на отзывчивость и доброту советских людей. Кемала уже видит также грядущие перемены, но пытается взглянуть на события объективно:

*Грустно мне, о, русская земля!
Я на вкус попробовал тебя.
Революции, поэты. Твой народ
Все идеологией живет.
А кругом музеи и соборы,
Живопись, мозаики узоры.
Только лица так печальны и грустны,
А глаза страдания полны.
В них и хлеб, и водка, сыр
Коммунизм почти уж сгнил².*

Современная Россия в произведениях современных авторов подается в гипертрофированно негативном виде. Примечательна в этом смысле повесть популярного ныне индонезийского писателя Хабибуррахмана Эл-Ширази «Земля любви», действие которой происходит в России³. Писатель помещает своего героя, правверного мусульманина, в условия России, которая предстает перед читателем как страна разврата, порнографии и засилья криминальных группировок. Ее населяют несимпатичные (холодные, недружественные) люди, не способные на высокие чувства. «Враги веры повсюду. Их можно встретить в любой момент. И они более жестокие, злые, хитрые и коварные по сравнению с врагами в других свободных странах, как например, в США»⁴. Такое впечатление, что в повести собраны все негативные стереотипы в отношении России, которые складываются за рубежом под влиянием западной прессы. Герой, конечно, выходит победителем в этой схватке с «врагами».

¹ Мухаммад Хаджи Саллех. «Пиковая дама»Пушкина» - Покорять вышину. Стихи в переводах Виктора Погадаева. М.: ИД «Ключ С», 2009, с. 17. Кемала. Мим 42 – ibid, с 26

² Кемала. Мим 27. – Цветы далеких берегов. Из современной малайской поэзии. «Азия и Африка сегодня», № 11, 2008, с. 75

³ Hdbiburrahman El Shirazy. Bumi Cinta. Jakarta: Ihwah, 2012

⁴ Ibid, p.6

Он не только сохраняет свою веру, но и наставляет на путь истинный своего соотечественника, погрязшего в разврате, и даже обращает в ислам русскую девушку.

Отсюда следует вывод, что российские представительства за рубежом, и особенно центры российской науки и культуры, должны более активно вести работу по созданию положительного имиджа современной России среди населения стран, в которых они работают, опираясь на положительный опыт прошлого.

Русская община на Цейлоне в 1898-1914 гг.

Загородникова Т.Н.

Зарождение русской общины на острове Цейлон (после независимости в 1972 г. Шри-Ланка) следует отнести к 1898 г. Именно в этом году русские купцы перешли к прямым закупкам чая на Цейлоне, а до этого цейлонский чай закупался в Лондоне. В Коломбо обосновались представители фирм «Молчанов, Печатнов и К^о», «Щербачев, Чоков и К^о», «Токмаков, Молотков и К^о» и др. С этого начались торговые отношения между нашими странами, и импорт цейлонских чаев рос год от года.

Необходимость иметь русского консула на Цейлоне была осознана уже в начале 1880-х гг. Военные моряки первыми поставили этот вопрос перед российским МИДом. Сначала исполнение обязанностей консула возлагалось на живущих на острове иностранных коммерсантов (такая практика была общепризнанной в то время): так, в 1882 г. первым российским дипломатическим представителем стал купец-американец Энтони Дельмеж. С 1890 г. вся деловая активность острова сосредоточилась в Коломбо, и российские суда заходили в этот порт на пути следования из европейской части России на Дальний Восток и обратно. На восток, на окраину империи, перевозили переселенцев, войска, каторжников, охрану, рабочих на строящуюся Восточно-Китайскую железную дорогу, чиновников, следовавших по своим разнообразным административным нуждам, путешественников. В отчете вице-консула В.К. Шнейдера за 1900-1901 гг. говорится, что еженедельно через Ко-

ломбо проходило до 2000 человек русских, главным образом, новобранцев и законтрактованных для работы на Дальнем Востоке¹.

Цейлон был важен для России не только как важный порт на пути из европейской части страны на Дальний Восток и обратно, но и как производитель и поставщик чая, в гораздо меньшей степени – других колониальных товаров: копры, кофе, какао, ратана, графита.

Колония русских, постоянно живших на Цейлоне, в начале XX века насчитывала несколько десятков человек. По тем временам это было очень значительное количество, а с учетом временно проживавших там русских, делавших по разным причинам остановки в Коломбо, численность общины значительно возрастала. Кто были эти люди, временно пополнявшие русскую общину Цейлона? По-видимому, больше всего было пассажиров русских судов, вынужденные задержаться на берегу из-за болезни или по каким-то другим обстоятельствам, а также дезертиров. Были и специально приезжавшие на Цейлон путешественники-охотники, например многочисленные представители царской семьи и их свиты: Великие Князья Александр и Сергей Михайловичи (1891), Борис Владимирович (1902 и 1911) и цесаревич Николай (1891). До сих пор в ботаническом саду Перадения сохранилось дерево, посаженное будущим императором Всероссийским Николаем II.

Этот сад и его филиалы в других районах острова привлекали биологов разной специализации. Например, в 1891 г. на Цейлоне побывал В.А. Тихомиров, экстраординарный профессор фармакогнозии и фармации Московского университета, доктор медицины, специалист в области акклиматизации лекарственных растений и чая, в 1895 г. – А.Н. Краснов, ботаник и географ, профессор Харьковского университета. С его именем связана также первая комплексная правительственная сельскохозяйственная экспедиция на Восток, в том числе и на Цейлон, для «изучения чайного дела», в которой приняли участие и другие российские специалисты. Были среди ученых и натуралисты. В.И. Липский, главный ботаник Императорского Петроградского ботанического сада, и сотрудник того же ботанического сада А.И. Михельсон занимались составлением

¹ АВПРИ, ф. 155, I-5, оп. 407, д. 917, л. 10-11 об.

гербария и сбором зоологической коллекции. Все они жили на острове не один месяц, хотя большинство времени проводили в разъездах.

Но, конечно же, большинство временных посетителей приезжало на Цейлон для изучения «чайного дела». Среди них в 1890–1891 гг. был и купец-чаеоторговец Попов К.С., потомственный почетный гражданин города Москвы. Человек дела, уже к 1896 г. он создал чайную плантацию и открыл чайную фабрику около Батуми, пригласил в Россию англичанина, специалиста по переработке чайного листа.

Помимо науки и торговли, Цейлон привлекал россиян разными сторонами своей культуры, истории, красивейшими ландшафтами. Обряд посвящения в буддизм здесь прошла Е.П. Блаватская в 1880 г. Хамбо-лама Восточной Сибири Чайзин Урельтуев приехал сюда в 1900 г. для изучения буддизма и поклонения святым местам.

Сотрудники петербургской Кунсткамеры супруги Людмила Александровна и Ганс Христианович Мерварты были командированы на остров в 1914 г. для составления этнографических коллекций.

Наконец, люди искусства приезжали сюда просто для того, чтобы получить новые впечатления этот любопытнейшего уголка Земного шара: среди них были поэты И.А. Бунин, К.Д. Бальмонт, художники В.В. Верещагин, В.А. Ватагин, А.И.Кравченко, писатели А.П. Чехов, Б.И. Житков и другие. Цейлон никого не оставлял равнодушным. Вспомним шуточные строки И.А.Бунина в письме к своему другу писателю Н.Ф. Телешеву из цикла стихотворений о Цейлоне:

*Я живу у Сандунова на полке,
С ананасами, бананами в руке.
Сверху жарит, снизу парит... Я совсем,
Извините, стал бесстыжим: только шлем.
Змеи, тигры, сингалезы и слоны!
Возвратите мне, мерзавцы, хоть штаны!*

Но основу русской общины составляли все-таки постоянно жившие на острове русские.

К сожалению, подробности их жизни нам во многом не известны. С полной уверенностью можно лишь сказать, что их работа была не из легких. Полный штат вице-консульства состоял из вице-консула и консульского агента, но одновременно обе эти должности редко бывали заняты, а с 1910 г. обязанности вице-консула постоянно исполнял консульский агент. На должности консульского агента, иногда с определением «нештатного», оказывались главным образом представители чайных фирм, которые жили на острове. Единственным консульским агентом, который был прислан непосредственно из России, был Б.П. Кадомцев. Он приступил к работе в 1913 г., а последнее его донесение было составлено 14 мая 1917 г.

Служба вице-консула на Цейлоне предполагала, с одной стороны, хороший статус и приличное жалование, но на практике это был напряженный труд в непривычных, тяжело переносимых, часто просто вредных для здоровья климатических условиях. Из пяти вице-консулов и трех консульских агентов один, В.К. Шнейдер, скончался на следующий год по возвращении в Россию; другой, А.Ю. Булах, сошел с ума, был депортирован в сопровождении санитаров на родину и уволен со службы по болезни; третий – Н.П. Данилов в июне 1899 г., прожив около года в Коломбо, писал на родину, что он тяжело болен, скорее всего, это чахотка: сильная слабость. Местный доктор посоветовал переехать в местность с сухим климатом. Данилов также просил друга поспособствовать его переводу куда-нибудь в более здоровое место¹. Т.К. Чокков, старожил острова, покончил жизнь самоубийством. Чокков поселился на острове в 1898 г., основал свою чаеоторговую фирму, успешно экспортировал чай, пытался заинтересовать русских купцов в торговле с Цейлоном, сам старался наладить экспорт из России, не раз в отсутствие вице-консула исполнял его обязанности. В своей предсмертной записке он написал, что знает о своей неизлечимой болезни сердца и не хочет больше страдать².

Причину высокой смертности и болезней в этом «крае земном» (по выражению А.П. Чехова, который пробыл на острове не более 3-х дней) прекрасно описал В.И. Липский, главный ботаник

¹ АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 3378, л. 25-27 и об.

² АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 1128, л. 14

Императорского Петроградского ботанического сада: «Временный посетитель не знает и даже часто не подозревает массы тропических неприятностей вроде термитов, москитов, пьявок (которые сидят в траве и легко залезают под одежду), разных других неприятных насекомых, змей и т. п., не говоря уже о тропических дождях и сопряженных с ними удовольствиях, вредном климате, об известном неудобстве для организма, сопряженном с такой банной температурой, вообще с полной переменой режима жизни. Все это несомненно отражается и иногда ведет в конце концов к заболеваниям». Но тут же он сам себя опровергает: «Цейлон в этом отношении принадлежит к более мягким здоровым странам (почти нет лихорадок), где европеец уживается легче. Но в Индии эксцессы климата более чувствительны, а в некоторых местах прямо губительны. Отсутствие лихорадок и разных других болезней, значительная его культурность делают Цейлон, так сказать, лучшей тропической страной. А присутствие гор в центре его создает еще ряд климатических совершенно умеренных станций, где европеец чувствует себя совершенно в своей обстановке. В несколько часов из сравнительно жаркого Коломбо вы переноситесь по железной дороге в умеренную Перадению, Кэнди, а затем и довольно прохладную Нурелию (Нювара Элия), лежащую на высоте 6000 фут., где ночью не мешает покрыться и теплым одеялом. Поэтому репутация Цейлона, как сравнительно мягкой и удобной для европейца тропической страны, совершенно справедлива».

Русская община на Цейлоне конца XIX – начала XX века была довольно сплоченной, жившей своей внутренней жизнью. Инициативы, например, собрать деньги и на них купить книги, чтобы при вице-консульстве была библиотека русской литературы, или послать прошение в Синод об открытии на острове православной миссии встречали понимание и поддержку. Вице-консул В.К. Шнейдер приложил много усилий для основания православного храма в Коломбо. Три русские чайные торговые фирмы подписали соглашение, по которому они обязались жертвовать с каждых вывозимых с Цейлона ста английских фунтов чая по одному центу на

русскую церковь и кладбище¹. Вице-консул в частных письмах в Россию писал о необходимости открытия православной церкви в Коломбо и старался заинтересовать этим разных лиц в Петербурге. Эти призывы не остались без ответа: из столицы были высланы иконы и церковные принадлежности. Тогда на следующем собрании русской колонии все три русские торговые дома обязались отпустить на содержание священника по 1 800 рупий в год. Кроме того, Т.К. Чоков в качестве частного лица предоставил часть своего помещения для временной домово́й церкви. К сожалению, все эти шаги русской общины на Цейлоне не нашли понимания в Москве: из Синода был получен отказ². В 1909 г. вице-консул А.Ю. Булах попытался на собранные для этой цели деньги (1600 рупий) основать в пику англичанам русский клуб, в который вошло 14 членороссийян. К сожалению, и эта затея провалилась³.

Жизнь русской общины не была оторвана от России. Регулярные остановки российских кораблей в порте Коломбо служили связующей нитью с родиной. В 1908 г. Л.Н. Толстой получил от русской колонии на Цейлоне поздравительную телеграмму по случаю своего 80-летия и книгу «Picturesque Ceylon», а также некоторую сумму денег для раздачи нуждающимся. 5 марта 1909 г. он написал и отправил в Коломбо благодарственное письмо: «Вчера получил вашу великолепную книгу о Цейлоне и благодарю вас за нее, за благотворительные деньги 176 рублей, которые думаю, что распределил сообразно вашему желанию между бедными вдовами нашего околотка. Благодарю еще за добрые слова, сказанные в день моего рождения, и, главное, за те добрые чувства, которые выражены мне так далеко живущими соотечественниками»⁴.

Такова была русская община на Цейлоне в начале XX в. В те годы закупки чая неизменно росли, освоение Дальнего Востока

¹ На Цейлоне, естественно, не существовало православного кладбища, и усопших русских хоронили на общем христианском кладбище. По местным правилам, по истечении трех лет в ту же могилу могли еще кого-нибудь захоронить.

² АВПРИ, ф. 155, I-5, оп. 407, д. 1168, л. 13-14. Русские на Цейлоне в XIX – начале XX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: Институт востоковедения РАН. 2010. Док. № 60

³ АВПРИ, ф.147, оп. 485, д. 3379, л.116, 120–121

⁴ Толстой Л.Н. Юбилейное собрание сочинений. Т. 79. № 110

продолжалось, а российские корабли продолжали заходить в порт Коломбо. И русская община на Цейлоне имела бы перспективы к развитию, если бы не немецкие крейсера, появившиеся близ острова вместо русских кораблей с началом Первой мировой войны, и не последовавшая затем Октябрьская революция 1917 г., которая надолго закрыла Коломбо для советских судов.

Интернет-сообщество как фактор формирования русскоговорящих общин в Юго-Восточной Азии в 2000-е гг.

Писаревская Д.Б.

Как известно, в последние несколько лет в Юго-Восточной Азии (ЮВА) начали появляться русскоязычные общины. Это не только эмигранты, решившиеся на окончательный переезд в южно-азиатскую страну (таких меньшинство), но и люди, рассчитывающие пробыть там лишь некоторое время (временные мигранты). При этом их количество варьируется в пределах 1-10 тыс. чел., в зависимости от «освоенности» той или иной страны ЮВА. Таким образом, главной особенностью русскоговорящих общин в ЮВА является их непостоянство. О том, как сохраняется целостность в такого рода мобильных общинах, пойдет речь ниже.

Итак, русскоговорящие временные мигранты в ЮВА – это, во-первых, молодые люди, приехавшие на учебу или работу по молодежным программам. Во-вторых, это путешественники более старшего возраста, намеревающиеся провести один-два года в регионе, чтобы изучить его достопримечательности. Если у них получается, они устраиваются на временную работу, например, в туристические фирмы, работающие с Россией. В-третьих, это разновозрастная группа, во многом совпадающая со второй, - т.н. «дауншифтеры»¹, которые накопили сбережения или сдают квартиру на родине и на эти деньги живут в какой-либо из стран ЮВА.

¹ Дауншифтинг (англ. downshifting, замедление какого-либо процесса) – термин, обозначающий жизненную философию отказа от доходов и стрессов ради душев-

Все эти категории временных мигрантов объединяет единая коммуникативная площадка – сеть интернет. Существует несколько наиболее посещаемых сайтов, форумов и блогов, которые были проанализированы автором для того, чтобы можно было судить, сколько наших соотечественников проживает в той или иной стране ЮВА, чем заняты их умы и как проходит их жизнь в целом.

Форумы на сайте «Восточное Полушарие» (polusharie.com)

Прежде всего, рассмотрим созданный в 2002 г. самый посещаемый сайт по странам ЮВА – «Восточное Полушарие». Обратимся к разделу «Вьетнам». Здесь содержится множество самых разнообразных тем, от образования и работы до фотографий достопримечательностей; также есть подраздел «Помощь соотечественникам в экстренной ситуации». Встречаются сообщения самые неожиданные, – например, о концерте русской музыки в Хошимине. А тема «Китайская виза на границе Вьетнам-Китай, у кого есть опыт?» прочитана 2907 раз на 04.2011. Обсуждаются также вопросы о вьетнамской кухне, вьетнамском языке.

Отдельно выделены темы по встречам участников форума – русскоязычных жителей Вьетнама. Например, в теме «Новый 2010/11 год в Хошимине» ее автор задает вопрос, будет ли кто-нибудь отмечать праздник традиционно в русскоязычной компании, чтобы можно было к ним присоединиться и «вместе песни под гитару на русском попеть». Один из ответов таков: «Русские в Хошимине обычно празднуют своими маленькими компаниями. В этом году мы втроем сделали первую попытку собрать всех на русское Рождество 7 января. Всех не получилось, но человек 120 пришло. В феврале мы собрались тесным кругом, кажется человек 20. В марте, жаль, меня не было, но говорили, было несколько десятков наших на встрече». В теме «Жизнь в Сайгоне», открытой в 2008 г., обсуждают различные бытовые вопросы, от цен на интернет до объявлений о скидках в супермаркете или преимуществ и недостатков навигаторов по Вьетнаму. Но одно из первых сообщений таково: «Как-то так получается, что нас становится все больше и больше.

ного комфорта за меньшее вознаграждение. Очевидны идеологические параллели с культурой хиппи.

Кто-то приезжает, о ком-то узнаешь здесь. Вопросов много – начиная от того где что купить и заканчивая – в каком отеле отдохнуть... возникла идея – не объединиться ли нам?.. Предлагаем каждую вторую субботу месяца (для начала и возможны коррективы) часов в 8 вечера в русском ресторане».

Наиболее обсуждаемыми являются темы, посвященные деловым вопросам, где соотечественники делятся друг с другом личным опытом и дают советы, которые можно получить только от русскоязычных жителей, попадавших в аналогичные ситуации. Это темы по работе во Вьетнаме (23928 просмотров на 04.2011), бизнесу во Вьетнаме (23413 просмотров), получению визы во Вьетнам (28388 просмотров), о русско-вьетнамских парах (22055 просмотров), о планах переехать во Вьетнам, приобрести недвижимости в стране.

Как мы видим, форум выполняет координирующую функцию, выступая одним из немногих средств коммуникации для русскоязычных жителей страны. С его помощью они знакомятся между собой, встречаются на «оффлайновых» мероприятиях, обмениваются опытом, дают советы по вьетнамским реалиям тем, кто недавно переехал в страну, что служит формированию, по словам одного из участников форума, «русскоязычной общины Хошимина» и других городов. Конечно, роль форума не следует переоценивать, он является в определенной степени коммерческим проектом (обычно на подобных форумах публикуются платные объявления), однако он служит сплочению русскоязычной общины Вьетнама, а также предоставляет ценную информацию туристам. Популярны темы, сравнивающие Вьетнам и Китай (23247 просмотров) или посвященные отдыху во Вьетнаме (28536 просмотров), причем в них пишут и жители соседних стран ЮВА, что способствует координации русскоязычной диаспоры в регионе в целом.

На этом же форуме есть раздел «Другие страны Азии». Здесь среди тем – «Сингапур», «Бизнес на Филиппинах», «Хотим просто пожить полгода-год. Где?», «Бюджетный отдых в Индонезии», «Работа в странах ЮВА», «О визах», «Как лучше попасть в Лаос? И насколько?», «Помогите с маршрутом по Бирме».

Форумы на сайте «Индостан.ру» (indostan.ru)

Следующий популярный среди русскоговорящих мигрантов в Азии сайт, который следует рассмотреть, – это «Индостан.ру» с форумами по Индии, Гоа, Шри-Ланке, Таиланду, Непалу, Тибету. Интересной показалась новость 2011 г. о том, что «Ассоциация отелей Таиланда отправит барменов, менеджеров, горничных и всех служащих гостиничного бизнеса страны изучать русский язык».

Форумы на специализированных сайтах по странам ЮВА

Туристические фирмы, работающие по направлениям ЮВА, также имеют свои форумы. Удачный пример – сайт «Ivan Susanin. Тайская система бронирования отдыха» (ivan-susanin.com), работающий с 2003 г. 21 мая 2011 г. сайт собрал участников для проведения акции «Встреча в Бангкоке. Раздача георгиевских ленточек».

Форум с названием «Клуб друзей Таиланда» (farang.ru) обсуждает самые разные темы, от сугубо прикладных (сдача жилья, свой бизнес) до посвященных культуре страны (таеведение: буддизм, история, кино...). К слову, в Таиланде самая большая русскоязычная диаспора в регионе с собственными газетами и телевидением.

На этом тайском форуме есть и раздел по другим странам ЮВА – Лаосу, Камбодже.

Отдельно на форуме представлен раздел «Реальная жизнь» (встречи, проводы, вечеринки и т.п.). В нем самой первой темой выделена «Наши тематические вечеринки», далее – «Пасха в Бангкоке», «Пасха Паттайя», «Рыбалка», «Караоке завтра», «Футбол Россия-Армения. Кто хочет посмотреть игру в компании», «Новый год в Бангкоке. На корабле по Чао Пхрае», «Познакомимся» и «Фаранги¹ Москвы, давайте встретимся!». Примечательно, что «фаранги Москвы» встречаются, даже будучи в Москве.

Следует отметить, что в Таиланде значительной консолидирующей силой для русскоязычной диаспоры выступает православная церковь (цитата с форума: «Привет всем Русским, живущим в

¹ Фаранг (тайский яз.) — это слово используется тайцами для названия европейцев. Слово прочно вошло в обиход среди туристов и европеоидного населения, проживающего в Таиланде.

Паттайе! Христос Воскресе! Прилетала с Пхукета к вам специально на Пасхальную службу!»).

Активное обсуждение бытовых тем говорит о высокой степени сплоченности тайского русскоговорящего интернет-сообщества, как и в рассмотренном выше случае с Вьетнамом.

Отдельный форум посвящен проживанию в Камбодже. Это «Баранг¹.ру» (barang.ru). Его структура стандартная по сравнению с аналогичными форумами. Есть разделы «Новости Камбоджи», «Все о Камбодже» («Ангкор и другие храмы», «Пномпень и окрестности», «Кхмерская история и культура», «Кхмерский язык» (обсуждают вопросы кхмерской раскладки клавиатуры) и т.д. Есть разделы «Наши там» и «Наши соотечественники в Камбодже», «Православная церковь в Камбодже», «Дауншифтинг в Камбодже». Есть тема поздравлений и пожеланий, выполняющая интегрирующую и идентифицирующую функцию для участников форума.

Специально Малайзии посвящен сайт «Малайзия. Русскоязычное сообщество» (msia.ru). Рубрики на нем стандартные, разве что с несколько большим культурным акцентом. Отдельно выделен подраздел «Отчеты и записки о Малайзии» (впечатления путешественников о стране). Есть разделы поздравлений, встреч форумчан, конкурсов для участников форума, объявлений.

Представляется интересным, что в Малайзии существует и активно действует Российский Центр Науки и Культуры. Анонсы его мероприятий размещаются в разделе форума, посвященного культурной жизни. Также одна из постоянных тем – «Православная община Русской Православной Церкви в Малайзии».

На этом форуме присутствует большой посещаемый раздел по соседним странам – Таиланду и Сингапуру.

Небезынтересно отметить, что совсем недавно, в 2011 г., в связи с постоянным ростом русскоязычной общины в Сингапуре появился сайт «Русский клуб в Сингапуре» (russiansingapore.com), набравший большое количество участников.

¹ Баранг – в переводе с кхмерского значит «белый иностранец»

Интернет-дневники (блоги) как консолидирующий фактор русскоговорящих общин в ЮВА

В странах ЮВА работает немало корреспондентов российских СМИ. Многие из них становятся чрезвычайно популярными в интернет-сообществе, участники которого делятся друг с другом ссылками на их интернет-дневники (блоги), в которых те описывают свои впечатления о стране, помещают путевые заметки из поездок по разным местам. Конечно же, не все, кто ведет блоги (блоггеры), принадлежат к работникам пера, однако бывали случаи, когда они издавали свои книги на основе своих собственных материалов. Не менее популярными становятся некоторые гиды, блоги которых туристы советуют друг другу.

Об одном блоге хотелось бы рассказать отдельно. Его с 2004 г. ведет Михаил Цыганов по Индонезии (m-tsuganov.livejournal.com), и это, на мой взгляд, один из наиболее информативных проектов. Этот блог правильнее было бы назвать «Все об Индонезии и рядом», как пишет сам автор. Он является профессиональным востоковедом, причем потомственным: его отец также был востоковедом и провел в Индонезии в командировках более 10 лет. В 1982 г. М.Цыганова окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ по специальности историк-востоковед и референт-переводчик индонезийского языка. Проработал в ТАСС десять лет, последние три – в качестве заведующего бюро в Малайзии. Затем, с января 2004 г., работал корреспондентом Регионального представительства РИАИАН в Юго-Восточной Азии, освещая, помимо Индонезии, еще и Бруней, Малайзию, Сингапур и Филиппины.

Блог этого автора похож на своего рода энциклопедию по Индонезии. Дополнительную интересную информацию М. Цыганову присылают разные люди, и он размещает ее в своем интернет-дневнике. Это и фотографии животных, и экскурсии в историю, и репортажи с выставок. Записи в блоге собирают большое количество комментариев, выполняющих, опять-таки, функцию консолидации русскоязычных людей, проживающих в странах ЮВА.

Благодаря интернет-дневникам есть возможность познакомиться, наладить общение между собой. Для русскоязычных ми-

грантов, проживающих в странах ЮВА, существуют сообщества в «Живом журнале» (объединяющем сотни тысячи блогов и блоггеров), однако они собирают все же меньше участников, чем форумы. Форумы служат для общения и обмена опытом, интернет-дневники – в первую очередь для путевых заметок и информации о стране, и только потом – для общения.

В заключение можно сделать вывод о том, что главной тенденцией в таком относительно новом процессе как формирование русскоязычных общин в странах ЮВА является то, что русскоговорящие мигранты сначала консолидируются в интернет-сообщества благодаря сайтам, форумам и блогам, и только потом объединяются в сообщества в реальной жизни.

Особенности российской эмиграции в Японию (XX в.)

Кириченко А.А.

Можно выделить четыре волны российской эмиграции в Японию. После большевистской революции 1917 г. несколько сот россиян покинуло родину и нашло убежище в Японии. Власти этой страны не очень привечали пришельцев, и большинству из них пришлось переехать в другие страны, но те, кто остались, сыграли заметную роль в развитии культурной составляющей японского общества.

Вторая волна пришлась на 1931 г., когда Япония оккупировала Маньчжурию, где находилось значительное число русских, которые покинули родину после воцарения власти большевиков на Дальнем Востоке. В Маньчжурии, и особенно в Харбине, который даже именовался «Дальневосточным Парижем», осели российские эмигранты, которые по своей враждебной активности к Советскому Союзу как раз подходили японским военным властям. Японские военные власти в Маньчжурии в 1932-1933 гг. попытались навести порядок в эмигрантской среде и организовали Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ). Эту реформу проводил полковник Комацубара, который командовал в 1939 г. японскими войсками на Халхин-голе, а его помощником был майор

Акикуса Сюн, попавший в советский плен в августе 1945 г. Вся документация о деятельности БРЭМ в августе 1945 г. была захвачена оперативной группой, а сейчас ее часть открыта для исследований в Хабаровске.

Российская эмиграция в Японии активно использовалась японцами в различных акциях разведывательно-диверсионного характера против северного соседа. Но и сосед делал то же самое. Диверсии не проводились, но советская сторона разведку вела активно.

Из числа российской эмигрантской молодежи, значительная часть которой уже родилась в Маньчжурии, был даже сформирован специальный отряд под командованием полковника Асано. Отряд, правда, не успел проявить себя в боевых действиях в августе 1945 г. против Красной Армии и почти полностью был пленен, а его участники были осуждены.

Третья волна – перебежчики и дезертиры. Когда в СССР началась кампания по созданию колхозов, часть дальневосточных и приморских крестьян пытались бежать в Маньчжурию. Некоторым это удавалось. Бежали также несогласные с проводимой Сталиным внутренней политикой общественные деятели. Так, например, комсомольский работник Константин Родзаевский бежал из Советского Союза и организовал в Маньчжурии не без помощи японцев «Российскую фашистскую партию». В 1945 г. он был пленен в Маньчжурии и осужден. Огромный ущерб интересам СССР нанес бывший начальник управления НКВД по Дальневосточному краю комиссар НКВД 3-го ранга (генерал-лейтенант) Люшков Генрих Самойлович, который 13 июня 1938 г. в районе озера Хасан бежал к японцам и стал советником японской военной разведки. Его побег привел к известным событиям на озере Хасан. К слову сказать, о надвигающемся аресте Люшкова предупредил никто иной как Ежов.

Число перебежчиков с советской стороны особенно увеличилось после начала Второй мировой войны, когда из дальневосточных частей и тихоокеанского флота военнослужащие дезертировали и пытались пробраться в Маньчжурию. Большинство из них было задержано, но около 400 человек все-таки сдались японцам.

Правда, японские военные власти отнеслись к «бегунам» с подозрением и поместили их на всякий случай в специальный фильтрационный лагерь, чтобы выяснить, не происки ли это НКВД. После августа 1945 г. эти лица были задержаны СМЕРШем (сокращение от «Смерть шпионам!» – контрразведывательные организации в Советском Союзе во время Второй мировой войны) и пока их следов не удалось найти.

Если проанализировать прошлое российской эмиграции в Японии и Маньчжурии, то многие ее представители были подвергнуты неоправданно жестоким и несправедливым репрессиям. Так, например, после продажи КВЖД в 1935 г. японцам (или Маньчжоуго) несколько тысяч служащих, имевших советское гражданство, выехали на родину в СССР, где через два года по приказу Ежова были репрессированы. Кончилось тем, что на заседание Токийского трибунала, который проходил в 1946-1948 гг., было некого послать в качестве свидетеля из так называемых «харбинцев».

После поражения японцев в 1945 г. многих вернувшихся в СССР эмигрантов или репрессировали, или подвергали разного рода ограничениям. Сохранили жизнь только те, кто не поверил обещаниям советских властей и не вернулся на родину.

Четвертая волна стала возможной после падения «железного занавеса» и развала Советского Союза в 1990-е гг., когда наши соотечественники массово устремились искать лучшей доли там, где их ранее не было. Но Япония оказалась одной из самых «неприветливых» для эмигрантов стран. И если в других частях мира россияне имели возможность проявить себя в области экономики или культуры, то в Японии они были значительно ограничены в правах в законодательном порядке. Россиянам был перекрыт доступ не только в крупный, но и в средний бизнес. И если кому-то из россиян и удавалось добиться успеха, например, в коммерческой деятельности, то японцы делали все возможное, чтобы изменить ситуацию.

В настоящее время в Японии временно проживает около 10 тыс. российских граждан. Живут они в разных местах этой страны, но в основном в Токио и нескольких крупных городах. Разрешение

властей на постоянное жительство в Японии получить практически невозможно.

Значительную часть представляют русские женщины, вступившие в браки с японцами, хотя есть и россияне, женившиеся на японках.

Порой вышедшие замуж за японцев россиянки не выдерживают японского образа жизни и возвращаются в Россию, а мужья-японцы едут вслед за ними и пополняют у нас японскую диаспору.

В Японии существует и проблема, связанная с обучением российских детей в японских школах. Нередко российские дети подвергаются оскорблениям и даже гонениям. Еще хуже отношение подрастающего японского поколения к детям от смешанных браков.

Такое отношение к россиянам во многом является результатом той пропаганды, которая выливается в адрес России японскими СМИ. И не случайно, что при опросах общественного мнения Россия является одной из стран, которых японцы не любят и которым не доверяют. Во многом в этом повинна война августа 1945 г., когда Советский Союз нарушил существовавший с Японией договор о нейтралитете и вступил с ней в войну. Красная армия в пятидневной кампании августа 1945 г. пленила около 600 тысяч японцев, хотя, по Потсдамской декларации, всех их после разоружения нужно было отпустить домой.

После прихода к власти в России Б. Ельцина и объявления неограниченной свободы предпринимательства некоторые японские коммерсанты ринулись на Дальний Восток и вложили там немалые суммы, но из-за горькой специфики российских бизнес-практик 1990-х гг. японцы даже сегодня опасаются вкладывать свои капиталы в российский бизнес. В Москве сейчас функционирует около 300 представительств японских фирм, которые наблюдают, когда же в России созреет благоприятная для них ситуация.

Если российскому правительству когда-либо удастся обезопасить японские финансовые вливания в российскую экономику, то и развитие двусторонних отношений должно будет кардинально измениться. А это означает, что и российская диаспора в Японии вздохнет свободнее и не будет находиться под постоянным прессом, под которым она пока находится.

Основные этапы складывания российской диаспоры в Японии в XX – начале XXI вв.

Подалко П.Э.

Российская община в Японии никогда не была многочисленной, особенно в сопоставлении с количеством проживающих здесь граждан других западных стран. Несмотря на то, что именно Россия наряду с США оказала в свое время наибольший дипломатический нажим на Японию извне (посольство Е.В. Путятина), результатом чего стало прекращение политики самоизоляции, которой эта страна придерживалась в течение более чем двух веков, формирование здесь сколько-нибудь заметной общины россиян отодвинулось почти на полвека после заключения первого двустороннего договора (Симодский трактат, 1855). Достаточно сказать, что, например, в 1869 г. в Иокогаме, ставшей к тому времени главным торговым портом Японии, не только не было никаких дипломатических или торговых представительств Российской империи, но и не проживало постоянно ни одного российского подданного. Данная ситуация не изменилась и после открытия посольства России в Токио (с 1874 г. – Генеральное консульство; статус посольства получен в 1908 г.) и нескольких консульств в разных частях страны.

Размеры российской общины стабильно сохранялись на уровне примерно 100 человек (включая дипломатов и членов их семей) вплоть до начала 1910-х гг., когда Первая мировая война и две революции 1917 г. резко изменили облик и классовый состав проживавших в Японии россиян. Уже в начале 1918 г. в стране появились первые беженцы из советской России, число которых неуклонно возрастало по мере того как белая армия отступала на восток под натиском «красных» частей. В итоге, в начале 1920-х гг. в Японии проживало уже более полутора тысяч «белых» русских эмигрантов (в то время в данную категорию местные власти обычно заносили практически всех уроженцев бывшей Российской империи – поляков, евреев, татар, украинцев и т.д., не делая различий между

ними и собственно этническими русскими). Примерно столько их числилось и в дальнейшем, вплоть до конца Второй мировой войны.

После восстановления дипломатических отношений с постреволюционной Россией (в 1925 г.) в Японию начинают прибывать представители СССР, и две России – старая и новая – какое-то время сосуществуют, правда при почти полном отсутствии между их гражданами прямых контактов. При этом численность русских эмигрантов, одновременно проживающих в стране, вплоть до начала в СССР «перестройки» (в 1985 г.) редко выходило за пределы двух-трех тысяч человек, и сколько-нибудь заметной роли во внутренней жизни Японии русская община не играла. Уже с конца 1950-х гг. эмигрантов из России в Японии почти не осталось: люди уходили из жизни в силу возрастных причин, кто-то уезжал в Австралию, США и другие страны, некоторые репатриировались в СССР.

В 1985 г. в Японии советских граждан проживало 322 чел.; десять лет спустя эта цифра возросла почти в десять раз, а в 2004 г. Японию посетили примерно 30 тыс. граждан России, при этом количество проживавших здесь россиян (имеются в виду те, кто находился в стране не по туристической визе) достигло 6 734 чел. В данном случае речь идет только о гражданах Российской Федерации, без учета ставших по итогам распада СССР (в 1991 г.) отдельными государствами территорий бывшего Советского Союза. Тогда же, в 2004 г., российскую среднюю общеобразовательную школу при посольстве РФ в Токио регулярно посещали 215 детей (эти данные, в свою очередь, включают не только российских граждан, но также детей, чьи родители – один или оба – являются гражданами других государств, но при этом готовы платить за обучение по русской программе и на русском языке).

В 1993 г. в Токио возник «Русский клуб», который сразу же обрел популярность среди выходцев из бывшего СССР. К этому времени уже было ясно, что роспуск Советского Союза – не временное явление, и руководство молодых, а также вновь провозглашенных республик стало активно заботиться о подготовке национальных кадров. Этот процесс совпал со встречным стремлением японского руководства установить более тесные контакты с потен-

циальными партнерами и новыми соседями в Азии, результатом чего стало появление в Японии значительных групп молодежи из разных стран СНГ помимо России. При этом открытие новых посольств зачастую откладывалось на неопределенный срок, поэтому дипломатические представительства РФ нередко выполняли функции поддержки и помощи в решении тех или иных вопросов для граждан новых государств, а роль объединителя «по интересам» и координатора культурных программ играл «Русский клуб» в Токио.

Впрочем, эта идиллия продолжалась недолго, ибо кроме ведомственных ограничений, регулирующих работу посольства, среди русских за границей центробежные силы традиционно преобладают над центростремительными, и вскоре единый «Русский клуб» распался на несколько самостоятельных клубов, каждый из которых имеет в настоящее время свой интернет-сайт, свои программы мероприятий (как правило, такие мероприятия проходят один раз в неделю/месяц, в заранее определенном месте, информация о котором заблаговременно вывешивается на сайте) и даже свои альтернативные школы для русскоязычных детей, либо курсы русского языка и отдельных предметов из программы начальной школы. Наиболее массовым мероприятием, нередко объединяющим представителей разных клубов, является детское празднование Нового года (проводится в последних числах декабря), сопровождаемое театрализованным представлением и костюмированным балом участников.

К концу первого десятилетия XXI века российская диаспора в Японии перешагнула десятитысячный рубеж. Основными центрами концентрации россиян и выходцев из других стран бывшего СССР, как и прежде, остаются район Большого Токио (примерно треть от общего числа); район Хокурику на побережье Японского моря, где традиционными местами проживания русских являются города Ниигата, Тояма, Канадзава, остров Хоккайдо (здесь «русскими» считаются города Саппоро и Хакодате – в последнем уже свыше десяти лет существует японский филиал Дальневосточного университета с полным курсом обучения и выдачей дипломов установленного государственного образца – случай уникальный среди российских вузов, так как речь идет не об учебе за границей рос-

сийской «золотой молодежи», а о получении российского образования студентами из страны, традиционно предпочитавшей собственные учебные стандарты), и район Кансай, где ряд университетов в городах Киото, Осака, Окаяма заключили еще в советские времена соглашения о научном и студенческом обмене с российскими вузами, что во многом определяет особенности возрастного и социального состава местной российской диаспоры.

Краткий очерк деятельности Всеяпонской ассоциации по изучению восточной ветви русского зарубежья

Подалко П.Э.

Ассоциация возникла в 1978 г. по инициативе профессора Накамура Ёсикадзу (Университет Хитоцубаси) и профессора Ясуи Рёхэй (Университет Васэда). Первоначально это был небольшой кружок ученых, представлявших различные, зачастую не слишком соприкасающиеся между собой области научного знания, но затем Ассоциация увеличилась и значительно расширила сферу научных интересов. В те годы их объединил (и продолжает объединять по сей день) единственный фактор – интерес к русской культуре во взаимосвязи с японской культурной традицией.

Главный постулат, определяющий деятельность нашей Ассоциации, можно выразить следующей цитатой многолетнего почетного председателя профессора Накамура:

«Модернизация Японии, берущая свое начало в середине XIX в., после многовековой изоляции, проводилась в основном по западной модели, но при рассмотрении сущности и особенностей хода этой «вестернизации», как правило, большинство авторов ограничивается разбором объема и степени усвоения Японией культурных достижений таких западных стран как Англия, США, Франция, Германия, Голландия и другие, недооценивая культурное воздействие на Японию со стороны славянских народов. В действительности же, история культурных связей между Японией и странами Восточной Европы, прежде всего – Россией, насчитывает несколько столетий, и нельзя упускать из виду значение, которое име-

ли эти связи и контакты, в особенности начиная со второй половины XIX в.» (см. Предисловие, двуязычный сборник статей «Россия и Япония» №2, 1990, Токио).

Целостный подход к стоящим перед исследователями конкретным задачам позволил уже со второго года работы Ассоциации приступить к публикации материалов полевых исследований: данных, полученных в ходе проводимых интервью, а также редких документов и материалов, касающихся истории становления и развития российско-японских культурных контактов.

Хотелось бы подчеркнуть, что деятельность Ассоциации регулярно пользовалась и продолжает пользоваться финансовой поддержкой правительства Японии и различного рода грантами по линии Министерства образования и науки, что помогает частично спонсировать исследовательские программы, выпускать печатные издания и периодически командировать членов Ассоциации на проведение полевых исследований как внутри страны, так и за рубежом.

В числе первых коллективных публикаций следует назвать вышедший в 1980 г. сборник статей «Историческое изучение следов азиатского влияния на русскую литературу и философию и изменения в восприятии россиянами Азии», и опубликованный через четыре года (1984) сборник «Фактологическое исследование азиатского влияния на русскую литературу и философию и двустороннее культурное взаимодействие» (оба – на японском языке). Благодаря финансовой поддержке различных грантов, полученных в 1985-86 гг., уже в 1987 г. удалось подготовить и издать первый большой объединенный сборник статей членов Ассоциации под общим названием «Япония и Россия» (ответственный редактор - профессор Р.Ясуи, факультет литературы и языка университета Васэда). Данный сборник был высоко оценен как профессионалами, так и широкой публикой, что позволило выпустить его в марте 1990 г. отдельным изданием в книжной фирме «Наука» (Токио) под названием «Япония и Россия. Объединенный исследовательский сборник. Выпуск 1-й».

В последующие годы деятельность Ассоциации постоянно активно развивалась, привлекая все новых и новых исследователей.

Как результат этой деятельности, уже в 1990 г. выходит сборник «Россия и Япония. Выпуск 2-й» (ответственный редактор – профессор Ё.Накамура, факультет социальных наук университета Хитоцубаси). Некоторое изменение названия (с выведением на первое место слова «Россия») было связано как непосредственно с содержанием основных материалов, включенных в названный сборник, так и с необходимостью облегчить библиотечный поиск читателям, что, по сути, являлось косвенным признанием уже во многом сформировавшегося авторитета изданий этой серии.

Если даже просмотреть только оглавления упомянутых сборников, становится очевидным, что диапазон научных тем и представленных в них материалов невероятно широк, и по сути охватывает не только Россию, но и весь славянский мир в его культурном взаимодействии с Японией. Следует особо обратить внимание на то, что понятие «культура» здесь трактуется не только в узком, литературно-философском значении, но гораздо шире, как любое проявление интеллектуальной человеческой деятельности, а многообразие освещаемых проблем заметно отличает работу членов Ассоциации от других подобных объединений ученых-исследователей.

Ассоциация хорошо известна зарубежным коллегам, с которыми она давно и плодотворно сотрудничает. Среди них – Центр Русских исследований имени Дж.Кеннана (США), по предложению которого уже в 1991 г. была совместно проведена международная научная конференция под девизом «Российско-японские культурные связи в 1868-1926 гг.»; различные организации русских эмигрантов и их потомков в Австралии, Америке, Канаде; исследовательские центры в Польше, Чехии; Институты РАН в Москве, Петербурге, Сибирском и Дальневосточном отделениях, и многие другие организации и отдельные выдающиеся ученые из разных стран мира.

В 1992 г. был издан очередной сборник «Россия и Япония. Выпуск 3-й» (ответственный редактор – профессор Ё.Накамура, факультет социальных наук университета Хитоцубаси). В подготовке этого сборника впервые приняли участие зарубежные коллеги из Республики Корея и СССР, чьи статьи были включены в итоговую

публикацию. После выхода этого сборника по ряду причин деятельность исследовательского кружка было приостановлена; но при этом активно продолжались индивидуальные исследования его членов, выходили новые монографии, статьи в специализированных университетских изданиях и т.д.

В начале 1990-х гг. на фоне многочисленных политических, экономических и социальных изменений в странах Восточной Европы, самым значительным из которых был распад Советского Союза, в мире обнаружился необычайный интерес к событиям недавней истории и их культурно-историческим последствиям, в частности – к феномену массовой эмиграции из множества стран на всем протяжении XX в., начало которому положили Первая мировая война и последовавшая за ней революция в России, вызвавшая невероятную по своим масштабам и численности эмиграцию практически из всех регионов бывшей Российской империи. Не осталась в стороне и Япония, куда также устремилась часть русских беженцев, и где феномен эмиграции отличался своеобразием, непохожим на примеры большинства других стран.

6 декабря 1995 г. состоялось учредительное заседание «Ассоциации по изучению восточной ветви русского зарубежья» в том виде, в каком она существует по сей день. В качестве первоочередной задачи была выдвинута необходимость произвести максимально подробный сбор статистических данных о численности и персоналиях русской эмиграции в Японию. Поскольку предполагалось изучить не только конкретные примеры русского культурного влияния на японское общество, но и выявить особенности повседневной жизни и деятельности российских эмигрантов, была поставлена задача собрать как можно более подробный фактический материал, в том числе и в ходе проведения интервью с последними оставшимися в живых на тот момент представителями трех волн русской эмиграции в Японии.

Параллельно продолжали выходить коллективные сборники статей по общим названием «Икё-ни икиру» («Жизнь на чужбине»); на 2010 г. было издано 5 таких сборников. Кроме того, Ассоциация учредила свой периодический вестник «Икё» («Вторая родина»), выпускаемый, как и большинство сборников статей, при активном

участии издательства «Сэйбунся», куда также открыт доступ всем людям, интересующимся российско-японскими культурными связями, и желающим напечататься по своей теме (в течение года выходит в среднем четыре выпуска «Икё»). Ежегодно Ассоциация проводит пять расширенных заседаний, заслушивая на каждом из них по три доклада с последующим их обсуждением.

В настоящее время Ассоциация состоит из полутора десятков постоянных членов, среди которых представлены как японские, так и российские ученые, и большого числа регулярных гостей, являющихся также полноправными участниками заседаний и обсуждений представленных на них докладов. Многие также принимают деятельное участие в выездных конференциях, проводимых Ассоциацией один раз в два года в различных местах Японии, имеющих отношение к истории двусторонних контактов и русской диаспоры (за последние годы такие конференции прошли в городах Хакодате, Кобе, Нагасаки и Сэндай). Исполнительным директором (ответственным секретарем) Ассоциации с 2005 г. является профессор Университета Аояма Гакуин П.Э.Подалко (автор этого сообщения); председателем Ассоциации состоит Наганави Мицуо, почетный профессор Университета Йокогама, известный специалист по истории православия в Японии.

Ассоциация всегда готова к сотрудничеству с заинтересованными специалистами и организациями.

Русский вопрос в Монголии в 1966-2000-е гг.

Михалёв А.В.

В 2000-е гг. положение российских соотечественников за рубежом оказалось в центре внимания руководства Российской Федерации. В ходе визитов Д.А. Медведева и В.В. Путина в Монголию неоднократно обсуждался вопрос о поддержке русского языка и русской диаспоры в этой стране. С 2000-х гг. в Монголии реализуются программы Фонда «Русский мир», открываются «Русские центры». Деятельность этих организаций направлена на изменение по-

ложения русской диаспоры и на расширение масштабов российского культурного влияния [8, с. 1].

Еще с советского времени русскоязычное сообщество Монголии составляли специалисты, работающие по долгосрочным контрактам, и «местнорусские» – потомки русских переселенцев начала XX в.

В 1966 году между СССР и Монголией был заключен «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» [10, с. 148]. С этого времени в страну вводятся советские войска, начинается массовый приток советских специалистов. Постепенно сформировалась система привилегированного потребления (спецмагазины, чеки и т.д.). На ее основе сложилась экономическая база конфликта между двумя группами русскоязычного населения: новоприбывшими специалистами и местнорусскими. Лишь в 2000 г. были заключены «Улан-Баторская декларация» и соглашение, разрешившее местнорусскому населению приобретать недвижимость в Монголии в частную собственность.

На уровне политической риторики положение русскоязычного населения в Монголии легитимизировалось необходимостью развития промышленной базы социализма. Эта теория опиралась на тезис В.И. Ленина о необходимости «оказать этим отсталым и угнетенным [монголам] более, чем мы, народам “бескорыстную культурную помощь”». Эта политика была ориентирована на задачу строительства социализма, минуя капитализм, согласно гипотезе Ленина о том, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития – к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» [4, с. 232]. Сущность риторики пролетарского интернационализма заключалась в братской дружбе всех наций, в которой доминировал «старший брат» – русский народ [1, с. 134]. В советско-монгольском эквиваленте старший и младший братья – *ах* и *дуу* соответственно.

Гражданские специалисты, прибывавшие из СССР и стран СЭВ¹, распределялись по разным отраслям экономики. Так, только

¹ Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) – межправительственная экономическая организация, действовавшая с 1949 по 1991 гг., созданная по решению эконо-

в сфере строительства количество советских специалистов на 1986 г. достигало 5827 человек (после 1986 г. эта цифра резко уменьшается) [2, с. 56]. Помимо строителей, в Монголии работали советские геологи, врачи, учителя, рабочие и инженеры добывающей промышленности.

Точные данные о количестве советских граждан в этой стране не опубликованы по сей день. Можно лишь проследить динамику роста советских специалистов начиная с 1961 г.: в тот год прибыло 990 человек, в 1962 г. – 2624, в 1963 – 3770 человек [12, с. 322], не считая военнослужащих, живших в особых закрытых городах. В 1960-е гг. сформировалась инфраструктура, направленная на обслуживание советских граждан, работавших в Монголии: магазины, школы, больницы, детские сады. Кроме того, был открыт доступ к престижному потреблению: в Монголию из СССР и стран СЭВ экспортировались продукты, одежда, бытовая техника. Однако возможность приобрести данные товары была лишь у советских специалистов и монгольской элиты.

Советские граждане в Монголии, в отличие от местнорусских (эмигрантов времен Российской империи, ссыльных и узников ГУЛАГа), имели привилегированное положение. Статус «старшего брата» открывал широкие возможности для «цивилизаторской» миссии, а также для престижного потребления. В условиях безвизового режима между СССР и Монголией советский загранпаспорт являлся основным документом, декларировавшим особый статус советских специалистов. Дело в том, что паспорта в Монголии имели лишь советские специалисты, местнорусское население получило документы лишь в 1971 году [6]. До этого времени эта сравнительно многочисленная группа, по данным 1950-х гг., насчитывавшая 10 тыс. чел. [9, с. 66], имела лишь вид на жительство, фактически являясь лицами без гражданства. В силу этих причин местнорусские не имели права въезда в СССР. Хотя еще в 1950-е гг. некоторые местнорусские получили монгольское гражданство, однако их число не превышало 2%. Многие из них находились в стране нелегально, а некоторые имели подданство еще Российской империи,

мического совещания представителей Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии. Штаб-квартира СЭВ находилась в Москве.

как, например: жители села Хондом, основанного старообрядцами до революции; жители села Корнаковка, являвшиеся столыпинскими переселенцами; потомки казаков, несших пограничную службу и осевших в Алтан-Булаге.

Жители этих деревень оказались заложниками межгосударственных отношений. Когда в 1928 г. между Монголией и СССР была оформлена демаркационная линия, русские села Булуктай, Ебицик, Жаргалантуй, Корнаковка, Хондом оказались на территории Монголии [9, с. 131]. В 1930-е гг., спасаясь от голода, в Монголию бежали русские крестьяне в поисках работы на шахтах Налайха. Кроме того, в конце 1940-х гг. в этой стране в заключении содержалось множество пленных власовцев, которым по окончании срока заключения был запрещен въезд в СССР.

После мирной демократической революции 1990 г. в Монголии большинство местнорусских покинуло страну и осело в странах Восточной Европы. По данным на 2000 г., количество местнорусских составляло всего 1,4 тыс. человек [9, с. 75]. Сегодня все представители данной группы имеют гражданство РФ, право постоянного проживания в Монголии, а также юридические основания для приобретения частной собственности в этой стране. Многие из них являются членами «Общества российских граждан в Монголии», пользуются поддержкой проекта «Соотечественники». Защитой их интересов заняты МИД РФ, Русская Православная Церковь, Российский национально-культурный центр.

Примечания

1. Бочаров В.В. Политическая антропология и общественная практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 2. Том 1, с. 131-145
2. Ганжуров В.Ц. Россия-Монголия (На трудном пути реформ). Улан-Удэ, 1997
3. Герасимов И., Глебов С., Кусбер Я., Могильнер М., Семенов А. Новая имперская история и вызова империи // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010, с. 383-419
4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений
5. Лиштованный Е.И. От великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии. Иркутск, 2007
6. Местнорусские, кто они? Хранители русских традиций - www.ulanbator.ru
7. Монголия и Россия: Вечные соседи. Улан-Батор, 2009

8. Путин В.В. Вступительное слово Президента РФ Владимира Путина на Всемирном Конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом // Вестник центра «Москва-Улаанбаатар» (приложение к газете «Монголия Сегодня»). 2006, с. 1
9. Русские в Монголии / колл. авторов. - Улан-Батор, 2009
10. Советско-монгольские отношения. Документы и материалы 1921 – 1974 гг. – Т.1. – М., 1975
11. Трубач А. История и современное положение Православия в Монголии // Троица, 2010, № 12-13, с. 1-2
12. Шинкарев Л.И. Цеденбал и Филатова: Любовь. Власть. Трагедия. Москва-Иркутск, 2004

Русские в Казахстане: история и современность (тезисы)

Кадырбаев А.Ш.

На территории Казахстана русские как постоянные жители появляются впервые в XVI в. на берегах реки Яик, ныне Урал, в лице яицкого или уральского казачества. В образовании яицкого казачества принимали участие также тюркские народы, при преобладании, тем не менее, в его формировании славянского элемента. Яицкое казачество до правления императрицы Екатерины II, точнее до 1775 г., было де-факто независимо от российских властей, пока яицкие казаки не были введены ее «железной рукой» в прокрустово ложе имперской государственности. Но перед этим яицкие казаки, зачинщики бунта Пугачева, потрясли основы Государства Российского крестьянской войной под его предводительством.

Однако массовое переселение русских в Казахстан началось после окончательного его вхождения в состав Российской империи со второй половины XIX в.; усилилось в начале XX в. благодаря реформам премьер-министра России П.А. Столыпина; продолжилось в советское время во время коллективизации и индустриализации 1930-х гг.; дополнилось эвакуацией русских из западных районов СССР в Великую Отечественную войну; закончилось, наконец, в период освоения целинных земель в 1950-х гг.

Следует отметить, что российские специалисты и ученые заложили основы государственных, экономических, научных, образовательных и культурных учреждений в Казахстане. Большинство первых руководителей советской эпохи в этой республике были ли-

бо русскими – Скворцов, Брежнев, Колбин, либо представителями не «титულных» для Казахстана наций – еврей Голощекин, армянин Мирзоян, белорус Пономаренко, уйгур Юсупов. А когда в Казахстане появился первый руководитель коренной национальности, Москва назначила вторыми секретарями ЦК компартии Казахстана русских, выполнявших роль «ока Кремля». Благодаря русскому влиянию и энергии русских переселенцев и специалистов были созданы основы современной промышленности и сельского хозяйства Казахстана, новые формы экономической деятельности, заложен фундамент современной государственности.

После распада СССР, несмотря на массовую эмиграцию русских из Центральной Азии, в Казахстане они и поныне составляют более 30% из его 17-миллионного населения, где русский язык провозглашен официальным, а де-факто функционирует как государственный язык. Если в соседних Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане русское население жило в подавляющем большинстве в городах, то в Казахстане, при преобладании русских в городах, заметная их часть живет в сельской местности, составляя в Северном и Восточном Казахстане большую часть сельских жителей.

Знание русскими языков народов Центральной Азии пока не получило распространения, хотя в последние годы среди русской молодежи процент знающих местные государственные языки заметно вырос.

Таким образом, русские поколениями жили и живут в Казахстане, который стал их второй родиной, и русский фактор во внутренней политике этой страны весьма значителен и поныне.

Исторические волны российской эмиграции в Египте

Беляков В.В.

Российская диаспора в Египте сформировалась в конце XIX в. Если в 1881 г., по данным российского генконсульства, в Египте проживали всего 108 русско-подданных [1, с. 125-126], то, согласно первой всеобщей переписи населения Египта 1897 г., их число уже превысило 3 тыс. [2, с. 6]. По своему национальному составу русская община была преимущественно еврейской [3, с. 100-102]. Это был один из ручейков общего потока эмиграции евреев из России,

начавшейся после убийства императора Александра II в 1881 г. [4, с. 255, 309].

Египет был притягателен для русских евреев по крайней мере по трем причинам. Во-первых, из Одессы в Александрию регулярно ходили пароходы, билеты стоили недорого, так что добраться туда было просто. Во-вторых, в отношении русских подданных еще с 1774 г., после поражения Османской империи в войне с Россией, действовал так называемый «режим капитуляций»: русско-подданные не подпадали под юрисдикцию местных властей, что придавало их статусу привилегированный характер. Причем гарантом этого статуса выступала Англия, оккупировавшая Египет в 1882 г. В-третьих, в Египте существовала довольно многочисленная и процветающая еврейская община, через которую было нетрудно интегрироваться в местную жизнь. Согласно переписи населения 1897 г., ее численность составляла 25 200 чел. [5, с. 18].

Хотя российская диаспора сформировалась преимущественно из евреев, она привнесла с собой в Египет не только еврейскую, но и русскую культуру, русский язык. Исследователи отмечают «особенный еврейско-русский воздух», сочетание обостренного чувства национального самосознания и глубокой преданности русской культуре [6, с. 117].

В 1907 г. численность российской диаспоры в Египте составила 2 400 чел. [2, с. 6].

После поражения Первой русской революции 1905-1907 гг. до Египта докатилась новая волна эмиграции из России. Там появилась группа политических беженцев. Судя по всему, она была невелика, но активна. Политэмигранты поселились в основном в Александрии и вели агитацию среди команд русских судов, регулярно заходивших в этот главный египетский порт. Арест в январе 1907 г. египетскими властями по представлению российского консульства троих политэмигрантов вызвал многодневные манифестации протеста представителей иностранных общин в Александрии и Каире [3, с. 110-113].

Революция 1917 г. в России не привела к быстрому возвращению на родину русских революционеров, нашедших прибежище

в Египте. В 1919 г. в Александрии все еще существовал Комитет русских политических эмигрантов [7, л. 6].

Перепись населения Египта 1917 г. зафиксировала пребывание в стране 4 225 подданных Российской империи [8, с. 60]. Рост численности российской диаспоры был вызван опять-таки эмиграцией евреев, на этот раз из Палестины. После вступления Османской империи в Первую мировую войну 29 октября 1914 г. из Святой земли в Александрию хлынул поток евреев с российскими паспортами. В январе 1915 г. их численность достигла 3376 чел. [9, л. 124-128]. Египетские власти предоставили им временное жилье, продукты. По мере возможностей беженцев отправляли на родину через Европу или Дальний Восток. Не исключено, что некоторая их часть осела в Египте.

Весной 1920 г. в Александрию из Новороссийска прибыли 4 350 русских беженцев [10, л. 6-16 с об.], главным образом раненых и больных военнослужащих Добровольческой армии вместе с персоналом госпиталей. Это была новая, уже четвертая по счету волна русской эмиграции в Египет. Часть беженцев после излечения летом того же года отправили в Крым, остальные в течение двух лет находились в специальных лагерях на попечении английских властей. Те, кто имел востребованные в Египте специальности, в основном медицинские и технические, постепенно покидали лагерь и интегрировались в местную жизнь. Остальных летом 1920 г. эвакуировали в Болгарию и Сербию.

Новые эмигранты и составили костяк российской диаспоры, стабильно существовавшей в Египте до середины 1950-х гг. и постепенно сокращавшейся в силу естественных причин. По данным очередных переписей населения Египта, в 1927 г. ее численность составляла 2 410 чел., в 1937-м – 1 176, в 1947-м – 1 174 [8, с. 61, 63, 65]. Вскоре после египетской революции 1952 г. российская диаспора сократилась более чем наполовину [3, с. 193-194; 11, с. 10-37]. Причиной этого была и боязнь новых преследований, и, даже в большей степени, политика республиканского режима, направленная на вытеснение иностранцев из Египта. По новому закону 75% персонала и 90% рабочих всех компаний должны были составлять египтяне [12]. Это породило безработицу среди иностранцев, при-

чем увольнениям подверглись в первую очередь пожилые люди, составлявшие абсолютное большинство российской общины.

К началу 1980-х гг. белоэмигрантская российская диаспора в Египте практически прекратила свое существование. В 1981 г. за ненадобностью была продана квартира в центре Каира, в которой десятилетиями находился Русский клуб с рестораном и библиотекой, а Русская богадельня с небольшой церковью Св. Николая была передана греческой Александрийской патриархии [13, с. 134].

Русская община оставила в Египте непропорционально большой по сравнению с ее численностью след. Она состояла преимущественно из специалистов высокой квалификации, среди которых выделялись врачи и египтологи, а также деятели культуры и искусства. Этих людей до сих пор с благодарностью вспоминают египтяне старшего поколения. Русские внесли заметный вклад в просвещение египтян и модернизацию страны.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в Египте, параллельно с существованием остатков белоэмигрантской общины, появилась новая община наших соотечественников. Это были советские женщины, вышедшие замуж за египтян, с которыми познакомились во время их учебы в СССР. Они не были, строго говоря, эмигрантами, сохраняли советские паспорта и могли в любой момент вернуться на родину. Численность этих «совгражданок», как называли их в ту пору, была невелика, поскольку к концу 1970-х гг. Египет разорвал былые тесные связи с Советским Союзом. В 1991 г., по данным посольства СССР, в стране на Ниле проживали всего около 250 советских женщин, вышедших замуж за египтян, причем 54% из них имели высшее образование [14]. Практически все они живут в Египте и поныне, поменяв советские паспорта на российские (или украинские, и т.д.). У большинства наших женщин этого поколения есть еще и египетские паспорта.

Нынешняя российская диаспора в Египте также имеет женское лицо, причем ее представителей тоже нельзя назвать эмигрантами. Формирование этой диаспоры – результат массового туризма из России в Египет. В 2009 г. число россиян, отдохнувших в этой стране, превысило 2 млн. чел. Точную численность граждан России, постоянно проживающих в Египте, привести невозможно, поскольку

ку ныне они не обязаны регистрироваться в консульствах. Как говорили мне в российском посольстве в феврале 2010 г., она оценивается в 20-25 тыс. чел., причем как минимум 3/4 составляют женщины, вышедшие замуж за египтян. Они проживают главным образом в курортных городах. Остальные представители русской общины – сотрудники туристических компаний и бизнесмены, обслуживающие как туристов, так и российскую диаспору, и тоже сосредоточенные в основном в курортных городах.

Современная российская диаспора, как и сам породивший ее массовый туризм, содействует распространению в Египте русского языка и русской культуры, вносит вклад в закрепление исторически сформировавшегося у египтян положительного образа русских, служит делу укрепления взаимопонимания между двумя народами.

Примечания

1. Египет глазами россиян середины XIX - начала XX вв. Политика, экономика, культура. Материалы к серии «Народы и культуры». Выпуск XV. Народы Ближнего Востока. Книга 2: Составление, предисловие, комментарии, примечания и перевод Г.В. Горячкина. М., 1992
2. Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920-1939 гг.). М., 2000
3. Беляков В.В. «К берегам священным Нила...» Русские в Египте. М., 2003
4. Солженицын А.И. Двести лет вместе. Часть I. М., 2001
5. Сейид Ахмед, Набиль Абдель Хамид. Аль-яхуд фи маср (Евреи в Египте). Каир, 1991 (на арабском языке)
6. Левин З.И. Менталитет диаспоры. М., 2001
7. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 317. Консульство в Египте. Оп. 820/1, д. 508
8. Сулейман, Мухаммед Махмуд. Аль-аганиб фи маср (Иностранцы в Египте). 1922-1952. Каир, 1996 (на арабском языке)
9. АВПРИ. Ф. 317, оп. 820/1, д. 657
10. АВПРИ. Ф. 317, оп. 820/3, д. 210
11. Беляков В.В. Российский некрополь в Египте. М., 2001
12. Шарки (А. Марков). Русские в Египте // Русская мысль, Париж, №637, 03.3.1954
13. Беляков В.В. Русский Египет. М., 2008
14. Беляков В. Маруся, жена шейха, или Соотечественницы с дозированными правами // Правда, 28.9.1991
15. Беляков В. Туризм и межкультурное взаимодействие // Азия и Африка сегодня, 2007, №9

Русская Православная Церковь в Египте в XX в.

Беляков В.В.

Как уже упоминалось в предыдущей статье, российская диаспора появилась в Египте в конце XIX века. Однако по своей национальной принадлежности она была до 1920 г. почти исключительно еврейской. Так, в начале 1915 г. российский вице-консул в Каире Сергей Зуев писал в докладной, что 96% русско-подданных его консульского округа исповедуют иудаизм¹. (Именно поэтому среди местных египтян долго бытовало мнение, что главная религия в России – иудаизм). Немногочисленные же православные россияне ходили в греческие церкви².

Первая русская православная церковь была устроена в Египте в конце 1914 г.. После вступления Османской империи в Первую мировую войну из Палестины в Александрию были эвакуированы Русская духовная миссия во главе с ее начальником, архимандритом Леонидом. Вместе с ней прибыла и группа православных паломников – всего 95 человек³. Для них Российское консульство арендовало отдельный дом по адресу: бульвар Рамле (ныне – улица Саада Заглуля), 24, получивший затем название «Русский дом».

В одной из квартир на втором этаже была устроена церковь во имя преподобного Александра Невского⁴.

В марте 1920 г. в Египет прибыли 4,5 тыс. русских беженцев. Их разместили в специальных лагерях. Первоначально – в лагере-госпитале в Аббасии, на окраине Каира, в бараках и палатках. В одной из палаток устроили походную церковь. Служил в церкви священник Поликарп Филатов⁵.

По мере выздоровления больных и раненых русских беженцев отправляли из Аббасии в более просторный палаточный лагерь в Телль аль-Кебуре, между Каиром и Исмаилией. Этот лагерь был разбит на три части: мужскую, семейную и госпиталь. В каждой из

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 317, оп. 820/3, д. 506, л. 53

² Беляков В.В. К берегам священным Нила... Русские в Египте. М., 2003, с. 100-102

³ АВПРИ. Ф. 317, оп. 820/1, д. 657, л. 129об.

⁴ Там же

⁵ АВПРИ. Ф. 317, оп. 820/3, д. 193, л. 8, 51об., 58

трех частей оборудовали по церкви. В церкви мужского лагеря служил протоиерей Петр Голубятников, в церкви семейного – протоиерей Александр Волковский, в госпитале – отец Николай Иконников. Церковную утварь частично привезли из закрытого в мае лагеря в Аббасии, частично получили от Русской духовной миссии¹. Но для трех церквей этого было совершенно недостаточно, поэтому часть утвари изготовили из подручного материала сами беженцы.

В июне 1920 г. появилась русская церковь и в Каире. Ее оборудовали в помещении Русской поликлиники, открытой сопровождавшими беженцев из России врачами. По воскресеньям там проводил службу митрофорный протоиерей отец Симеон Неделько, ведавший в поликлинике финансовыми вопросами. Иконы писали местные художники².

В начале 1921 г. обитателей Телль аль-Кебира перевели в другой лагерь, Сиди Бишр, в окрестностях Александрии. Он тоже был разделен на три части. Переехали в Сиди Бишр и церкви. Примечательная деталь: если церковью семейного лагеря управлял выборный приходский совет, то организовать подобный же совет в церкви мужского лагеря никак не удавалось. Ктитор этой церкви В.М. Добрецкий констатировал, что «к делам церкви заметно индифферентное отношение»³.

Лагерь в Сиди Бишр был закрыт в июне 1922 г., а оставшиеся в нем русские беженцы были вывезены в Болгарию и Сербию. Церковную утварь передали храму преподобного Александра Невского, который был основан эвакуированной в Александрию Русской духовной миссией. В тот же «Русский дом», где находился храм, перебралось после революции российское консульство. Русские дипломаты отказались служить советской власти, но их до октября 1923 г. признавало правительство Египта. Однако от роскошной виллы, где до революции размещалось императорское консульство, пришлось по недостатку средств отказаться.

¹ Там же. Л. 38-39, 51-52, 58, 74; д. 194, л. 30

² Беллин В.В. Жизнь русских в Египте // Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Париж, 1971, с. 320-321

³ Беляков В.В. «Русский город» в Сиди Бишр. По страницам журнала «На чужбине» // Восточный архив, № 13, 2005, с. 96

В 1920–1922 гг. в Египте существовал еще один русский лагерь, неподалеку от Исмаилии, рядом с Суэцким каналом. В нем размещался эвакуированный из Новороссийска Донской кадетский корпус. Там тоже была оборудована церковь, служил в ней отец Димитрий Троицкий. Регент Н.М. Верушкин, уральский казак, организовал великолепный хор. Он даже гастролировал в Палестине. Оттуда хористы привезли икону – благословение православного патриарха Иерусалимского Дамиана – и частицу Животворящего Креста¹.

В том же 1922 г. осевшие в Каире русские эмигранты сняли под церковь просторную квартиру в престижном районе Гелиополис. Туда из Русской поликлиники переехал храм свт. Николая².

Словом, в местах сосредоточения значительного числа русских – будь то лагеря беженцев или крупнейшие города Египта – непременно устраивались православные церкви. «Сплочению диаспоры способствуют конфессиональные различия между ней и принимающим обществом», – отмечает З.И. Левин. – «Церкви, мечети, синагоги становятся не только центрами религиозной жизни, но и социальными институтами, выполняющими интеграционную функцию в диаспоре»³. Этот вывод подтверждает и история российской диаспоры в Египте. Храмы в Каире и Александрии, функционировавшие под эгидой Русской православной церкви за границей, содействовали консолидации российской диаспоры. Однако в июне 1945 г. судьба храма в Александрии стала причиной раскола в русской общине.

В ходе поездки по странам Ближнего Востока патриарх Московский и всея Руси Алексей I (Симанский) в 1946 г. нанес визит в Египет. В программе его пребывания было посещение русского храма во имя св. Александра Невского в Александрии, «настоятель которого, иеромонах Алексей Дехтерев, принес покаяние и

¹ Гончаров Юрий. Донской кадетский корпус в Египте // Африка глазами эмигрантов. М., 2002, с. 20-21

² Бовкало А. Русские православные приходы в Африке // Азия и Африка сегодня, № 1, 2003, с. 73

³ Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001, с. 39

был принят вместе с причтом и паствой в общение с Московской патриархией»¹. Объясняя свой шаг, Дехтерев писал: «Оставаясь до конца русскими, мы нуждались и в Русской Церкви, в русском духовном возглавлении, а этого возглавления как раз и не было. Мы были духовно одиноки, и в этом сказывался весь трагизм нашего положения»². Александрийский храм превратился в подворье Русской православной церкви при греческом православном патриархе Александрийском и просуществовал в этом качестве до 2000 г.

Однако переход русского храма в Александрии из состава Русской православной церкви за рубежом в Московский патриархат поддержали не все его прихожане. Несогласным греческий патриарх Александрийский Христофор поначалу предложил посещать греческую церковь Св. Стефана в районе Зизиния. Прибывшая вскоре в Александрию великая княгиня Милица Николаевна с сыном князем Романом Петровичем получила разрешение на открытие прихода. В 1947 г. в арендованной квартире оборудовали церковь, где служил выписанный из Италии духовник великой княгини иеромонах Зосима. В 1954 г. церковь перенесли на арендованную с этой целью виллу. 24 сентября 1961 г. храм был закрыт. По-видимому, дело было в нехватке прихожан: российская белоэмигрантская диаспора в результате естественных причин быстро сокращалась. Сказывалась, вероятно, и конкуренция со стороны храма Московской патриархии. Все имущество закрытого храма передали церкви Св. Николая в каирском районе Гелиополис³.

Небольшое здание этой церкви было построено вместе с «русской богадельней» в 1957 г. на средства Русского благотворительного общества. Участок подарил русской общине Каира еще король Фарук в конце 1940-х гг. Расположены богадельня и храм на улице Абу Симбел, дом 12. Храм относился к Русской православной церкви за рубежом. После того как к началу 1980-х гг. русская белоэмигрантская община практически прекратила свое существование, он был передан вместе с богадельней грекам. Экзарх патри-

¹ Журнал Московской патриархии. № 9, 1945, с. 22

² Дехтерев Алексей, иеромонах. Необычайная радость // Журнал Московской патриархии, № 10, 1945, с. 13

³ Бовкало А. Указ. соч., с. 73

арха Московского и всея Руси предлагал последнему председателю русской общины О.В. Волкову взять богадельню и церковь под свою опеку, но тот отказался на том основании, что присланный из Москвы священник – большевик¹.

Так в Каире прекратила свое существование единственная русская церковь. Но некоторые русские продолжали (и продолжают и сейчас) посещать ее, утверждая, что она «намолена нашими соотечественниками». Греки несколько расширили храм, там до сих пор много русских икон, некоторые – с дарственными надписями. Служба идет по пятницам (выходной день в Египте) и воскресеньям в 10.00 утра на арабском языке. В феврале 2010 г. автор этой статьи посетил этот храм, присутствовал на службе.

После развала СССР интерес к религии в России резко вырос. Это явление коснулось и наших соотечественников, работавших в Египте – сотрудников посольства и торгпредства, учителей посольской школы и журналистов, русских жен египтян. Появились в Каире и приехавшие туда работать по контрактам из России и Украины музыканты, балерины, спортивные тренеры и другие специалисты. Но поскольку в Каире русской церкви не было, то верующим пришлось ходить в греческие церкви², присутствовать на службах, проходивших на непонятном им языке. С другой стороны, в Александрии, где продолжала функционировать русская церковь во имя преподобного Александра Невского (в ней в 1988 г. отмечалось тысячелетие крещения Руси), практически не осталось наших соотечественников. Располагавшиеся в «северной столице» Египта в советские времена филиал торгпредства и представительство Морфлота были закрыты, а общее число сотрудников генконсульства и Российского центра науки и культуры не превышало десяти. Кроме них в Александрии проживали еще 25-30 русских женщин,

¹ Беляков В.В. Русский Египет. М., 2008, с. 223

² Кроме упомянутой бывшей русской церкви при богадельне, в Каире находятся еще три греческие церкви. Это церковь Св. Николая на патриаршем подворье в Хамзауи, построенная в 1839 г. наполовину на русские деньги и богато декорированная русскими иконами, и церковь Св. Георгия в Старом Каире, основанная в 530 г. и принявшая свой нынешний вид в 1909 г., после пожара. Кроме того, на греческом кладбище в Старом Каире есть церковь Успения Пресвятой Богородицы.

вышедших в свое время замуж за египтян. Так постепенно в Москве созревало принятое в начале 1999 г. решение перенести подворье Русской православной церкви из Александрии в Каир. К этому подталкивало не только существование в Каире, в отличие от Александрии, большого числа потенциальных прихожан, но и чисто житейская проблема, возникшая с александрийским храмом. Дом, где он располагался, поменял хозяина, и за давностью лет доказать законность дешевой аренды квартиры не удалось. Хозяин потребовал квартиру вернуть.

О том, чтобы построить в Каире собственный храм, даже не думали. Денег на это у Московской патриархии не было, крупного российского бизнеса, который мог бы спонсировать строительство, тоже. Поначалу экзарх патриарха Московского протоиерей Димитрий (Нецветаев) собирался, как в Александрии, снять под храм квартиру. Но вскоре появилась другая идея. Греческая Александрийская патриархия предложила заброшенное церковное здание на окраине Каира при условии, что Московская патриархия предоставит в столице России церковное здание грекам. Идея была заманчивой: настоящий храм куда лучше домового. Проблема, однако, состояла в том, что предложенное греками здание, построенное в 1920-е гг., не использовалось почти полвека. После революции 1952 г. правительство Египта взяло курс на вытеснение иностранной рабочей силы. Многочисленные европейские общины, включая греческую, сильно сократились, а храмы остались. Предложенное здание требовало серьезного ремонта. Денег на него не было. После интенсивного обсуждения, в котором принял участие и автор (я тогда работал в Египте в качестве корреспондента газеты «Труд»), было принято решение здание взять, а деньги на ремонт собирать всем миром.

Ремонт затянулся бы на годы, если бы не сын русских эмигрантов Г.А. Денисенко, возглавлявший в то время представительство в Египте крупнейшей американской строительной корпорации «Бехтел». Его специалисты определили объем работ, составили смету, а сам он помог собрать деньги на ремонт.

Русский храм во имя св. Димитрия Солунского, расположенный в каирском районе Зейтун на улице Мессири, 45, освятил в

ноябре 2000 г. греческий патриарх Александрийский и всея Африки Петр VII. На торжества приехали послы православных государств, делегация Московской патриархии¹. Александрийский же храм пришлось закрыть.

Служба в русской церкви в Каире проходит дважды в неделю, по пятницам и воскресеньям, а также в праздники, если они выпадают на другие дни недели. В храм приходят граждане не только России, но и Украины, Белоруссии, Сербии, Болгарии.

Примечательно, что почти за век присутствия Русской православной церкви в Египте не было попыток привлечь в нее местных жителей.

История российской диаспоры в Ливане

Сарабьев А.В.

Оценки численности современной русскоязычной диаспоры в Ливане разнятся, но по приблизительным подсчетам в Бейруте и других городах Ливана проживают 7-10 тыс. выходцев из России и бывшего СССР.

Начало русской эмиграции в Ливан

Еще в XIX – начале XX вв. район Горного Ливана и крупнейший порт сирийского побережья Бейрут привлекали русских паломников и путешественников. Именно благодаря паломничеству там в свое время начала формироваться русская диаспора. В Ливане подолгу жили и изучали эту страну такие русские ученые-востоковеды как А.Е. Крымский – в 1896-1898 гг., И.Ю. Крачковский – в 1908-1911 гг.

В основе своей русская диаспора в Бейруте сформировалась из русских православных паломников, которые веками совершали пешие путешествия в Иерусалим и проходили через прибрежные ливанские города. Некоторые из них оставались как в Бейруте, так и в других районах на территории современного Ливана.

¹ Беляков Владимир. Дорога к храму // Труд, 05.12.2000

В 1920-е гг. небольшая часть русских белогвардейцев, бежавших из Крыма через Константинополь, попала в Бейрут благодаря помощи французской военной администрации. В Бейруте поселилось в общей сложности около 3 тыс. белогвардейских офицеров, которые работали по всему Ливану в качестве топографов и геодезистов. Созданное ими Топографическое общество занималось составлением географических карт для французской армии, а затем и для французской мандатной администрации. Эти люди старались сохранять в своих семьях элементы русской культуры, а кроме того находились в постоянном общении друг с другом. Известно, что в 1930-е гг. русская община ежегодно устраивала в Бейруте т.н. Русский бал.

Среди русских эмигрантов-офицеров, бежавших от большевиков, была и семья Александра Серова, сына известного русского живописца Валентина Серова. Семья Серовых до сих пор живет в том же старинном здании, который они занимали в 1940-е гг. – дом в западном районе Бейрута, в одном квартале от Американского университета. Григорий Серофф, внук Валентина Серова, преподает в Университете архитектуру и слывет известным в Бейруте живописцем-акварелистом. В прошлом году В.В. Путин вручил Г.А. Сероффу и его жене Флоранс (француженке по происхождению) медали за вклад в распространение русской культуры в Ливане. Рассуждая о своей национальной самоидентификации, Г.А. Серофф замечает: «Когда я приезжаю в Москву, я говорю, что за 80 лет жизни в Бейруте я на сто процентов остался русским, но и на сто процентов стал ливанцем».

Вопрос исповедания в русской диаспоре

В 1927 г. в Бейруте был основан приход РПЦЗ. Он имел свое помещение до 1960 г., затем здание было реквизировано, и церковь функционировала в частном доме. Вскоре по многим причинам приход был вынужден закрыться.

С течением времени число русских православных в Ливане стало достаточно велико, так что при наличии большого количества православных приходов Антиохийского патриархата возникла необходимость учреждения прихода РПЦ, где службы велись бы не на арабском, а на церковно-славянском языке. Такая возможность

представилась после относительной оттепели в религиозной политике сталинского правительства СССР сразу после Великой Отечественной войны.

Подворье Московского патриархата в Ливане было основано в мае 1946 г. после визита на Ближний Восток Патриарха Московского Алексия I (Симанского). Это решение было принято с учетом горячего желания русских жителей ливанской столицы иметь свой православный храм. На канонической территории Антиохийского патриархата – Бейрутской митрополии – для русского православного подворья был выделен правый придел во имя свт. Николая бейрутской Благовещенской церкви. Этот приход стал центром притяжения для русской православной общины – религиозным, духовным, и своего рода культурным центром, в котором отмечались не только церковные, но и другие памятные для русских православных в Бейруте даты.

Показательна судьба одной из старейших, но активных деятелей русской диаспоры в Ливане – Ирины Алексеевны Жабер, которая уже долгое время исполняет обязанности старосты прихода подворья Московского Патриархата в Ливане. В самом начале 1930-х гг. ее семья с маленькой дочерью Ириной выехала из России. Несмотря на долгие годы жизни за рубежом, Ирина Алексеевна сохранила знание русского языка и любовь к России. Она является автором многих публикаций о судьбах русских в Ливане, активно участвует в мероприятиях российских соотечественников, которые проходят, в том числе, в Российском центре науки и культуры в Бейруте. Осенью 2009 г. И.А. Жабер отметила свой 80-й юбилей, с которым ее поздравили, среди прочих, сотрудники посольства РФ в Бейруте, представительства Россотрудничества¹ в Ливане, члены Ассоциации российских соотечественников.

Известная ученая православного Баламандского университета в Ливане, историк и искусствовед с мировым именем, проф. Суад Слим до брака носила фамилию Абу аль-Рус. Ее дедушка был выходцем из России, в начале XX в. обосновавшийся в Ливане и женившийся на ливанке. Безусловно, сама уважаемая профессор не

¹ См.: Сухов Н.В. О Россотрудничестве, здесь же

может считаться членом русской диаспоры, но ее случай наглядно демонстрирует механизм единичных эмиграций и давние тесные связи русских с Ливаном.

Эмиграция «русских жен» в Ливан

Еще один вид эмиграции русских в Ливан, начавшийся еще в советскую эпоху и активно развивающийся в настоящее время – т. н. эмиграция «русских жен». Немалое число студентов и аспирантов из Ливана, обучавшихся сначала в СССР, а сегодня – в России, заключают браки с россиянками (или украинками) и с удовлетворением отмечают хорошие душевные качества, красоту и надежность своих русских жен. Нужно отметить, что сами ливанцы не акцентируют внимание на том, из России или из Украины происходит их избранница, и считают всех русскоязычных в Ливане русскими. При этом зачастую не играет роли различие в вероисповеданиях мужа и жены. Иногда это происходит оттого, что жены принимают веру мужа-ливанца, а есть ряд случаев, когда муж (например, выходец из шиитской общины) является сторонником коммунистической или светской идеи и не заботится о конфессиональном единстве семьи. «Русских жен» в Ливане объединяет созданный в Бейруте Женский клуб, который в настоящее время возглавляет Наталья Самаан.

Дети от смешанных браков нередко имеют двойное гражданство, и большинство из них говорят по-русски. Основная их часть изредка приезжает на историческую родину к своим родственникам и, в принципе, достаточно хорошо знакома с русской культурой. Такие дети, как правило, обучаются в ливанских школах и колледжах, многие поступают в университеты. При этом учитывается не религиозная принадлежность университета (к примеру, иезуитский Университет св. Иосифа, маронитский Университет Св. Духа, протестантский Американский университет в Бейруте и т.д.), а только качество и стоимость образования.

Проживают в Ливане и российские специалисты – строители, врачи, преподаватели, представители других профессий, работающие по контракту. Дети таких семей могут посещать как частные школы и колледжи, так и русскоязычные учебные заведения, создаваемые российскими государственными организациями.

В Бейруте при Российском центре науки и культуры существует русская школа, которую посещают дети выходцев из России и ряда стран СНГ – Украины, Белоруссии и Казахстана, постоянно проживающих в Ливане. В школе обучаются несколько десятков учеников разного возраста, объединенные в пять классов. Кроме того, детские группы по изучению русского языка действуют при филиалах Центра в ливанских городах Триполи, Набатыйя и Баальбек.

По заказу российской Правительственной комиссии по делам соотечественников был издан комплект новых учебных пособий (а также словарей русского языка, аудиоматериалов, дидактических и методических пособий) под названием «Кабинет русского языка и литературы», который был передан в Российский центр науки и культуры в Бейруте.

Российский центр науки и культуры (ЦРНК) в Бейруте существует уже около 60 лет. Он представляет собой не только образовательное, но и культурное учреждение: сейчас в ЦРНК располагаются классы школы русского языка, балетные классы, а также досуговый центр для представителей русской диаспоры. В отдельные трудные периоды войн и вспышек насилия в Ливане подвал здания был переоборудован и исполнял функции бомбоубежища. По словам директора ЦРНК Мансура Хасанова, для укрепления своего влияния на Ближнем Востоке России необходимо уделять большее внимание информационным средствам, пропаганде русской культуры и литературы: в частности, переводить на арабский язык наиболее интересные новинки русской научной и художественной литературы, как это было в советскую эпоху.

В Ливане, к сожалению, как и везде в мире, имеет место проблема русскоязычного «живого товара». Этот факт в значительной степени подрывает имидж России, несмотря на то, что большая часть этого потока молодых женщин – из Украины. Наносится колоссальный урон образу нашей страны в глазах ливанцев, и вообще арабов, зачастую сводятся на нет усилия по пропаганде в Ливане русской художественной и бытовой культуры. Пока еще этот негативный феномен, как представляется, не дошел до «точки невозврата».

та», однако его масштабы и постоянство заставляют с тревогой глядеть в будущее российско-ливанских культурных отношений.

Современное состояние гуманитарных российско-ливанских отношений

Для укрепления имиджа России и распространения русского языка и культуры в странах мира в 2008 г. по инициативе президента РФ было создано Россотрудничество, которое сегодня имеет свое представительство и в Бейруте. В подчинении Россотрудничества находится 72 культурных центра во многих странах мира. Работа нового агентства была высоко оценена, и с 2009 г. финансирование целевых программ возросло примерно в полтора раза. По словам замглавы Агентства Михаила Кожохина, «Ближний Восток является одним из приоритетных геополитических регионов, в которых следует укреплять авторитет России. ...Ближний Восток традиционно входит в сферу интересов России. Огромное количество людей в Палестине, Ливане, Сирии и Иордании получили высшее образование в Советском Союзе: сейчас они занимают высокие посты в правительстве, бизнесе и науке. И они, и русские специалисты, проживающие в этом регионе, ждут укрепления российского присутствия на Ближнем Востоке».

Культурные центры ведут свою работу, опираясь на существующие русские диаспоры, учитывая особенности и потребности даже таких малоизвестных очагов русской культуры как в Бейруте. Входящие в подчинение Россотрудничества культурные центры существуют и в Дамаске (около 500 чел.), и в Аммане (открыт в 2008 г.).

В декабре 2009 г. за вклад в развитие русской культуры почетными грамотами Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом РФ были награждены три деятеля культуры русской диаспоры в Ливане: председатель Ассоциации российских соотечественников Вера Эдуардовна Джурди, руководитель хора приходской общины Русской православной церкви в Бейруте Вера Никитична Ганем и руководитель детской танцевальной школы при ЦРНК в Бейруте Наталья Викторовна Семаан.

Во время визита ливанского президента М. Слеймана в Россию в феврале 2010 г. состоялась его встреча с патриархом Москов-

ским Кириллом. Обращаясь к президенту Ливана, патриарх в частности сказал: «Русские люди, живущие в Ливане, внесли свой вклад в становление государственности вашей страны, в систему образования и культуру Ливана. И сегодня в Ливане проживает большая русская диаспора, насчитывающая от семи до десяти тысяч человек». Патриарх Кирилл выразил благодарность муниципалитету Бейрута за решение о выделении участка земли для русского кладбища. В планах – подписание соглашений о развитии паломничества из России в Ливан.

Проблема сохранения и институционализации русского языка на примере русской диаспоры в Марокко

Сухов Н.В.

Из всего массива проблем, сопровождающих «бытие русской общины в арабской стране», я остановлюсь на двух основных: сохранении русского языка русскоязычной диаспорой и его институционализации в принимающем обществе.

Сохранение родного языка в иноязычной среде и обучение русскому языку детей в смешанных браках было и остается важным вопросом. О том, как этот процесс шел в среде российской диаспоры в Марокко в начале XX века, я узнал из частных бесед и мемуаров яркой представительницы эмигрантов первой волны – графиней П.П. Шереметевой, уроженкой Рабата (столицы Марокко), а также из интервью с эмигрантами второй волны, которые провели свою юность в Марокко, а в настоящее время проживают во Франции и США.

Я также проанализировал современное состояние изучения русского языка в русскоязычной общине в Марокко на основе личного опыта, который я получил, будучи в течение семи лет очевидцем и непосредственным участником этого процесса.

Русскоязычные эмигранты первой и второй волн

К специфическим чертам русской эмиграции относится особый социокультурный феномен – устойчивая преемственная связь

первых двух волн эмигрантов в вопросе сохранения и развития национальной культуры, а также открытость к культуре Марокко и свободное взаимодействие с ней. В совокупности своей это обусловило приверженность переселенцев к корням, оставленным на родине, их осознание себя как органической части русской культуры. Как следствие, обеспечивалось взаимодействие между российскими эмигрантами, расселенными в различных регионах Марокко, что позволяло не утрачивать духовно-культурную целостность¹. А такая опасность существовала. Вот как протекала жизнь в Марокко, по описанию Прасковьи Петровны Шереметевой: «С французами мы, ясно, жили близко, ходили в школу, потом в лицей. Главное, нас не только учили на французском языке, но и по-французски... Наши друзья были, естественно, французы. В Рабате не было четверговой школы, как в Касабланке. Так что мы жили – теперь это мне стало яснее – в каком-то вечном противоречии и до как-то степени раздвоении. С одной стороны – далекая, почти мифическая, Россия, которая все больше и больше уходит в какую-то нереальность; с другой стороны – французский прагматичный, логичный мир, к которому, собственно говоря, ничто нас не готовило».

Родители П.П. Шереметевой, как и родители других детей, вывезенных из России маленькими или родившихся уже в эмиграции, старались передать им знание родного языка, богатство русской культуры. Именно православная церковь, располагавшая богатым арсеналом средств для благотворного воздействия на личность, оказалась самой надежной опорой для воспитания «русскости» в маленьких эмигрантах. П.П. Шереметева вспоминает, как родители заставляли ее учить молитвы на церковнославянском языке, петь в церковном хоре; сначала слушать чтение русских книг, а потом и самим читать их. «Так мы и жили, русские в Северной Африке, в арабской стране, пропитанной французской культурой, поддерживая значительную частицу русскости, русского быта, духа».

¹ Новиков А.М. Методологические проблемы изучения культуры Русского Зарубежья // Наука и культура Русского Зарубежья. СПб, 1997. С. 6 – 7; В.Д. Зими́на. Дети русской эмиграции: выживание ради самосохранения России // Новый исторический вестник, М., 2004. № 2 (11)

Как же сохранить для молодого поколения, оказавшегося на стыке цивилизаций, культуру исторической родины во всей совокупности ее художественных и нравственно-эстетических характеристик и традиций? Жизненный лейтмотив сохранения на чужбине русскости во всей полноте этого понятия сформулировала применительно к самой себе и своему поколению второй волны И.Е. Евец, дочь регента церковного хора в Касабланке, в 2000-х гг. проживавшая в Париже: «Нам невозможно было представить себе, что мы отказываемся от своих корней. Ни под тем, ни под иным предлогом. Русские привыкли теперь говорить о России, что «это не мать-родина, а мачеха». Но все равно корни-то твои есть! А Родина-то одна...»¹.

Кроме домашнего воспитания и церкви у эмигрантов второй волны был еще один способ образования и формирования взглядов молодого поколения – скаутские организации. Сборы, походы, а главное – летние лагеря, проводимые пусть и на самые скудные средства, создавали для молодых людей ту среду, в которой они, поддерживая дружбу друг с другом, сохраняли свой язык и свою национальную принадлежность, несмотря на то, что все они учились во французских школах и лицеях².

Сохранение русского языка на современном этапе

Общепризнанно, что язык – это инструмент, формирующий личность. В смешанной семье родители, бабушки и дедушки, близкие и дальние родственники говорят как минимум на двух языках, что характерно для большинства арабских стран. В Марокко наблюдается уникальная для Африки картина: в такой семье говорят на трех, а в некоторых случаях на четырех языках (марокканский диалект арабского языка, русский, французский, испанский – в северных районах страны). Человек с младенчества попадает под влияние и власть разных языков и оказывается на перекрестке культур. Перед ним встает сложнейшая задача усвоить и совместить в себе, в своем сознании и подсознании, разные культуры, которые

¹ Н.Л.Крылова, Ирина Евец. «Мы проскользнули через Африку», Африка. Гендерное измерение, М., 2010, с. 173

² Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции: Очерки и воспоминания / Ред.-сост. Л.С. Флам. – М.: Русский путь, 2006

несут языки, звучащие вокруг него, стать полноправным членом того речевого окружения, в котором он оказался по факту своего рождения. Эту задачу он решает, естественно, неосознанно. К сожалению, чаще всего эту проблему не осознают и его родители.

В случае детей от смешанных браков мы наблюдаем проблему, неразрывно связанную с тем, какой из языков станет «главным» для личности ребенка. На выбор языка влияют внутренние психологические и внешние социальные факторы. От выбора языка зависит его дальнейшая самоидентификация в подростковом возрасте. Будет ли он ощущать себя «русским», «марокканцем», «французом», «человеком мира» или же всю жизнь будет мучиться от неопределенности, раздвоенности?

В условиях не только Марокко, но и всего арабского мира русский язык как знак принадлежности к определенному социуму влияет на выбор индивидуумом профессии, партнера для создания семьи, страны проживания, определяет во многом его социальное положение.

Как правило, русский язык остается родным, первым и главным для детей, которые родились и достигли определенного возраста (5 лет и старше) в России. Это могут быть дети от смешанных браков между представителями арабского мира и русскоязычными женщинами. Переехав на родину отца, маленькие эмигранты испытывают психологический стресс от попадания в другую языковую и культурную среду. Арабский и французский языки воспринимаются ими однозначно как «чужие». Для арабских родственников и одноклассников в этом случае дети-эмигранты зачастую навсегда остаются «русскими». Насколько успешно и быстро произойдет неизбежная адаптация, зависит от интеллектуального уровня и социального статуса родителей. Семьи с достатком отдают своих детей в частные детские сады и школы, где преподаватели занимаются ими более внимательно. В этом случае дети довольно быстро осваивают французский язык. Марокканский диалект арабского языка, т.н. *дариджа*, усваивается во время общения с родственниками, в первую очередь, с бабушкой и сестрами отца, а также с прислугой. Если семья живет отдельно, все ограничивается французским. Семьи победнее после переезда в Марокко вливаются в традиционную

«большую семью» – арабский клан. Здесь приоритет в общении отдается даридже, а французский остается языком школы. Так или иначе, разговорный русский язык по-прежнему остается родным. Но в зависимости от возраста ребенка появляется угроза того, что он не научится писать по-русски. Здесь многое зависит от матери: если она занимается с ребенком грамотой, читает ему русские книги, учит с ним стихи, водит на курсы русского языка, то его шансы сохранить и усовершенствовать владение родным языком увеличиваются. Большое значение имеет моральная, а в некоторых случаях и материальная поддержка отца. Также сохранение русского языка в семье происходит, если родители говорят между собой по-русски.

Русский язык становится для детей «главным» и в случае социальной самоизоляции семьи. По инициативе марокканского мужа или русскоязычной жены, или же по их обоюдному согласию, жена-иностранка не интегрируется в клан мужа и общение с родственниками мужа сводится к минимуму. Одной из основных причин неприятия жены-иностранки «большой семьей» может быть ее принадлежность к иной вере. Ее могут воспринимать как неверную «свиноедку», даже если она примет ислам: это означает, что она не имеет права преступать порог мусульманского дома, и, следовательно, ее оскверняющее присутствие в родительском доме мужа исключено. Родственники мужа могут также отвергнуть русскоязычную жену из-за того, что своим появлением она разрушила задуманную много лет назад комбинацию породнения двух кланов. Так или иначе, дети в такой семье оказываются в какой-то степени в языковой изоляции. Они продолжают считать русский родным языком и, соответственно, идентифицируют самих себя как «русских». Поскольку подобные ситуации возникают, как правило, в семьях с невысоким культурным уровнем, систематического обучения чтению и письму на русском языке не происходит. Вырастая, такие дети стремятся покинуть принимающую страну, отправившись на учебу в Россию.

Причины утраты русского языка в смешанных семьях

Ситуация, когда русский язык потерян, встречается достаточно часто для того, чтобы ее описать и поразмышлять над способами ее решения.

Практические наблюдения показывают, что ребенка не учат русскому языку в смешанных семьях, где по ряду причин изначально не говорят по-русски. Если с момента приезда в Марокко смешанная семья вливается в традиционную семью – арабский клан, который представляет собой большую группу, объединенную родственными связями, то жена сына – невестка из России – становится в такой семье младшей, а значит самой бесправной. Тут уж не до русского языка.

Другой распространенной причиной появления в арабских странах «русских» детей, не говорящих по-русски, является, по моим наблюдениям, безразличие матери к этому вопросу вследствие ее низкого образовательного и культурного уровня. Ребенка отдают в обычный муниципальный детский сад, а затем – в школу, где у него формируется менталитет среднестатистического марокканца. В итоге вырастает в какой-то степени счастливый человек, который находится в гармонии с окружающим миром. Сама же мать неплохо ассимилируется в принимающем обществе, овладевает местным диалектом, принимает ислам, надевает хиджаб. Ее мироощущение и система ценностей меняются, и русский язык не находит в них места.

Приходилось наблюдать случаи другого порядка, когда русскоязычная мать сознательно ограничивает влияние русского языка и русской культуры на ребенка. Как уже отмечалось выше, под влиянием реальных условий жизни в иноязычной, инокультурной среде меняется ее менталитет, ее видение мира. И тогда она предпочитает ориентировать детей на учебу и дальнейшую жизнь не в Марокко и не в России, а во Франции, Канаде или США.

Среди других важных причин, по которым мать прекращает интенсивно учить ребенка русскому языку, можно назвать расизм в России и семейные проблемы. Мать опасается, что, увлекшись Россией, ее повзрослевшее чадо захочет переехать туда жить.

Факторы сохранения русского языка в принимающем обществе

В Марокко основная масса детей в смешанных семьях владеет разговорным русским языком, арабским (или его диалектами), французским и испанским. И ни один из языков у них не первый, не

основной. Это естественная ситуация, вытекающая из социальных условий, в которых находятся эти семьи.

Дело в том, что если их отцы – марокканские выпускники российских ВУЗов, то они, как правило, после возвращения на родину занимают достойное положение в обществе. Наряду с авторитетом российского образования их успешной карьере способствуют и обширные полезные связи его разветвленной «большой семьи». В семье сохраняется позитивное отношение к России как стране, давшей образование их сыну, стране мировой культуры, могучей державе, «другу всех арабов». В подобной социальной среде довольно много знают о родине русскоязычной жены, имеют определенное представление о ее соотечественниках. Эта среда определяет и судьбу детей: частный детский сад, частная школа, высокий уровень дальнейшего образования. В нуклеарной семье, которая в большинстве случаев проживает в отдельной квартире или на городской вилле, смотрят русскоязычные телеканалы, ребенку показывают мультфильмы на русском языке, читают русские сказки. Таким образом, дети существуют в многоязычной культурной среде и одновременно впитывают совершенно различные культурные ценности – в лексике, пословицах, поговорках, фольклоре, художественной литературе, формах устной речи. В 2007-2011 гг. я провел в Марокко опрос в таких семьях с целью выяснить, какой язык они предпочитают для общения между собой. 55% из них ответили, что дома они разговаривают на двух языках, а 45% – исключительно на русском. Тем не менее, универсальным языком в семьях этой категории становится все же французский – язык образования и игр со сверстниками, а также средство общения с отцом и его «большой семьей».

Среди смешанных семей, где русский имеет равные права с другими языками, выделяются энтузиасты его изучения. Они уделяют особое внимание обучению детей русскому языку: сначала дома, а затем на курсах. В этих семьях родители – и марокканский отец, и русскоязычная мать – это образованные, социально успешные люди, с высоким уровнем культуры, со светским, европеизированным взглядом на окружающий мир. Они не исключают возможности отправить своих детей получать высшее образование в Рос-

сию. Такая семья готова тратить время и средства на обучение детей на курсах русского языка при Российских культурных центрах или организациях соотечественников. Они же зачастую являются активистами таких организаций, своими усилиями создавая благоприятные условия для восприятия детьми русской культуры. Их дети идентифицируют себя как «русских марокканцев»; так же их воспринимает и окружающий социум, причем со знаком плюс. Благодаря сети Интернет они переписываются с друзьями и родственниками в России, что само по себе мотивирует совершенствование русского языка.

И последнее – краткое, но очень важное замечание на эту тему. В последние годы наблюдается тенденция, когда русскоязычные тещи марокканцев переезжают жить в их семьи. Невозможно переоценить роль русскоязычной бабушки в изучении русского языка!

Институциональная составляющая в сохранении русского языка в смешанных семьях в Марокко

Русскоязычные жены марокканцев в большинстве своем не анализируют проблему сохранения русского языка в семье и передачи русских культурных основ своим детям. Те же из них, кто действительно стремится научить детей русскому языку, приобщить их к русской культуре, пришли к выводу о необходимости объединить свои усилия. Идея организовать курсы русского языка для детей привела к созданию (или воссозданию) ассоциаций соотечественников в Марокко в 2000-е гг.

Кроме стремления дать детям возможность воспринимать себя как часть огромной страны – России, родители в смешанных семьях имеют и вполне практические соображения. Они отчетливо понимают преимущества изучения русского языка для своих детей. Знание русского языка способно значительно поднять итоговый балл при окончании марокканской школы, существенно увеличивает шансы при конкурсном поступлении в престижные учебные заведения, в том числе в Европе. Очевидно, что знание русского языка – уже почти профессия или значимый шаг к ней. Хорошее знание русского дает возможность получить дополнительное (или основное) образование в России. Наконец, сохранение на всю жизнь рус-

ского языка – это та ниточка, которая осознанно или неосознанно связывает новые и старые поколения через личное общение на «внутрисемейном» языке, представляя собой отличный способ поддержания внутреннего семейного взаимопонимания, взаимоуважения и привязанности.

Но первая и самая насущная проблема при организации курсов русского языка – это найти в арабской стране квалифицированного преподавателя. Русские женщины, даже с филологическим образованием, не имеют необходимых для преподавания подготовки и навыков, а тем более – для преподавания детям-билингвам. В большинстве случаев курсы русского языка для детей ведут энтузиастки, активистки женских ассоциаций, зачастую безвозмездно или за символическую плату. Изучение языка сочетается с уроками истории России, рисования, рукоделия, праздничными концертами с участием детей и их мам, посвященными российским праздникам. К сожалению, в подобных случаях невозможно говорить о высоком уровне преподавания.

В лучшем положении находятся школы русского языка для детей из смешанных семей при Российских центрах науки и культуры (РЦНК). Курсы русского языка, входящие в структуру РЦНК, где работает, как правило, хотя бы один профессиональный русист, выполняют важнейшую роль в процессе обучения детей от смешанных браков. В последние годы активизировалась методическая и организационная помощь, которую оказывают РЦНК представителям русской общины в Марокко. За последние пять лет в рамках различных грантовых программ и ФЦП «Русский язык» проходят семинары по повышению квалификации преподавателей русского языка из множества арабских стран.

Актуальной остается проблема учебных и методических пособий, предназначенных для обучения русскому языку детей-билингвов. Для подростков предлагаются только личные разработки преподавателей на местах. В процессе создания находятся учебные пособия для детей соотечественников по страноведению.

Деятельность по популяризации русского языка среди детей от смешанных браков требует определенной материальной базы. Помочь организациям соотечественников в этом благородном деле

призвана Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом (ПКДСР). К сожалению, в разрешенный перечень затрат не входят самые насущные статьи расходов: оплата работы преподавателей, аренды помещений, тиражирования разработанных на местах учебных пособий. Поэтому объединения русскоязычных эмигрантов стараются изыскивать собственные источники финансирования: собственный бизнес, изредка спонсорство российского бизнеса, гранты, членские взносы.

Будущее русского языка в Марокко

Опыт работы с детьми от смешанных браков, годами накапливаемый как в смешанных семьях и объединениях русскоязычных эмигрантов, так и в Российских культурных центрах, действующих в странах Ближнего Востока и Северной Африки, убеждает, что ребенок, родители которого принадлежат к различным культурам, соприкасается в лице матери и отца с различными нормами и ценностями, формируясь как самостоятельная культурная величина, реально существующая, требующая от педагогов и наставников внимательного и аккуратного к себе отношения. Многое здесь зависит от атмосферы домашнего окружения, а также от норм и идеалов, привитых воспитателями, средствами массовой информации, сверстниками.

Дети, выросшие в смешанных семьях, как правило, наследуют традиции и черты обеих культур, представленных со стороны отца и матери. Зачастую они затрудняются четко определить свою национально-культурную принадлежность, поскольку «разделительную линию» им приходится искать внутри собственного «я». Это социально и психологически трудный процесс. Не только семья, но и опытные педагоги, и наставники, а также общественные организации русскоязычных эмигрантов и российские учреждения за рубежом могут облегчить, по моему мнению, поиск самоидентификации для такого ребенка.

Материальная и организационная поддержка российского государства стала более ощутимой с середины 2000-х гг. Она выражается преимущественно в поставках учебных пособий и проведении курсов повышения квалификации для преподавателей русского языка из числа соотечественниц, проживающих за рубежом. Жизнь,

тем не менее, ставит гораздо больше вопросов, чем предполагают государственные чиновники. Поэтому русскоязычные соотечественники в арабских странах стараются решать их сообща.

Принимая во внимание интенсивную и регулярную работу по сохранению и продвижению русского языка, которую наша страна ведет по всем направлениям в Европе, можно сделать вывод, что второе и третье поколения российской диаспоры в арабских странах незаслуженно обделены вниманием. А ведь они в значительной степени формируют образ России в арабском мире, тем более что благодаря интеграции в принимающие общества через семьи и кланы они стали той самой «мягкой силой», на которую сегодня уповают российские политики.

О Россотрудничестве

Сухов Н.В.

Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) (rs.gov.ru) было создано в сентябре 2008 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации.

Россотрудничество, подведомственное МИД РФ, сегодня представлено в 76 странах 59 российскими центрами науки и культуры, 8 их филиалами (4 из которых в Индии) и 17 представителями федерального органа в составе дипломатических миссий Российской Федерации. Географически Россотрудничество охватывает территорию от Соединенных Штатов Америки до Японии и от Финляндии до Аргентины.

Приоритетным направлением деятельности Россотрудничества являются государства-участники Содружества Независимых Государств. Только за минувшие пару лет были открыты новые представительства в Молдавии, Азербайджане, Армении, Казахстане и Таджикистане. Разработан перспективный план открытия российских центров науки и культуры и представительств Россотрудничества до 2020 г.

Сегодня деятельность Россотрудничества и его заграничных учреждений направлена на утверждение за рубежом объективного представления о современной России, ее материальном и духовном потенциале, о содержании внутри- и внешнеполитического курса страны. В этих целях Агентство тесно сотрудничает в научной, культурной, информационной и гуманитарной областях с российскими некоммерческими неправительственными и религиозными организациями, с государственными и неправительственными структурами государств-участников СНГ, других иностранных государств, с международными и региональными организациями.

В этой связи конференции «Российская диаспора в странах Востока», проводимые с 2010 г. Институтом востоковедения РАН, представляют одну из граней такого сотрудничества.

Агентство обладает реально действующей системой поддержки русского языка за рубежом. Ведется активная работа по продвижению российских образовательных услуг и расширению сотрудничества между образовательными учреждениями стран партнеров. Уделяется большое внимание работе с выпускниками российских (советских) вузов. Тысячи людей, и особенно молодых, обучаются сегодня на курсах русского языка при заграничных учреждениях Россотрудничества во многих странах мира. В представительствах проводятся экзаменационные тесты, по результатам которых можно получить государственный сертификат, подтверждающий уровень владения русским языком. Заботясь о распространении русского языка, Агентство создает условия для его практического применения, а также получения образования на русском языке. Представительства Россотрудничества способствуют набору иностранных студентов в российские вузы и поддерживают связи с их выпускниками, которых по всему миру насчитывается более 500 тысяч.

В числе информационных партнеров Россотрудничества – ИТАР-ТАСС, РИА «Новости», телеканалы «Russia Today» и ТВЦ, телекомпания «МИР», радиостанция «Голос России» и другие ведущие российские и многочисленные зарубежные русскоязычные СМИ и издания соотечественников.

О деятельности Фонда «Русский мир» по распространению русского языка, русской культуры и поддержанию связей с зарубежными соотечественниками

Толорая Г.Д.

В 2007 г. по указу президента В.В. Путина был создан Фонд «Русский мир» (russkiymir.ru), важным направлением деятельности которого стали страны Азии и Африки. С момента создания Фонд начал осуществлять большую и плодотворную работу. В ряде зарубежных стран, в основном при университетах, были организованы Русские центры (всего их на сегодня 57), укомплектованные современным оборудованием, специально подобранной литературой, мультимедийными изданиями. Они служат как для изучения русского языка, культуры и истории, так и проведения разного рода мероприятий.

Русские центры привлекают к участию в работе выходцев из России и СССР, а также иностранцев, интересующихся русской историей, культурой и языком. Кроме того, создаются более скромные по масштабам Кабинеты Русского мира, обычно на базе провинциальных ВУЗов и других учебных заведений, а также организаций соотечественников.

Через систему грантов Фонд содействует публикации учебников и учебных пособий по русскому языку и научно-просветительской литературы, организации конференций и других мероприятий, связанных со знаменательными датами в российской истории и культуре.

Фонд ведет просветительскую и конференционную деятельность, в частности, ежегодно, в ноябре, проводит в Москве Ассамблеи «Русского мира», на которые приглашаются как представители русских диаспор, так и те, кто занимается за рубежом изучением России и русского языка. На Ассамблеях выступают министры российского правительства, депутаты, видные общественные деятели, руководители конфессий, участников Ассамблеи принимает Президент России.

Фонд осуществляет различные публикации, в том числе, издает журнал «Русский мир.ru».

Конференции в ИВ РАН по изучению восточной российской диаспоры вызывают интерес в научно-практическом плане, а доклады участников будут содействовать укреплению связей между научно-исследовательскими и университетскими центрами страны и Фондом «Русский мир».